

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

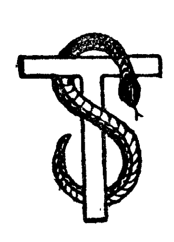
---

7 іюля—7 августа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

№ 7—8.

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати двѣ первыя брошюры: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“ и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). Слѣдующія брошюры выйдутъ въ ближайшемъ времени.

Въ скоромъ времени поступаетъ въ продажу новаа книга П. Д. Успенскаго: „Tertium Organum, Ключъ къ загадкамъ міра“. Цѣна 2 рубля. Складъ въ типогр. „Трудъ“, СПБ., Кавалергардская, 40.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

SOMMAIRE DU № JUILLET—AOUT.

Pages.

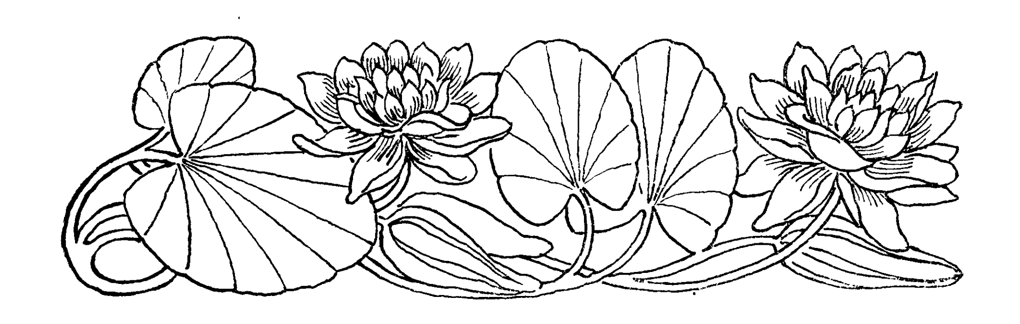
1. Jeanne-Marie Guyon, E. P. 1
2. Evolution du monde et de l'homme, R. Steiner, trad. E. P. 11
3. Fraternité des religions, A. Besant, trad. E. P. 19
4. Bhagavad-Gita, trad. I. M. et Alba 28
5. Pouvoir de la pensèe, A. Besant, trad. N. T. 33
6. Poésie, E. N. 42
7. L'Ideal, trad. W. M. 43
8. Une expérience psychique de L. Tolstoï (Lettre inédite) . 51
9. Pymandre de Hermes, trad. A. K. 55
10. Aux pieds du Maître, Alcyone, trad. A. K. 63
11. Revue de la littérature théosophique, Alba 78
12. Chronique du mouvement, Alba 84
13. Chronique de la vie, N. T. 85
14. Revue des journaux, N. T. 91
15. Extrait du journal d'un théosophe 99
16. Notes bibliographiques 107
17. Questions et réponses 109

СОДЕРЖАНІЕ

іюльской-августовской книжки „Вѣстника Теософіи“.

СТРАН.

1. Жанна-Марія Гюйонъ, очеркъ Е. П. 1
2. Эволюція міра и человѣка (продолженіе), д-ра Р. Штейнера, сост. Е. П. 11
3. Братство религій (продолженіе), А. Безантъ, пер. Е. П. 19
4. Бхагавадъ-Гита (продолженіе), пер. И. Манціарли и Alba. 28
5. Сила мысли, А. Безантъ (прод.), пер. Н. Т. 33
6. Стихотвореніе, Е. Ю. Н. 42
7. Идеалъ, перев. съ англійскаго В. М. 43
8. Психическое переживаніе Л. Н. Толстого, ... 51
9. Пэмандръ Гермеса, пер. А. К. 55
10. У ногъ Учителя, Алсіона, пер. А. К—ръ 63
11. Обозрѣніе теософической литературы, Alba 78
12. Хроника теософическаго движенія 84
13. Хроника жизни. 85
14. Изъ газетъ и журналовъ. 91
15. Изъ дневника теософа, Alba 99
16. Отзывы о книгахъ 107
17. Вопросы и отвѣты 109

Жанна Марія Гюйонъ.

Артура Уайтъ *).

Фенелонъ и г-жа Гюйонъ являются оба свѣточами на мистическомъ пути, но свѣтъ ихъ устремленъ въ томъ направленіи, гдѣ душѣ не найти прочнаго пристанища.

Между ними стоялъ осторожный Боссюэтъ, и всѣ трое представляли такое созвѣздіе, какое не часто встрѣчается на историческомъ горизонтѣ. Не легко дать ихъ сравнительную характеристику и не легко установить ихъ мѣсто въ блестящей, разнузданной и лишенной вѣры эпохѣ Людовика XIV. Можно бы многое сказать въ защиту Боссюэта, положеніе котораго было очень затруднительно и который не въ состояніи былъ подняться на большую высоту. Точно также многое можно сказать и въ пользу г-жи Гюйонъ, противъ которой онъ сыгралъ роль орудія въ рукахъ церкви; у нея были недостатки и въ мистическомъ сознаніи, и въ логикѣ, но она была проницательная женщина и проявляла большую дѣятельность.

Что касается глубокой стороны ея духовныхъ переживаній, ихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Цѣль и конецъ внутренней жизни въ томъ, чтобы человѣкъ *узналъ* въ совершенствѣ Того, въ Кого вначалѣ онъ только *вѣрилъ*. 2) Это—состояніе, совсѣмъ не извѣстное людямъ, живущимъ въ міру;

---

*) Статья эта была вызвана появившейся біографіей г-жи Гюйонъ: The Life, Religions opinions and experiénce of madame Gujon. By Thomas C. Upham. London 1907.

состояніе, о которомъ люди, живущіе въ подчиненіи церковнымъ правиламъ, могутъ только мечтать и которое далеко отъ нихъ. 3) Корень нашего сознанія можетъ разрастись въ большое дерево, съ помощью котораго мы можемъ подняться на небеса; по свидѣтельству г-жи Гюйонъ она испытала такое поднятіе. 4) Причиной тому—наше законное наслѣдственное право на Обитель Отца; сама г-жа Гюйонъ считала свое наслѣдственное право незыблемымъ и хотя она еще не могла въ совершенствѣ читать письмена Божественнаго Закона, она начала по мѣрѣ силъ знакомиться съ этими письменами. 5) Но она не вполнѣ понимала, что Богъ даетъ Свои дары избраннымъ не въ виду приписываемой людямъ „грѣховности" и ихъ бѣдственнаго положенія, способнаго вызвать сострадание, а въ виду ихъ божественнаго происхожденія и въ виду заложенныхъ въ нихъ возможностей. 6) Тайна, которая начинается въ согласованіи съ Богомъ, кончается въ Божественномъ Единеніи, и г-жа Гюйонъ знала не мало глубинъ, а также и высотъ, которыя заключаются въ высочайшемъ подчиненіи волѣ Бога. 7) Она знала также, что путь подчиненія, согласованія и успѣха, есть путь любви.

Если бы я говорилъ съ одними мистиками, я считалъ бы что этихъ указаній совершенно достаточно для воспоминанія о г-жѣ Гюйонъ. Но такъ какъ я обращаюсь къ различнымъ читателямъ, то необходимо, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію истинной причины гоненія на нее со стороны церкви, упомянуть и о внѣшней сторонѣ ея жизни.

Г-жа Гюйонъ, урожденная Марія Бувьеръ де ла-Мотъ, родилась 13 апрѣля 1648 г. Она была еще ребенкомъ, когда королева Генріэта Марія, вдова Карла I, короля англійскаго, посѣтила ея отца въ Монтаржи, провинціи Орлеана. Этого достаточно для указанія на соціальное положеніе ея семьи, жившей во времена Людовика XIV. Она была дитя монастырской жизни, почти съ самаго начала своей жизни была послушницей въ Урсулинской, Бенедиктинской и Доминиканской монастырскихъ школахъ, и она не только училась съ успѣхомъ, но и „преуспѣвала въ путяхъ Господнихъ", на которые призываются избранные люди „отъ шатровъ Кедрона до Іерусалима".

Она была выдана замужъ на шестнадцатомъ году жизни за Якова Гюйона, который уже приближался къ сорока годамъ. Благодаря его матери, она слишкомъ рано познакомилась съ горестями жизни. Этотъ бракъ былъ бы и при другихъ обстоятель-

ствахъ не изъ счастливыхъ, но безъ свекрови онъ могъ бы быть все же сноснымъ.

Она стала матерью пяти дѣтей и лишилась мужа, когда ей едва минуло тридцать лѣтъ. Есть основаніе думать, что ея расположеніе къ духовной жизни способствовало охлажденію къ ней ея мужа, а его смерть повела къ ея освобожденію отъ тираніи свекрови.

Въ числѣ постигщихъ ее бѣдствій слѣдуетъ упомянуть, что ея личная привлекательность сильно пострадала отъ оспы. Она также лишилась двоихъ изъ своихъ дѣтей, къ которымъ, несмотря на свои религіозныя углубленія, она была глубоко привязана. Эти духовныя углубленія прошли черезъ обычныя ступени, присущія жизни души, черезъ періодъ радости, черезъ періодъ просвѣтленія, черезъ періодъ благодати, и, наконецъ, черезъ длинный періодъ тоски, неудовлетворенной жажды и подавляющей темноты. Но можетъ быть главнымъ ея несчастьемъ было то, что она принимала отсутствіе радости и утѣшенія за признакъ, что божественная благодать отошла отъ нея совсѣмъ. Подобныя переживанія бываютъ повидимому всегда, но длятся они только временно, такъ какъ въ лѣтописяхъ подвижническихъ переживаній нѣтъ указанія на ихъ продленіе долѣе извѣстнаго періода. Въ случаѣ съ г-жей Гюйонъ темная полоса длилась долѣе, чѣмъ обыкновенно; но и она кончилась—какъ эти испытанія кончаются всегда—и при томъ болѣе внезапно, чѣмъ начались; и случилось это по ея словамъ въ отвѣтъ на совмѣстную молитву ея и духовнаго ея руководителя отца Лакомба. Перемѣна эта произошла въ іюлѣ 1680 г. Съ этихъ поръ она не переставала чувствовать не только Бога всемогущаго, но и Бога милосерднаго, посылающаго утѣшенія. Можно предполагать, что въ этотъ періодъ она уже играла нѣкоторую роль какъ учитель духовной жизни. Но ея вліяніе ограничивалось лишь тѣснымъ кругомъ ея знакомыхъ, обращавшихся къ ней за совѣтомъ, и кругомъ тѣхъ обездоленныхъ и бѣдныхъ, которымъ ея матеріальныя средства давали возможность помогать. Она никогда не появлялась публично какъ учитель, реформаторъ или пророкъ. И нужно особенно отмѣтить въ ея пользу, что хотя она и получала многія ощутительныя доказательства общенія съ высшимъ міромъ въ видѣ голосовъ и видѣній, но она никогда не полагалась на нихъ, а довѣряла лишь опыту своего собственнаго сердца, въ которомъ божественная жизнь зажгла несокрушимую вѣру.

Что касается внѣшнихъ обстоятельствъ этого періода ея жизни, то она серьезно думала объ удаленіи въ монастырь; но не

смотря на все свое стремленіе къ уединенію, она отказалась отъ этой мысли ради своихъ дѣтей, такъ же, какъ она отказалась позднѣе, но уже по другимъ причинамъ, отъ высокаго положенія въ монастырѣ, которое ей предлагалъ епископъ. Съ другой стороны, она имѣла дѣло съ нѣсколькими претендентами на ея руку и въ одномъ случаѣ даже чувствовала большую сердечную склонность, но она рѣшила навсегда принадлежать одному только Богу. Благодаря этому рѣшенію она продолжала свой собственный духовный путь, причемъ кругъ ея вліянія возрасталъ незамѣтно и дѣлался все шире, захвативъ и ея собственнаго наставника, который скорѣе самъ былъ подъ ея руководствомъ, чѣмъ она—подъ его вліяніемъ.

Совмѣстно съ нимъ и съ д'Арантон'омъ, епископомъ Женевскимъ, она была одно время въ Гексѣ, на границѣ Швейцаріи, гдѣ предавалась работѣ благотворительности и практикѣ религіознаго обученія.

Но это обученіе, которое получило названіе новаго, а въ дѣйствительности было лишь освященіемъ души черезъ сильную вѣру,—начало тревожить руководителей духовенства въ Парижѣ и съ этого времени начались ея испытанія.

Отецъ Лакомбъ, проповѣдовавшій о живомъ опытѣ на пути святости, навлекъ на себя неудовольствіе епископа главнымъ образомъ благодаря совѣтникамъ послѣдняго, и епископъ, привѣтствовавшій ранѣе и его, и г-жу Гюйонъ, и знавшій, что духъ его ученія идетъ отъ нея, рѣшилъ совсѣмъ прекратить ея дѣятельность въ предѣлахъ своего прихода, если она не согласится измѣнить характеръ своей работы.

Вначалѣ онъ признавалъ ея работу исключительно какъ дѣятельность милосердія, а не какъ религіозное ученіе. И въ виду ея энергіи онъ предложилъ ей мѣсто настоятельницы въ одномъ изъ монастырей. Усмотрѣвъ изъ этого, что ея дѣлу будетъ положенъ предѣлъ, г-жа Гюйонъ покинула Гексъ и направилась въ Тононъ, гдѣ впрочемъ отношеніе высшаго духовенства къ вопросамъ внутренней жизни было не болѣе либерально и выразилось сожженіемъ на площадяхъ книгъ, въ которыхъ рѣчь шла о внутреннихъ переживаніяхъ.

Какъ разъ послѣ ея изгнанія изъ епархіи епископа д'Арантона, нѣкоторыя изъ ея духовныхъ переживаній начали появляться въ печати. Статья, озаглавленная *Духовные Потоки*, была ею написана въ Тононѣ, а въ Греноблѣ, ближайшемъ мѣстѣ ея пребыванія, она начала свой мистическій комментарій на Ветхій и Но-

вый Завѣтъ. Рядомъ съ этимъ она устраивала у себя частныя собранія для молитвы и бесѣдъ. Около того же времени она издала свою *„Краткую Методу Молитвы“*, которая и до сихъ поръ высоко цѣнится какъ замѣчательное сочиненіе въ области созерцательной жизни.

Темное облако, незначительное во время ея пребыванія въ Гексѣ, разрослось, благодаря появленію этой ея книги, въ цѣлую грозу. Слѣдуя дружескому совѣту епископа, она покинула Гренобль и направилась въ Марсель. Но и здѣсь противъ нея немедленно было возбуждено судебное преслѣдованіе. Тогда она нашла временное убѣжище въ Италіи, а оттуда направилась въ Парижъ лѣтомъ 1686 года; въ это время ей не было еще и сорока лѣтъ. Здѣсь для нея настало затишье на нѣсколько мѣсяцевъ, и г-жа Гюйонъ собрала вокругъ себя кружокъ людей, выдававшихся какъ своимъ высокимъ положеніемъ, такъ и исключительной нравственностью. Но едва закончился годъ, какъ первый ударъ грома грянулъ изъ Рима; обвиненіе шло отъ французскаго Двора и преслѣдованіе началось съ заключенія отца Лакомба, который съ этихъ поръ на протяженіи послѣднихъ 27 лѣтъ своей земной жизни переводился изъ одной тюрьмы въ другую, начиная съ Бастиліи и кончая Олеронскимъ замкомъ. Подстрекателемъ ко всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ былъ нѣкто отецъ Ламотъ—сводный братъ г-жи Гюйонъ. И несомнѣнно, что преслѣдуя ея духовнаго руководителя о. Лакомба, онъ направлялъ свою вражду именно на нее. Преслѣдованія эти не прекращались, и послѣ продолжительнаго періода оскорбительныхъ обвиненій, позорящихъ ея личный характеръ, она также была заключена въ монастырскую тюрьму. Тамъ, среди всевозможныхъ лишеній, она имѣла по крайней мѣрѣ возможность писать и главнымъ результатомъ ея трудовъ въ этой тюрьмѣ были ея объемистые мемуары. Благодаря доброжелательному содѣйствію г-жи Мираміонъ, которая извѣстна въ исторіи какъ женщина высокаго духовнаго настроенія, и которая имѣла вліяніе на г-жу де-Ментенонъ, враждебность послѣдней превратилась въ участіе и она ходатайствовала за нее передъ королемъ. Результатомъ этого ходатайства было освобожденіе г-жи Гюйонъ изъ заключенія, продлившагося восемь мѣсяцевъ. Это доброе дѣло со стороны морганатической жены французскаго короля сблизило обѣихъ женщинъ и вызвало со стороны г-жи де-Ментенонъ глубокое почитаніе къ г-жѣ Гюйонъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что только послѣ перваго тюремнаго заключенія на горизонтѣ жизни г-жи Гюйонъ поднялась звѣзда

Фенелона. Слѣдовательно, ея отношеніе къ Фенелону вовсе не было результатомъ долгаго знакомства, какъ предполагаютъ многіе. Но такъ какъ никто не могъ быть болѣе освѣдомленъ относительно ея жизни и ея личности, чѣмъ епископъ Камбрейскій,—то онъ долженъ былъ дѣйствовать по отношенію къ ней съ самаго начала вполнѣ сознательно. Несомнѣнно, что онъ овладѣлъ ея сердцемъ сразу, и несомнѣнно также, что она увидѣла въ немъ новаго руководителя—по крайней мѣрѣ со стороны догматической—для своихъ литературныхъ работъ; и несомнѣнно такъ же, что она склонила его въ сторону своихъ мистическихъ убѣжденій. Между ними существовала длинная и частая переписка, были также и многочисленныя свиданія. Онъ, съ своей стороны, превратился въ нѣкоторомъ родѣ въ апостола внутренней жизни; и хотя онъ могъ давать ей совѣты и указанія въ вопросахъ догматическихъ, онъ въ то же время былъ такъ мало способенъ „спасти" ее, что вмѣсто спасенія „погибъ" самъ. Поэтому его покровительство не имѣло для ея судьбы большого значенія, развѣ только увеличило ея извѣстность.

Въ 1689 году ея книга о Молитвѣ была сожжена на площади въ большомъ количествѣ экземпляровъ и около того же времени ея враги, старавшіяся вначалѣ погубить ее съ помощью поддѣльнаго документа, пробовали ее отравить, подкупивъ для этой цѣли ея слугу.

Слѣдующимъ выдающимся событіемъ въ ея исторіи было вмѣшательство Боссюэта, который въ своей книгѣ наставленія о молитвенныхъ состояніяхъ заявилъ себя противникомъ ея идей, не называя ее при этомъ по имени. Боссюэтъ былъ также въ числѣ судей, когда возникло противъ нея преслѣдованіе, но явнаго осужденія съ его стороны не послѣдовало, и повидимому его отношенія къ г-жѣ Гюйонъ сложились скорѣй благодаря воздѣйствію ея враговъ, а не благодаря личному убѣжденію.

Какъ бы то ни было, а дѣло кончилось тюремнымъ заключеніемъ на этотъ разъ въ Венсенскомъ замкѣ. Позднѣе она была переведена въ Вожираръ, а оттуда въ Бастилію, гдѣ оставалась четыре года, по окончаніи которыхъ ее наконецъ освободили. Послѣ этого, она жила вынужденной изгнанницей въ Блоа, гдѣ и умерла въ 1817 году, достигнувъ, несмотря на всѣ пережитыя бѣдствія и преслѣдованія, почти семидесятилѣтняго возраста.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть самую важную сторону ея судьбы, а именно, отношеніе духовенства къ тому, что получило названіе квіэтизма, т. е. достиженія того покоя внутренней

жизни человѣка, который является вслѣдствіе отожествленія его воли съ волей Бога. Оффиціальная церковь, даже въ самой своей нетерпимой формѣ, вовсе не является врагомъ *внутренней* жизни,—на томъ основаніи, что она считаетъ себя хранителемъ и учителемъ *внѣшней* доктрины со всѣми ея церемоніями и ритуалами; и въ дѣлѣ г-жи Гюйонъ мы видимъ преслѣдованіе ученія о внутренней жизни не вообще, а только въ той формѣ, въ которой послѣдняя была выражена г-жей Гюйонъ и Фенелономъ. Въ то же время, тайны этой внутренней жизни, ученіе о внутреннемъ совершенствованіи и о необходимости святости, встрѣчаются постоянно во всей церковной литературѣ. Лично я совершенно убѣжденъ, что католическая церковь, какъ живая сила, проникающая всю общину вѣрующихъ, несомнѣнно сознаетъ, что цѣнность всѣхъ внѣшнихъ ритуаловъ зависитъ отъ ея внутренняго достоинства. Она можетъ утверждать—и это вполнѣ естественно для внѣшней церкви, что всѣ ея ученія должны быть принимаемы въ буквальномъ смыслѣ; что всѣ ея дѣйствія должны приниматься на вѣру; что ея церемоніалы освящены высокимъ авторитетомъ; но она никогда не утверждала, чтобы таинство божественной истины не превышало всякую мѣру опыта и догматическаго выраженія. И въ то же время, никто не утверждалъ съ такой настойчивостью, что царствіе Божіе внутри человѣка, какъ это утверждали церковные писатели. Но если это такъ, почему же церковь преслѣдовала и заключала въ темницу такихъ людей, какъ Молиносъ или г-жа Гюйонъ? Почему Римъ накладывалъ печать молчанія на уста архіепископа Фенелона косвеннымъ осужденіемъ его книги *Правила Святыхъ?* Мнѣ кажется, что на это существуетъ вполнѣ ясный и убѣдительный отвѣтъ.

Возьмемъ прежде всего случай съ Молиносомъ, который въ дѣйствительности былъ предшественникомъ г-жи Гюйонъ. Онъ говорилъ въ Испаніи совершенно то же, что немного позднѣе говорила во Франціи г-жа Гюйонъ. Онъ продолжалъ томиться въ темницѣ инквизиціоннаго суда въ Римѣ, когда она была судима въ Венсенѣ. Хотя они оба и жили одновременно, но нѣтъ никакого основанія предполагать, что она знала его иначе, какъ по наслышкѣ; только въ позднѣйшій періодъ ея жизни книга Молиноса *Духовный Руководитель* могла попасть въ ея руки, а что касается его, то онъ, несмотря на взводимое на него обвиненіе, едва ли могъ знать что-нибудь объ ней, оставаясь такъ долго въ четырехъ стѣнахъ своей темницы. Вся сумма принциповъ и внутренняго опыта, которая въ дѣлѣ Молиноса получила названіе

квіэтизма—и это въ свое время было названіемъ презрительнымъ—соотвѣтствовала настолько принципамъ и упражненіямъ госпожи Гюйонъ, что и ея система мысли получила то же самое названіе. Молиносъ училъ о возжиганіи внутренняго свѣта путемъ вѣры. Г-жа Гюйонъ учила тайнѣ соединенія съ Богомъ черезъ Христа также путемъ вѣры и рядомъ съ этимъ говорила о необходимости посвященія каждаго своего дѣйствія Богу и объ освященіи путемъ внутренней святости всей внѣшней жизни. Цѣлью земной жизни было для нея достиженіе того состоянія, которое она называла „чистой или безкорыстной любовью", состоянія, наиболѣе приближающагося къ тому божественному единенію, о которомъ еще есть возможность говорить на человѣческомъ языкѣ.

Во всемъ этомъ я не вижу ничего, что могло бы быть непріемлемо для Рима. Судя по этому, вина заключалась не въ самыхъ принципахъ, а въ чемъ то иномъ, что давало церкви поводъ смотрѣть на это ученіе какъ на ересь, которую она была обязана искоренять. Мы знаемъ, что это право искорененія, какъ бы мы ни смотрѣли на него, для самой церкви являлось священнымъ правомъ, и съ этой точки зрѣнія квіэтизмъ былъ такимъ ученіемъ, которое безсознательно для себя имѣло наклонность упразднять церковное служеніе.

Послѣ того, какъ протестантскія ереси оторвали часть міра отъ Рима, въ самыхъ его нѣдрахъ возникала система мысли, которая легко могла упразднить самую нужду въ церкви.

Квіэтизмъ былъ продуктомъ своего времени и въ основѣ своей онъ не отличался отъ общихъ основаній мистической жизни; провозглашеніе квіэтизма, по которому мистическая любовь на своей высшей ступени упраздняла даже самую заботу о спасеніи любящаго, было въ духѣ того времени; это было отвѣтомъ человѣческой души на ученіе о наградахъ и наказаніяхъ съ его грубыми спутниками: денежными сдѣлками или индульгенціями, съ его торговлей молитвами и обѣднями. Это было также отвѣтомъ на насиліе, налагаемое предписанными правилами аскетической жизни, хотя сами протестующіе и не сознавали своего протеста, какъ напр. г-жа Гюйонъ, которая сама непрочь была налагать жестокія эпитиміи. Но въ конечномъ своемъ выводѣ, квіэтизмъ означаетъ успокоеніе души въ Богѣ, какъ въ тихомъ прибѣжищѣ, отъ всего напряженія земныхъ дѣятельностей, которыя имѣютъ силу отвлекать душу отъ центра духовной жизни.

Ясно, вслѣдствіе этого, что отношеніе между этой точкой зрѣнія и ученіемъ о Единеніи съ Богомъ почитаемыхъ отцовъ

церкви сводится скорѣе къ идентичности обоихъ воззрѣній; и много разъ было указываемо на то, что Маргарита изъ Алакока была причислена къ лику святыхъ—возможно, что это совершилось подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, но тѣмъ не менѣе ея причисленіе къ лику святыхъ совершилось—за то, что она выражала тѣ же самыя мысли, какія высказывалъ и Молиносъ до нея. Оба были испанскіе мистики созерцательнаго характера и Маргарита высказывала мысли, во многомъ превышавшія образъ мысли Фенелона, который, рядомъ съ мистическимъ сознаніемъ, обладалъ большой дозой логической разсудочности.

Когда Фенелонъ силою вещей пришелъ въ столкновеніе съ Боссюэтомъ и съ силой, стоявшей за послѣднимъ, онъ считалъ, что самое ученіе о внутренней жизни было привлечено къ суду, а для него это ученіе было равнозначущимъ съ самой сутью христіанства.

Яблокомъ раздора оказалось небольшое сочиненіе, озаглавленное *Правила Святости*, и послѣдствіемъ распри было осужденіе этой книги, но выраженное—въ виду высокаго положенія автора—съ такой осторожностью, что осуждалось неправильное толкованіе церковныхъ ученій, а не самый смыслъ книги. Не смотря на эту осторожную политику, книга носитъ на себѣ ясные признаки, что корень и стволъ дерева, выросшаго во Франціи, пустили изъ себя чуждые вѣтки и цвѣты.

Какъ примѣръ такихъ цвѣтовъ можно привести слѣдующія изреченія: 1) что святая душа можетъ извлечь изъ Слова Божія важныя вещи, которыя иначе остались бы непознанными; 2) что рѣшенія души, въ состояніи непоколебимой вѣры, являются голосомъ Святаго Духа, пребывающаго въ душѣ; 3) что души, испытавшія на себѣ высшее освященіе, не имѣютъ такой нужды во внѣшнемъ богослуженіи, какъ обыкновенные люди.

Тотъ фактъ, что эти положенія были смягчены и даже сведены къ отрицательной величинѣ, благодаря разъясненіямъ прелата—не могли смягчить ихъ непріемлемаго для церкви значенія. И не можетъ быть сомнѣнія, что то, что было отрицательно и лишь слегка намѣчено у Фенелона, превратилось въ положительное и вполнѣ выясненное у г-жи Гюйонъ; послѣдняя, благодаря своему ученію объ отпущеніи грѣховъ въ силу вѣры, перешла, не замѣчая того, въ лагерь протестантовъ.

Все, происходящее на высшихъ планахъ, совершается, по ея убѣжденіямъ, исключительно между душой и Богомъ, и въ ея системѣ совсѣмъ нельзя найти мѣста для вмѣшательства церкви

и ея таинствъ. Поэтому нельзя удивляться, что г-жа Гюйонъ и Фенелонъ оказались опасными въ глазахъ ревнивой и исключительной католической церкви, которая стремилась быть единственной хранительницей вѣры святыхъ и единственной посредницей, поддерживающей содержаніе этой вѣры. Анализируя свойства мысли и святости г-жи Гюйонъ и Фенелона, я не нахожу въ нихъ того, что можно бы назвать мистическимъ свѣтомъ: у первой способъ выраженія слишкомъ часто принимаетъ оттѣнокъ истерическій, у второго большая часть его *Правилъ Святости* не далеко отходитъ отъ банальности; въ общемъ ихъ система мысли не представляетъ прочнаго пристанища.

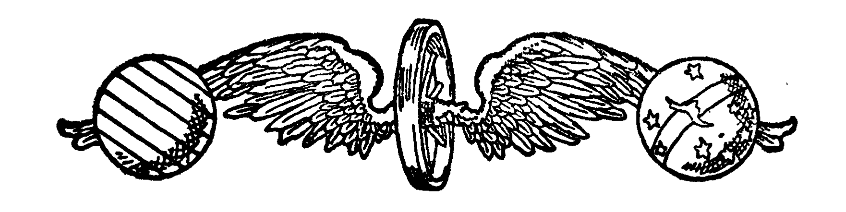
Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что г-жа Гюйонъ была хорошо знакома съ внѣшней стороной мистической жизни и я увѣренъ, что она не лишена была и нѣкотораго личнаго мистическаго опыта. Возможно, что Фенелонъ, обладавшій болѣе разсудочной и сдержанной природой, видѣлъ нѣкоторыя вещи яснѣе, чѣмъ она, но оба они стояли на первоначальной ступени.

Не желая оправдывать пріемы и методы католической церкви, я не могу не сказать, что оба они, черпавшіе свои первыя вдохновенія изъ нѣдръ церкви и отъ нея же получившіе свое первое знаніе, должны были сознавать яснѣе, что богослуженіе и строгое исполненіе обрядовъ представляетъ собой также надежный путь, по которому душа можетъ приблизиться къ вратамъ Посвященія. Если бы г-жа Гюйонъ обладала большею мудростью, она не только избѣжала бы преслѣдованія, но даже могла бы быть причислена къ лику святыхъ.

Въ заключеніе хотѣлось бы сказать слѣдующее: въ наше время мистическая жизнь снова предается суду, но только въ иномъ смыслѣ, чѣмъ во времена Фенелона; не передъ судомъ Рима или Королевскаго Двора, а передъ лицомъ интеллигентнаго міра является она какъ та область знанія, которая одна еще осталась неиспытанной, послѣ того какъ всѣ остальныя области оказались недостаточными.

Пер. Е. П.

Эволюція міра и человѣка.

Д-ра Штейнера.

*(Продолженіе *)*.

Логосъ и Міръ.

Изученіе различныхъ степеней человѣческаго сознанія наводитъ на вопросъ: обладаютъ ли сознаніемъ только тѣ существа, которыя стоятъ близко къ человѣку, или же возможно приложить слово: „сознаніе" и къ другимъ существамъ, какъ растенія, камни, металлы... Представимъ себѣ крошечное, незамѣтное существо, которое ничего бы не видѣло, кромѣ движенія нашего пальца, которое не имѣло бы никакого представленія о душѣ человѣка, которое видѣло бы только вытянутый членъ нашего физическаго тѣла. Какое представленіе могло бы оно имѣть о нашей душѣ? Нѣчто въ этомъ родѣ можно сказать и о представленіяхъ современнаго матеріалиста относительно земли: онъ видитъ только скалы, кристаллы, металлы, различныя почвы, и т. д., но онъ не видитъ души, общей для всѣхъ этихъ явленій. Онъ соединяетъ представленіе о душѣ съ рѣчью, и тамъ, гдѣ не слышитъ рѣчи, не допускаетъ и души. Но изъ того факта, что люди, описывая землю, упоминаютъ только о растеніяхъ, металлахъ, кристаллахъ и т. д., вовсе не слѣдуетъ, что земля *не* имѣетъ души. Въ дѣйствительности, всѣ существа имѣютъ сознаніе.

Человѣческое сознаніе на землѣ отличается тѣмъ, что мы можемъ прослѣдить въ немъ нѣсколько состояній: дневное бодрствующее сознаніе, сонъ со сновидѣніями, глубокій сонъ *безъ* сновидѣній; послѣднее соотвѣтствуетъ тому состоянію сознанія которымъ человѣкъ обладалъ въ небесной фазѣ своей эволюціи когда земли еще не было, когда у человѣка было такое сознаніе,

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., №№ 5–6.

какъ у растенія на физическомъ планѣ. Если бы мы могли представить себѣ человѣка непрестанно спящаго, то мы и имѣли бы человѣка съ сознаніемъ растенія. Ибо растеніе дѣйствительно имѣетъ сознаніе, но не въ физическомъ мірѣ, а въ небесномъ, (ментальномъ). Такъ, если мы поранимъ растеніе, этотъ фактъ отзовется въ его сознаніи на ментальномъ планѣ.

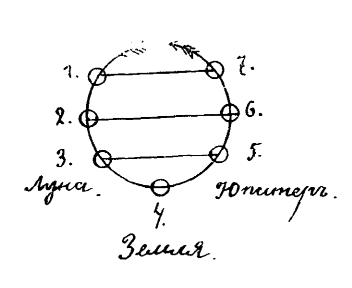
Разсматривая сознаніе обитателей земли, мы получимъ слѣдующее отношеніе:

1.	Сознаніе	человѣка	проявляется	на	физическомъ	планѣ.
2.	„	животнаго	„	„	астральномъ	„
3.	„	растенія	„	„	ментальномъ	„ *чира.*
4.	„	минерала	„	„	ментальномъ	„ *ачира.*

Небесное сознаніе отличается отъ земного тѣмъ, что проводникомъ послѣдняго являются физическіе органы; тогда какъ у астральнаго и ментальнаго сознанія такихъ органовъ нѣтъ. Эти потустороннія сознанія современнаго человѣка, послѣ его смерти, представляютъ собою какъ бы повторенія—но уже на высшей ступени—первобытнаго человѣческаго сознанія, когда знакомаго намъ физическаго тѣла у человѣка еще не было, и когда сознаніе проявлялось внутренними картинами, *воображеніемъ*, исходившимъ изъ самой сути души *).

Сознаніе астральныхъ существъ было гораздо менѣе *отдѣлено* отъ переживаній другихъ существъ, чѣмъ это наблюдается на физическомъ планѣ; астральное сознаніе жило гораздо болѣе въ общей жизни. На физическомъ планѣ сознательныя существа *обособились*, они отдѣлились одни отъ другихъ благодаря физическимъ органамъ чувствъ; ранѣе, когда послѣднихъ не было, свободно носившіяся явленія какъ бы втягивались въ астральное сознаніе и проносились *внутри* послѣдняго. Такимъ образомъ, всѣ явленія были какъ бы текучія; точно также и чувства: свой-

---

*) Здѣсь явленіе, которое повторяется во всей земной „эволюціи“; земное состояніе человѣка является какъ бы рубежомъ, по обѣ стороны котораго явленія какъ бы повторяютъ одно другое: такъ, состояніе сознанія человѣка *до* его появленія въ земной средѣ, или, вѣрнѣе, *до появленія земной среды*, было астральное; таковое же оно будетъ, когда земная среда уступитъ мѣсто новой высшей средѣ (Юпитеръ); точно также до астральной среды (лунной) была иная среда, которая повторится по окончаніи эволюціи Юпитера, и т. д.

ства одного существа проносились въ подвижно облачномъ образованіи черезъ сознаніе другого существа, и если свойства эти были для послѣдняго пріятны, они привлекали его къ обладателю этихъ свойствъ, если же непріятны—они дѣйствовали отталкивающимъ образомъ на него.

Какъ возникало физическое тѣло человѣка? Астральное сознаніе медленно и постепенно строило тѣло, постоянно отбрасывая изъ себя то, что становилось животнымъ царствомъ. (Первобытное животное царство, не изъ человѣка исшедшее, отличалось коренным образомъ отъ теперешнихъ животныхъ; это были огромныя, фантастическія на нашъ взглядъ существа, съ холодной кровью; слѣды этихъ существъ отмѣчены и европейской наукой). Но астральное сознаніе было тупое, неопредѣленное, безъ рѣзкихъ очертаній, *безъ самосознанія.* Для человѣческой эволюціи наступаетъ моментъ величайшей важности, когда у человѣка является сознаніе своего *я*; только для этого человѣкъ проходитъ черезъ физическое, для этого кристаллизуется его астральное тѣло, чтобы, отдѣливъ человѣка отъ всѣхъ остальныхъ существъ, сдѣлать его индивидуальностью, самостоятельнымъ центромъ сознанія.

Гдѣ же находилось божественное начало, пока оно не соединилось съ человѣкомъ? Библейскій символъ отвѣчаетъ вѣрно на этотъ вопросъ: „Духъ Божій носился надъ водами". Это означаетъ: божественное еще не проникло въ человѣка, а носилось надъ его астральнымъ сознаніемъ.

Различныя царства природы отличаются одно отъ другого по той ступени, до которой достигло сознаніе того или другого царства. Растеніе переходитъ въ животное царство, когда его сознаніе спустится на астральный планъ; точно также животное можетъ переступить въ человѣческое царство только когда его сознаніе начнетъ дѣйствовать на физическомъ планѣ. Что касается минеральнаго царства, которое непосвященный человѣкъ совершенно ошибочно считаетъ мертвымъ, его сознаніе находится на ментальномъ планѣ *ачира.* Что такое агира ментальнаго плана? На планѣ различаются четыре ступени *чира* (гдѣ идеи уже принимаютъ формы; здѣсь же отражается и Акаша-хроника), и затѣмъ три ступени агира, (безъ формы), гдѣ уже нѣтъ необходимости въ формахъ, гдѣ и пребываетъ сознаніе минерала. Что такое минералъ? Человѣкъ, который смотритъ на минеральное царство только земнымъ разумомъ, видитъ въ немъ нѣчто неподвижное, мертвое, низшее. Не такъ смотритъ на минералъ

оккультистъ, взоръ котораго проникаетъ за предѣлы наружной оболочки въ самую суть вещи. Такъ, въ школахъ Розенкрейцеровъ, учениковъ заставляли выяснять и запечетлѣвать въ душѣ своей различныя свойства кристалловъ. Передъ ними ставили кристаллы, и ученики, всматриваясь въ ихъ свойства, задавались нравственной задачей достигнуть тѣхъ же свойствъ для своей души, какія они наблюдали въ кристаллахъ: цѣломудрія, чистоты, прозрачности, гармоніи линій, безстрастія и т. д. „Уподобиться кристаллу" означало сжечь въ огнѣ внутренней битвы всѣ низшія страсти въ такой степени, чтобы человѣкъ сталъ такимъ же чистымъ и прозрачнымъ, какъ кристаллъ. Минералъ—въ сущности—тотъ же человѣкъ, но живущій на самыхъ высокихъ ступеняхъ небеснаго міра. Черезъ это чистое и безстрастное состояніе прошелъ каждый человѣкъ, прежде чѣмъ спустился черезъ ряды существованій въ физическое бытіе.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, человѣкъ долженъ самъ, свободной волей, освободить себя отъ всего, что разнообразныя переживанія въ теченіи его долгаго странствованія наложили на него связывающаго, порабощающаго... Чистая суть всѣхъ этихъ многообразныхъ переживаній, какъ бы эссенція всѣхъ этаповъ бытія, должна остаться въ немъ, а его подчиненность собственнымъ страстямъ должна быть уничтожена самимъ человѣкомъ. Только тогда онъ можетъ вернуться на родину, обогащенный всѣмъ необъятнымъ содержаніемъ пережитаго, но такимъ же чистымъ и цѣломудреннымъ, какимъ онъ двинулся въ свой длинный путь. Задача эта такой великой трудности, что одному человѣку было бы не по силамъ справиться съ ней и поэтому высшія духовныя Сущности стремятся помочь ему. Эта идея присуща всѣмъ религіямъ, выражающимъ ее въ ученіи о благой роли Ангеловъ Хранителей.

Этапы сознанія на различныхъ космическихъ планахъ, черезъ которые проходитъ человѣкъ, можно обозначить, начиная съ высшаго ментальнаго плана, такимъ образомъ:

I планъ. Глубокій сонъ—сознаніе минерала.

II планъ. Сонъ безъ сновидѣній—сознаніе растеній (переживается какъ атавизмъ человѣкомъ каждую ночь).

III планъ. Сонъ съ сновидѣніями (картинное сознаніе). Сознаніе животнаго, у которыхъ еще не было теплой крови. Теплокровныя животныя, происшедшія отъ человѣка, появились позднѣе.

IV планъ. Дневное бодрствующее человѣческое сознаніе, объективное.

Дальнѣйшая эволюція человѣческаго сознанія, его высшія формы, представляютъ собою *повторенія* прежнихъ ступеней сознанія, но съ той важной разницей, что всѣ три высшія ступени, пятая, шестая и седьмая, пройдутъ черезъ земное бодрствующее сознаніе. Такъ, на V планѣ „картинное сознаніе" третьяго плана будетъ дѣйствовать, проходя черезъ земное бодрствующее сознаніе. Сознаніе третьяго космическаго плана, сознаніе астральное, отличается тѣмъ, что весь міръ чувствъ проносится передъ нимъ въ цвѣтовыхъ картинныхъ образованіяхъ, и то, что мы зовемъ „медіумизмъ", въ томъ и состоитъ, что земное сознаніе погасаетъ на время, а на его мѣсто выступаетъ астрально-картинное сознаніе третьей ступени земной эволюціи, т. е. медіумъ теряетъ надъ собой сознательный контроль *).

Свойство ясновидящаго, т. е. человѣка, поднявшагося на пятую ступень сознанія, состоитъ въ томъ, что онъ владѣетъ астрально-картиннымъ сознаніемъ при полномъ сохраненіи физическаго сознанія, слѣдовательно, при полной возможности контролировать проносящіеся передъ нимъ астральные образы и картины.

Переступивъ на VI космическій планъ, ясновидящее сознаніе, которое можно назвать „сознательно-картиннымъ",—пріобрѣтаетъ новое свойство: въ немъ начинаютъ возникать *звуковые* образы и картины. На этой ступени ясновидѣнья сознаніе живетъ уже не въ зрительныхъ явленіяхъ, а въ звуковыхъ; къ этой ступени сознанія и относится таинственная Пиѳагорова „музыка сферъ". Здѣсь осуществляется высочайшая духовная дѣятельность, пробуждается „сокровенное слово": на этой ступени каждая вещь произноситъ сама свое истинное имя, выражаетъ то, что она *есть въ дѣйствительности*, а не только въ представленіи человѣка; каждая вещь имѣетъ здѣсь силу передать свою сущность въ опредѣленномъ звукѣ.

На этой ступени въ человѣческомъ сознаніи наблюдается новое явленіе; ранѣе весь міръ дѣлился для сознанія на *я* и не *я*, человѣкъ говорилъ только себѣ самому: *я*, а всѣмъ другимъ: *ты*, но въ это *„ты"* онъ не могъ переселиться сознаніемъ, оно было для него познаваемо не по существу, а только по формѣ, тогда какъ свое *„я"* онъ зналъ по существу. На этой ступени, гдѣ каждая вещь выражаетъ въ звукѣ свое истинное *я*, свое

---

*) Это состояніе являетъ собою большую опасность для духовно-неразвитаго человѣка.

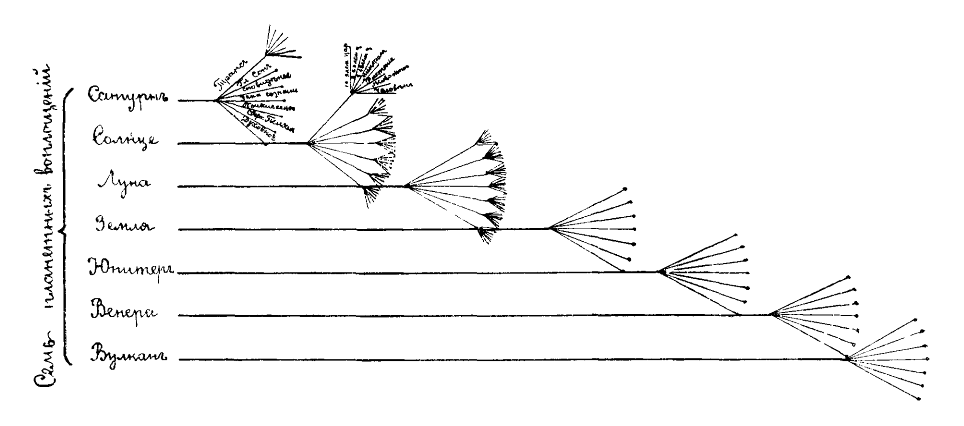
имя,—сознаніе различаетъ безконечное число „*я*“ и точно также какъ „*я*“ сознающаго, также и всѣ остальныя „*я*“ являются отдѣльными опредѣленными нотами, которыя одновременно и отличаются одна отъ другой, и сливаются въ одну общую міровую гармонію.

На VII планѣ *Ачира* свойства сознанія соотвѣтствуютъ состоянію сознанія на космическомъ планѣ, но съ тою разницей, что здѣсь оно проведено черезъ физическое „бодрствующее дневное сознаніе“. Никакія слова не могутъ передать объемъ и полноту этого сознанія. Для завершенія полнаго цикла человѣческой эволюціи, для полноты самосознанія, человѣку необходимо пройти черезъ всѣ семь ступеней сознанія; сперва онъ проходитъ ихъ стихійно, затѣмъ—все сознательнѣе, но объять ихъ всѣ сразу человѣкъ будетъ въ состояніи только тогда, когда онъ поднимется въ высоты „продуктивнаго сознанія *(Buddhi)*“.

Въ краткой схемѣ получится такой рядъ:

Семь ступеней сознанія *) проходятъ черезъ семь жизнесостояній (круговъ или царствъ).

Семь жизнесостояній (круговъ) проходятъ черезъ семь планетныхъ воплощеній (глобусовъ).

Каждое изъ семи состояній сознанія проходитъ черезъ ***семь*** царствъ: черезъ три элементальныя, черезъ минеральное, растительное, животное, человѣческое; каждое царство проходитъ черезъ семь планетныхъ воплощеній (глобусовъ), слѣдовательно $7 \times 7 \times 7 = 343$ метаморфозы, черезъ которыя проходитъ человѣкъ.

*) Въ оккультизмѣ „ступени“ замѣняются „расами“.

Если разсматривать эти состоянія по отношенію Логоса нашей планетной цѣпи, отношеніе Трехъ Vпостасей Логоса къ Своему Творчеству будетъ таково:

Эволюціей *формы* вѣдаетъ Третій Логосъ (Глобусы).

Эволюціей *жизни* вѣдаетъ Второй Логосъ (Круги или Царства).

Эволюціей *сознанія* вѣдаетъ Первый Логосъ (Расы).

Когда человѣческая суть переходитъ изъ одной формы въ другую (напр. изъ астральной въ физическую), на нее воздѣйствуетъ Третій Логосъ; когда она переходитъ изъ одного состоянія сознанія въ другое, воздѣйствіе исходитъ изъ Перваго Логоса.

Въ Эзотерическомъ Христіанствѣ есть указаніе на это. Въ Апокалипсисѣ „Три свидѣтеля на небеси“ означаютъ: Отецъ, вѣдающій ступенями *сознанія*; Сынъ—49-ю ступенями *жизни*; Св. Духъ—343-мя состояніями *формы.*

Имѣется и еще указаніе, что когда человѣкъ переходитъ изъ одной формы въ другую, посылается *Св. Духъ*; изъ одного жизненнаго состоянія въ другое—посылается *Сынъ*, изъ одного состоянія сознанія въ другое—*Отецъ.*

Появленіе Христа въ міръ, дѣйствительно, совпадаетъ съ новой силой, которую Онъ вноситъ въ сознаніе людей и которая подготовляетъ къ переходу человѣчества на новую ступень жизни. Вѣрное пониманіе Апокалипсиса выясняетъ это. Христосъ есть воплотившееся Слово. Что это значитъ? Человѣкъ *долженъ* подняться съ той ступени жизни, на которой міръ находится теперь, на новую ступень, на которой его производительная физическая сила преобразится въ новую силу, духовно-творческую: тогда произнесенное Слово будетъ такимъ же творческимъ актомъ, какимъ на низшей ступени является производительная сила.

Съ раздѣленіемъ человѣка на два пола, духовная сила какъ бы раскололась, какъ бы утеряла свою интенсивность. Будущее человѣка явитъ собою обратное; произнесенное слово станетъ плотью, въ которую будетъ облекаться духъ, и постольку, поскольку слово будетъ становиться все сильнѣе, все дѣйственнѣе и могущественнѣе, постольку же будетъ ослабѣвать и уничтожаться половая производительная сила человѣка.

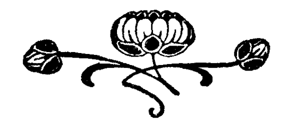
Эта страстная, теплокровная, жизнеспособная сила, благодаря которой птицы высиживаютъ яйца, замѣнится духовною силою (Buddhi), которая также способна развивать силу тепла для осуществленія духовной производительности, для акта твор-

чества на высшемъ планѣ бытiя. Сила та же, но творчество будетъ иное. Когда человѣкъ былъ еще однополымъ, когда онъ еще не распадался на двѣ части, тогда онъ обладалъ силою самъ воспроизводить себя; когда же онъ распался на мужскую и женскую половину, и продуктивная сила его уменьшилась наполовину.

Когда преображенная производительная сила пробудится въ человѣкѣ, она проявится способностью создавать звучащее слово, которое будетъ облекать собою духъ, и вмѣстѣ съ этой силой будетъ расти и воображенiе.

По мѣрѣ растущей силы слова уменьшается физическая производительная сила, и—наоборотъ. Съ появленiемъ этой новой силы, наступитъ перiодъ совершенно новаго творчества. Миссiя Христа въ томъ, что онъ открылъ собою эту тайну жизни,—(и Слово стало Плотью)... Второй Логосъ, дѣйствовавшiй черезъ Iисуса, поднялъ человѣчество на высшую ступень.

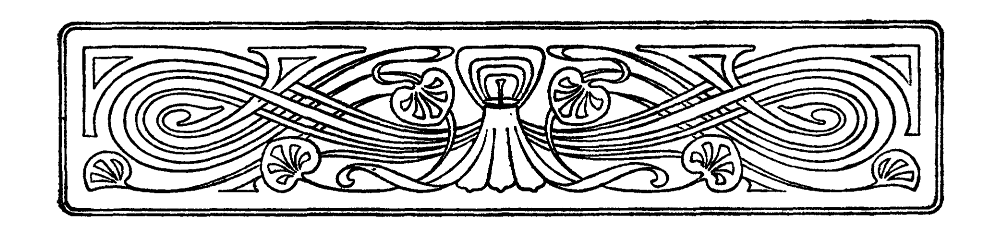
Сост. Е. П.

Постъ есть необходимое условiе доброй жизни; но и въ постѣ, какъ и въ воздержанiи, является вопросъ: съ чего начинать постъ, какъ поститься,—какъ часто ѣсть, что ѣсть, чего не ѣсть? И какъ нельзя заняться серьезно никакимъ дѣломъ, не усвоивъ нужной въ немъ послѣдовательности, такъ и нельзя поститься, не зная, съ чего начать постъ, съ чего начать воздержанiе въ пищѣ.

Постъ. Да еще въ постѣ разборка, какъ и съ чего поститься. Мысль эта кажется смѣшной, дикой большинству людей. Помню, какъ съ гордостью за свою оригинальность нападавшiй на аскетизмъ монашества евангеликъ говорилъ мнѣ: мое христiанство не съ постомъ и лишенiями, а на бифстексахъ. Христiанство и добродѣтель вообще съ бифстексами.

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержанiи).

Братство религій.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

VI.

Три Міра человѣческой Эволюціи.

Міры, въ которыхъ протекаетъ жизнь человѣка, обозначаются различными именами. Различны и подраздѣленія этихъ міровъ, также и продолжительность, приписываемая пребыванію человѣка въ каждомъ изъ нихъ. Но подъ всѣми этими различіями не трудно уловить однѣ и тѣ же основныя линія.

Оставивъ на время различія, мы увидимъ слѣдующія общія положенія:

I. Физическій міръ, въ которомъ человѣкъ живетъ во время своего воплощенія въ физическомъ тѣлѣ. Это — міръ причинъ, гдѣ человѣкъ производитъ свой посѣвъ; жатву онъ будетъ собирать по ту сторону смерти. Это обстоятельство и придаетъ такое большое значеніе физическому міру, несмотря на то, что пребываніе въ немъ человѣка сравнительно не продолжительно.

II. Міръ, куда человѣкъ переходитъ послѣ смерти, называется различными именами и имѣетъ много подраздѣленій—рай, чистилище, страна вѣчнаго лѣта, адъ, страна желаній (Kamaloka), страна духовъ (preta-Loka); всѣ эти названія относятся къ промежуточнымъ состояніямъ, иногда вполнѣ счастливымъ, иногда страдальческимъ, иногда очистительнымъ, иногда служащимъ для отбыванія наказанія, но не къ состоянію совершеннаго бла-

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г. № 5 -6.

женства или — съ точки зрѣнія тѣхъ, кто еще вѣритъ въ такую идею—не къ состоянію вѣчной безнадежной скорби.

III. Небесный міръ, откуда исключено все злое, куда „не войдетъ ничто нечистое“ *), гдѣ радость, выше всякаго земного представленія, и миръ, превышающій всякое человѣческое пониманіе, составляютъ удѣлъ всѣхъ, блаженно пребывающихъ въ немъ.

Таковы три міра человѣческой эволюціи, —и въ томъ случаѣ, когда мы вѣримъ, что человѣкъ проходитъ черезъ нихъ много разъ, пока не достигнетъ полнаго совершенства, пока духъ не побѣдитъ матерію, преобразивъ ее въ свѣтлую одежду, достойную Сына Божьяго;—и въ томъ случаѣ, когда мы убѣждены, что человѣкъ проходитъ черезъ первые два міра лишь однажды, а въ третьемъ мірѣ остается навсегда.

Относительно послѣдняго міра, трудно себѣ представить образованныхъ людей, которые могли бы вѣровать, что небесное состояніе человѣка является вѣчнымъ, закристаллизованнымъ въ неподвижномъ счастіи, причемъ люди всѣхъ ступеней несовершенства превращаются какимъ то чудомъ послѣ смерти, или въ день „страшнаго суда“ въ совершенныхъ, и такими остаются навсегда и безвозвратно. Еще труднѣе представить себѣ вѣрующихъ въ то, что въ переходномъ мірѣ мученія длятся безконечные вѣка, выражаясь въ страшныхъ пыткахъ и въ закристаллизованномъ неподвижномъ злѣ и скорби. Мимо этихъ не многихъ, раздѣляющихъ тяжелое наслѣдіе темныхъ вѣковъ, мы можемъ пройти не останавливаясь. Огромное большинство христіанъ, хотя и отвергаетъ перевоплощеніе и признаетъ, что человѣкъ живетъ однажды, все равно на какой бы ступени эволюціи и съ какимъ бы характеромъ онъ ни вступалъ на свое земное поприще, это большинство все же вѣритъ, что человѣческая природа прогрессируетъ послѣ смерти, и что посмертное страданіе является лишь временнымъ и необходимымъ очищеніемъ, послѣ котораго люди продолжаютъ развиваться при болѣе или менѣе счастливыхъ условіяхъ на протяженіи безконечныхъ вѣковъ.

Хотя и не всѣ, но большинство христіанъ и спиритуалистовъ, а также нѣкоторые парсы и мусульмане раздѣляютъ эту точку зрѣнія. Всѣ индусы и буддисты, многіе спиритуалисты, парсы и мусульмане, а также нѣкоторые христіане и всѣ евреи, оставшіеся вѣрными своимъ древнимъ преданіямъ, считаютъ, что

---

*) Откровеніе XXI, 27.

человѣкъ развивается на протяженіи многихъ цикловъ чередующихся рожденій и смертей, что онъ поочередно пребываетъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени въ трехъ мірахъ, пока не достигнетъ совершеннаго состоянія побѣдившаго Сына Божьяго, надъ которымъ смерть не имѣетъ болѣе силы, что онъ поднимается вверхъ до тѣхъ свѣтлыхъ высотъ, гдѣ во всей своей славѣ стоятъ Сыны Божіи, а затѣмъ, при наступленіи конца божественнаго проявленія, успокаивается въ лонѣ Отца, въ ожиданіи зари новаго Творчества.

Сношенія человѣка съ названными тремя мірами во время его физической жизни не прекращаются. Посредствомъ своихъ тѣлесныхъ дѣятельностей онъ живетъ въ физическомъ мірѣ; сюда принадлежатъ всѣ процессы мысли, желанія и дѣйствія, совершающіяся черезъ мозгъ и нервную систему, а также и всѣ обыкновенныя растительныя и животныя отправленія. Эмоціями своими и желаніями человѣкъ связанъ съ переходнымъ міромъ, матерія котораго тѣсно переплетена въ его матеріальномъ съ физической матеріей; тогда какъ своими умственными способностями человѣкъ принадлежитъ небесному міру; эти послѣднія являютъ собой то, что современная психологія называетъ „субъективныхъ разумомъ“, огромныя возможности котораго все болѣе и болѣе признаются современной наукой. Въ этомъ случаѣ наука приходитъ на помощь религіи, ибо то, что наука изучаетъ нынѣ какъ субъективный разумъ, религія признавала всегда за Душу—въ отличіе отъ Духа *). Душа остается дѣятельной на протяженіи всей земной жизни человѣка, безразлично — бодрствуетъ онъ или спитъ, и она же переходитъ неизмѣнною черезъ порогъ смерти и, очищенная въ посмертномъ состояніи, соединяется съ Духомъ и въ единеніи съ нимъ переходитъ въ небесный міръ, свою истинную родину.

На настоящей ступени эволюціи немногіе сравнительно пользуются дѣятельнымъ сознаніемъ своей Души, хотя послѣдняя и не перестаетъ вліять невидимо на мозговое сознаніе, которое является лишь частичнымъ выраженіемъ ея. Хотя большинство и сознаетъ отъ времени до времени наличность душевнаго сознанія, испытывая его вліяніе въ молитвахъ и во время медитаціи; по временамъ же сознаніе это преодолѣваетъ мозговое сознаніе, какъ мы это видимъ при „обращеніяхъ“, при религіозныхъ пере-

*) I. Өессалоник. V, 23: „И вашъ Духъ и Душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока“.

живаніяхъ и т. д. *). Посредствомъ него Духъ дѣйствовалъ въ Пророкахъ, Апостолахъ и Святыхъ всѣхъ странъ и народовъ; точно также и у художественныхъ и интеллектуальныхъ геніевъ Душа преобладаетъ надъ мозговымъ сознаніемъ.

Низшія переживанія Души, какъ передъ смертью, такъ и послѣ нея, принадлежатъ переходному міру. Высшія переживанія, когда Душа озаряется Духомъ, относятся къ небесному міру, и Душа можетъ пребывать въ немъ, оставаясь заключенной въ тѣло, какъ это бываетъ при религіозномъ опытѣ. Но для большинства эти блаженныя переживанія наступаютъ лишь послѣ смерти, когда очищенная Душа вступаетъ въ свое небесное наслѣдіе.

Физическій міръ. Онъ представляетъ собою поле для дѣятельности человѣка въ состояніи бодрствованія, когда онъ сѣетъ сѣмена добра и зла, которыя созрѣютъ въ будущемъ. Изъ всѣхъ матеріальныхъ оболочекъ современнаго человѣка, физическая наиболѣе организована и черезъ нее онъ выполняетъ дѣятельности, которыя принесутъ плоды въ далекомъ будущемъ. Все, что онъ думаетъ, желаетъ и дѣлаетъ дурного, все, направленное противъ Закона, является посѣвомъ страданія, которое вырастаетъ и приноситъ плоды или въ этомъ физическомъ, или въ переходномъ мірѣ, смотря по свойству посѣва. Желанія и мысли, коренящіяся въ страстныхъ вожделѣніяхъ, и послѣдствія ихъ удовлетворенія принадлежатъ по самой природѣ своей къ переходному міру и приносятъ свою главную жатву — какъ во время жизни, такъ и послѣ смерти—именно въ этомъ мірѣ.

Низшія желанія растутъ путемъ удовлетворенія, и главнымъ послѣдствіемъ въ физическомъ мірѣ такого наростанія ихъ силы является постепенное поврежденіе, а въ крайнихъ случаяхъ и полное разрушеніе нервной системы физическаго тѣла, слѣдующее за чрезмѣрными возбужденіями. Тяжелая жатва страданія собирается въ переходномъ мірѣ благодаря подобному неразумію, ибо когда послѣ смерти физическое тѣло отпадаетъ, средства къ удовлетворенію желанія утрачиваются, тогда какъ жажда страстныхъ ощущеній сохраняется въ Душѣ, бывшей въ рабствѣ у тѣла. Эта ненасытная жажда, переживающая тѣло и не получающая удовлетворенія, и вызываетъ то неизбѣжное и естественное страданіе, которое въ переходномъ мірѣ выпадетъ на долю рабовъ своихъ страстей. Высшія желанія растутъ также путемъ удовле-

---

*) См. *Многообразіе религіознаго опыта,* проф. Джэмса.

творенія — сюда принадлежитъ стремленіе къ чистой любви, къ искусству, къ красотѣ, къ служенію и т. д. — и такъ какъ они сохраняются неприкосновенными послѣ смерти, то являются источниками радости въ переходномъ и въ небесномъ мірахъ. Изъ этого вытекаетъ слѣдующій законъ: если Душа состояла въ рабствѣ у тѣла и у физическаго міра, неизбѣжныя страданія ожидаютъ ее въ переходномъ мірѣ; если же Душа въ теченіи физической жизни господствовала надъ тѣломъ, миръ и счастіе являются послѣдствіемъ ея побѣды.

Переходный міръ. Подробности относительно этого міра въ различныхъ религіяхъ не одинаковы основная мысль, заключенная въ только что приведенномъ выводѣ, принимается всѣми религіями. Индусы раздѣляютъ переходный міръ на Страну Отцовъ (*Pitrloka*) и на страну Привидѣній (*Pretaloka*), послѣднюю же подраздѣляютъ въ свою очередь на различные виды ада (*Naraku*) съ разными степенями тяжелыхъ переживаній. Буддисты раздѣляютъ это воззрѣніе.

Всѣ эти переживанія временны и служатъ для очищенія, послѣ котораго человѣкъ переходитъ въ небесный міръ (*Svarga*), гдѣ остается болѣе или менѣе продолжительное время, соотвѣтственно интеллектуальной и нравственной цѣнности предыдущей жизни; по истеченіи небеснаго періода, человѣкъ снова возвращается на землю.

Нѣкоторые христіане признаютъ райское состояніе, предшествующее полному переходу человѣка на небо, и состояніе страданія, предшествующее настоящему аду; другіе только намекаютъ на переходное состояніе; греко-католическая, римская и англиканская церкви сохраняютъ древнее преданіе, признавая непосредственный рай для наиболѣе чистыхъ, а чистилище для большинства человѣчества, откуда оно въ свое время переходитъ въ рай или, въ рѣдкихъ случаяхъ, прямо на небеса; подъ конецъ всѣ переходятъ на небо. Нѣкоторые христіане и можетъ быть нѣкоторые изъ мусульманъ вѣрятъ въ вѣчный адъ.

Небесный міръ. Душа пожинаетъ въ небесахъ, иначе въ мірѣ мысли, незапятнанной низшими желаніями, весь добрый посѣвъ чистыхъ мыслей и чистыхъ эмоцій, посѣянныхъ во время ея пребыванія въ физическомъ мірѣ. Это состояніе непрерывнаго и безпримѣрнаго блаженства, различающееся по степенямъ, если смотрѣть на него со стороны, въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ размѣру счастія, доступному для каждаго пребывающаго въ этомъ мірѣ. И здѣсь вся разница въ религіозныхъ воззрѣніяхъ

народовъ возникаетъ только отъ того, принимается ли перевоплощеніе какъ методъ, по которому совершается человѣческая эволюція, или отрицается. Признающіе перевоплощеніе, видятъ въ небесномъ мірѣ не только жатву добрыхъ сѣмянъ, посѣянныхъ во время физической жизни, но и ту область, въ которой весь добрый опытъ и всѣ хорошія стремленія и усилія человѣка превращаются въ умственныя и нравственныя качества, образующія въ своей совокупности характеръ человѣка, съ которымъ онъ снова появляется въ физическій міръ. Такимъ образомъ, значеніе неба въ круговоротѣ эволюціи чрезвычайно важно. Воззрѣнія людей, которые отрицаютъ перевоплощеніе, не достаточно ясны для ихъ подробнаго изложенія, но всѣ—за исключеніемъ немногихъ, которые считаютъ небесное состояніе неизмѣннымъ—признаютъ ростъ и прогрессъ безчисленныхъ міровъ, разсѣянныхъ въ Пространствѣ. Всѣ религіи сходятся въ свѣтлой увѣренности, что человѣкъ—Безсмертное Духовное Существо, и что назначеніе его—любить, познавать и помогать на протяженіи безчисленныхъ вѣковъ.

Глава VII.

Братство человѣчества.

Религія начинаетъ съ заявленія Единства Бога, а кончаетъ провозглашеніемъ братства людей. На самомъ дѣлѣ, обѣ истины не раздѣлимы, вторая заключается въ первой. Если существуетъ Единая Жизнь, въ такомъ случаѣ каждая одушевленная форма должна быть нераздѣльно связана съ каждой другой формой, оживотворенной тою же жизнью. Всѣ формы составляютъ единое тѣло, одушевленное единой жизнью, и жизнь эта—Богъ. Вотъ почему всѣ религіи употребляли сравненіе съ человѣческимъ тѣломъ, когда говорили объ общинѣ вѣрующихъ. Подобно тому, какъ кровь есть жизнь тѣла, такъ и Христосъ есть жизнь Своего тѣла, т. е. Церкви *). И совершенно такъ же, какъ поврежденіе того или другого органа вредитъ всему тѣлу, такъ и вредъ, причиненный одному члену Человѣчества, наноситъ вредъ всей расѣ. Никто не можетъ отлучить себя отъ этой тѣсной связи. Никто не долженъ стоять въ сторонѣ и желать жить въ одиночествѣ;

*) Посланіе къ Ефесеянамъ, V, 30.

рожденные въ человѣческой семьѣ, мы должны жить въ этой семьѣ. Братство есть фактъ природы, отъ котораго нельзя уклониться.

Въ виду того, что себялюбіе, выростающее изъ чувства обособленія, присущаго матеріальной сторонѣ природы, такъ сильно въ человѣкѣ настоящей ступени эволюціи,—великіе Учители человѣчества давали различныя религіи съ цѣлью пробудить чувства общности жизни, сознаніе объединяющаго единства внутри группы единовѣрцевъ. О Вселенскомъ Братствѣ говорится немного, тогда какъ большое значеніе придается ограниченному братству одинаково вѣрующихъ. Но съ теченіемъ временъ такое ограниченное братство должно неизбѣжно расширяться, обнимая все болѣе широкій кругъ жизни, ибо, признавая Бога за Единаго, необходимо допустить, что и дѣти Его всѣ безъ исключенія должны войти въ Его обитель. Сѣмя единства водружено въ сердцѣ каждой религіи, выросшее дерево распространитъ свои вѣтви по всему міру.

Нельзя не признать, что до сихъ поръ Братство провозглашалось не въ своемъ всемірномъ значеніи, а лишь въ частичномъ, и то небольшое количество точныхъ текстовъ, которое указываетъ на всемірное Братство, принимается въ большинствѣ случаевъ лишь за благочестивое пожеланіе, а не за живыя вдохновенія, обязательныя для руководства въ текущей жизни.

Отсюда вытекаетъ долгъ каждой религіи выдвигать и подчеркивать эту истину и прилагать ее къ жизненному творчеству, долгъ разрушать всѣ преграды и уничтожать всѣ разъединяющія стѣны. Но это никогда не можетъ быть достигнуто навязываніемъ той или другой религіи въ видѣ условія для вступленія въ Братство. Необходимо широко распространенное сознаніе, что Братство есть принадлежность природы, коренящаяся въ единой жизни, которую всѣ мы раздѣляемъ, и которую не можетъ уничтожить ни преступное паденіе, ни поднятіе на высоту совершенства, которая включаетъ въ себя самаго низкаго и самаго благороднаго, и величайшаго грѣшника, и высочайшаго святого, которая есть прирожденное право всѣхъ, безъ всякаго исключенія. Разъ признается имманентность Бога, необходимо признать и Братство людей.

До тѣхъ поръ, пока человѣкъ сознаетъ свое тѣлесное бытіе болѣе, чѣмъ духовное, до тѣхъ поръ и Братство не можетъ быть осуществлено; ибо тѣлесное растетъ постояннымъ присвоеніемъ всего, что находится въ полѣ его достиженія; матеріальныя вещи

временны, и, использованныя, уничтожаются подъ конецъ; а такъ какъ количество пригодныхъ вещей ограничено, желающіе же обладать—многочисленны, то и возникаютъ и борьба, и ссоры изъ-за обладанія ими.

Захватъ и удержаніе для себя есть условіе матеріальнаго успѣха, но когда человѣкъ начинаетъ сознавать себя болѣе духомъ, чѣмъ тѣломъ, онъ начинаетъ понимать, что давать и раздѣлять съ другими есть условіе роста и силы. Духовныя богатства умножаются отъ расходованія, а не уменьшаются. Чѣмъ большее количество ими пользуется, тѣмъ болѣе они умножаются; чѣмъ болѣе ими дѣлятся, тѣмъ болѣе они усваиваются. Отсюда истекаетъ, что Братство должно имѣть свои корни въ Духѣ и должно распространяться сперва въ интеллектуальномъ и психическомъ царствѣ, и затѣмъ уже утвердиться и въ мірѣ матеріальномъ. Никогда не можетъ оно быть предписано законодательствомъ извнѣ: оно можетъ быть лишь плодомъ побѣды Духа, изливающагося изнутри.

Изученіе исторіи прошлаго можетъ убѣдить тѣхъ сомнѣвающихся, которые склонны отрицать, что Братство есть дѣйствительно законъ природы. Ибо существованіе закона доказывается разрушеніемъ того, что не согласуется съ нимъ, и процвѣтаніемъ того, что находится съ нимъ въ гармоніи. Одна нація за другой, одно государство за другимъ погибали и распадались благодаря несоблюденію закона Братства.

Тамъ, гдѣ сильный угнетаетъ слабаго, вмѣсто того, чтобы защищать его, гдѣ богатый эксплоатируетъ бѣднаго вмѣсто того, чтобы помогать ему, гдѣ ученый презираетъ невѣжественнаго, вмѣсто того, чтобы воспитывать его,—тамъ неумолимый законъ природы приговариваетъ цивилизацію къ погибели. Проходитъ нѣкоторое время и такая цивилизація исчезаетъ съ лица земли; и лишь тогда, когда жизнь народа будетъ проникнута истиннымъ братствомъ, возникнетъ цивилизація, которая будетъ пребывать незыблемо.

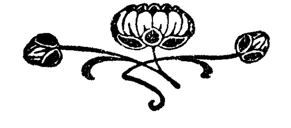
Достойно вниманія, что въ началѣ каждой возникающей религіи всегда преобладаетъ духъ Братства и только по мѣрѣ того, какъ религія старѣетъ, и духъ начинаетъ постепенно исчезать. Индусскія св. Писанія говорятъ о счастливомъ вѣкѣ, когда народъ составлялъ правильно организованную семью, въ которой всѣ были воспитываемы, всѣ выполняли полезныя дѣятельности, всѣ относились по братски другъ къ другу.

Переходя къ исторической эпохѣ, мы видимъ, что среди учениковъ, собравшихся вокругъ Будды, царствовали дружба и взаимная любовь.

Первые христіане „имѣли общее“ и „раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“ *). Послѣдователи Пророка Аравіи жили какъ братья, и Пророкъ былъ какъ старшій братъ среди нихъ. Такимъ образомъ первымъ выраженіемъ религіи является Братство; оно истекаетъ изъ религіознаго сознанія естественно и свободно. Въ тѣ ранніе дни, когда новая религія исповѣдуется по глубокому убѣжденію и сопровождается безкорыстной преданностью, она принимаетъ естественную форму Братства, такъ какъ Духъ временно торжествуетъ и, какъ побѣдитель, предписываетъ *свои* Законы.

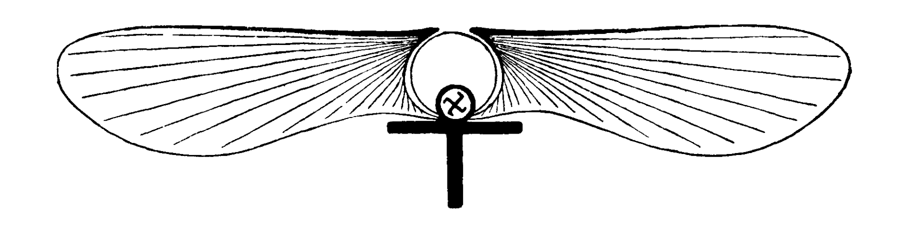
Но со временемъ въ братскія отношенія прокрадывается себялюбіе, чистое золото тускнѣетъ, и жадность, зависть и честолюбіе пятнаютъ чистую вначалѣ ревность. И тѣмъ не менѣе, золотая мечта о пребывающемъ Царствѣ, основанномъ на Братствѣ, не переставала свѣтить всѣмъ святымъ, всѣмъ истиннымъ любителямъ человѣчества. Пророки указывали на нее, поэты воспѣвали ее, философы доказывали ея необходимость, мученики умирали за нее. Старшіе Братья человѣчества, составляющіе великій союзъ религіозныхъ Учителей міра, приведутъ эту мечту къ осуществленію и Духъ Любви, изъ котораго рождалась каждая религія, будетъ осѣнять зрѣлый возрастъ Человѣчества.

Пер. Е. П.

---

*) Дѣянія II, 44—45.

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

(XVII бесѣда).

1.

Арджуна сказалъ:

Каково состояніе, о Кришна, тѣхъ, кто исполненъ вѣры, но пренебрегаетъ правилами, предписанными Св. Писаніями? Находятся ли они въ состояніи чистоты, страсти или мрака?

2.

Благословенный молвилъ:

Трояка вѣра, рожденная сущностью воплощеннаго: она чистая, страстная и темная. Слушай о ней.

3.

Вѣра каждаго соотвѣтствуетъ его природѣ, о Бхарата. Человѣкъ создается своей вѣрой; какова его вѣра, таковъ онъ самъ.

4.

Чистые поклоняются Богамъ; страстные—гномамъ [1]) и великанамъ [2]); остальные, темный людъ [3]), поклоняются призракамъ и сонму духовъ природы [4]).

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 5—6.

[1]) Гномы, хранящіе сокровища земли, символизируютъ идею стремленія къ земнымъ благамъ, къ богатству.

[2]) Великаны, считающіе свой ростъ показателемъ силы, являются символомъ гордыни и самости.

[3]) Т. е. младенческія души, стоящія на первыхъ ступеняхъ эволюціи, дикари.

[4]) Элементали, духи стихій.

5.

Знай, что налагающіе на себя испытанія, не предписываемыя Писаніемъ, отдающіеся тщеславію и себялюбію, исполненные неутолимыхъ желаній и страстей,

6.

Неразумные, терзающіе частицы своего тѣла, а также Меня, пребывающаго внутри, знай, что ихъ стремленія отъ дьявола [1]).

7.

Пища имъ пріятная также трояка, какъ и жертва, подвиги и милостыня. Услышь отъ Меня, въ чемъ ихъ различіе.

8.

Пища, отъ которой возрастаютъ жизненность, чистота, энергія, здоровье, жизнерадостность и удовольствіе, сочная, маслянистая, питательная и пріятная пища дорога чистымъ [2]).

9.

Страстные [3]) жаждутъ горькой, кислой, соленой, горячей, ѣдкой, сухой и обжигающей пищи, которая причиняетъ боль, страданіе и болѣзнь.

10.

Черствая, безвкусная, испорченная и гнилая пища, несвѣжая и нечистая, дорога темнымъ [4]).

11.

Жертва, приносимая человѣкомъ безъ мысли о наградѣ [5]), только потому, что она указана въ Св. Писаніи [6]), приносимая какъ долгъ, такая жертва чиста.

---

[1]) Асуры—демоны.
[2]) Тѣмъ, кто обладаетъ гармоніей „саттва".
[3]) Тѣ, кто исполненъ „раджасъ", страсти.
[4]) Тѣмъ, кто еще исполненъ лѣни, инерціи („тамасъ").
[5]) Буквально: безъ желанія плодовъ.
[6]) Въ Шастрахъ.

12.

Жертва, приносимая съ мыслью о наградѣ или для самолюбованія, о лучшій изъ Бхаратъ, знай, что такая жертва страстна.

13.

Жертва, противная предписаніямъ, безъ раздачи пищи [1]), лишенная священной силы [2]), даровъ и вѣры, такая жертва именуется темной.

14.

Поклоненіе воздаваемое Богамъ, дважды—рожденнымъ [3]), учителямъ и мудрецамъ, чистота, прямота, цѣломудріе и незлобивость, таковъ подвигъ тѣла [4]).

15.

Рѣчь, не вызывающая возбужденія, правдивая, пріятная и и полезная, а также постоянное изученіе Св. Писаній, таковъ подвигъ рѣчи [5]).

16.

Душевное счастье, равновѣсіе, молчаніе, самообладаніе, а также природная чистота, таковъ душевный подвигъ [6]).

17.

Этотъ трoякій подвигъ именуется чистымъ, если онъ совершается людьми благозвучными [7]), исполненными глубочайшей вѣры, безъ мысли о наградѣ [8]).

---

[1]) По Индусскому обряду, жертва Богу должна сопровождаться жертвой людямъ, актомъ милосердія.

[2]) Безъ освященія мантры (слова—силы).

[3]) Великіе подвижники, достигшіе высокихъ ступеней посвященія; имъ остается воплощаться только еще одинъ разъ на землѣ.

[4]) Буквально: аскетизмъ тѣла.

[5]) Буквально: аскетизмъ рѣчи.

[6]) Буквально: аскетизмъ души.

[7]) Буквально: уравновѣшенными.

[8]) Буквально: безъ желанія плодовъ.

18.

Почитанія, чести, поклоненія ради, а также изъ лицемѣрія совершенный подвигъ по природѣ своей страстенъ, неустойчивъ и непроченъ.

19.

Подвигъ, совершенный при нелѣпомъ самоистязаніи, или съ цѣлью погубить другого, такой подвигъ по природѣ своей темный.

20.

То, что дается безъ мысли объ отдачѣ, въ убѣжденіи, что давать есть долгъ, въ надлежащее время, въ надлежащемъ мѣстѣ и достойному человѣку, такая милостыня считается чистой.

21.

То, что дается съ мыслью объ отдачѣ или о наградѣ, съ сожалѣніемъ, такое подаяніе именуется страстнымъ.

22.

Милостыня, подаваемая въ ненадлежащемъ мѣстѣ и въ ненадлежащее время, недостойному человѣку, презрительно и съ бранью, такое подаяніе именуется темнымъ.

23.

„Омъ Татъ Сатъ“ [1]), такъ произносилось троякое имя Вѣчнаго [2]). Имъ были рождены въ старину Брахманы [3]) Веды и жертвы.

24.

Поэтому, произношеніемъ Ом'а [4]) начинаются жертвоприношенія подаянія и подвиги познавшихъ Вѣчнаго; такъ предписываютъ Св. Писанія.

---

[1]) Троичное опредѣленіе Всевышняго: „Омъ есть То“.

[2]) Брахмы.

[3]) Часть Св. Писаній, содержащая гимны и молитвы.

[4]) Св. слово, которымъ начинается и заканчивается обращеніе къ Богу въ Индіи. Отъ него произошло древне-еврейское слово Аменъ, перешедшее въ нашъ Аминь.

25.

При произношеніи „Татъ“ [1]), безъ мысли о наградѣ, совершаются различныя жертвоприношенія, подвиги и подаянія тѣми, кто жаждетъ освобожденія.

26.

„Сатъ“ [2]) употребляется въ смыслѣ реальности и добра, о Партха; слово „Сатъ“ употребляется въ смыслѣ праведныхъ дѣяній.

27.

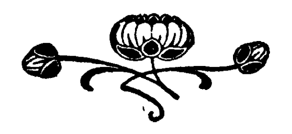
Постоянство въ жертвѣ, подвигъ и подаяніе именуется “Сатъ“, а также дѣйствіе, совершенное во имя Вѣчнаго.

28.

Все, что совершается безъ вѣры, будь это жертва, подаяніе, подвигъ или иное дѣйствіе, именуется „Асатъ“ [3]), о Партха; оно ничто и здѣсь, и въ будущемъ.

Такъ гласитъ славной Бхагаватъ—Гиты XVII бесѣда, именуемая Іога раздѣленія на троякую вѣру.

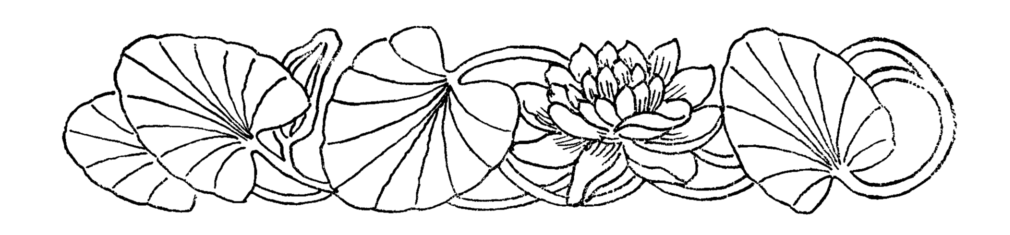
Перев. И. М. и Alba.

1) „То“, чего назвать нельзя, передъ чѣмъ можно лишь благоговѣйно преклониться.

2) „Есть“, т. е. единственное Реальное, что дѣйствительно существуетъ въ мірѣ.

3) „Не—есть“, т. е., то, что въ дѣйствительности не существуетъ, Не—Реальное.

Сила мысли.

А. Безантъ.

(*Продолженіе* *).

Творецъ иллюзіи.

„Достигнувъ равнодушія къ внѣшнему міру, ученикъ долженъ найти Властителя своихъ чувствъ, Творца мысли, того, который рождаетъ иллюзію. Умъ есть великій убійца Реальнаго".

Такъ гласитъ одинъ изъ Отрывковъ, переведенныхъ Еленой Петровной Блаватской изъ „Книги Золотыхъ Правилъ, этой прелестной поэмы въ прозѣ, составляющей одинъ изъ ея лучшихъ даровъ міру. Нѣтъ названія, болѣе значительнаго для опредѣленія ума, какъ: „творецъ иллюзіи".

Умъ не есть самъ Познающій, и ихъ слѣдуетъ отличать одинъ отъ другого. Много затрудненій и смѣшенія въ понятіяхъ происходятъ отъ того, что ученикъ забываетъ дѣлать различіе между тѣмъ, кто познаетъ, и умомъ, который не болѣе какъ орудіе для пріобрѣтенія познанія. Это равносильно тому, какъ если бы ваятеля отождествляли съ его рѣзцомъ.

Умъ по своей сущности двойственъ: его составляетъ съ одной стороны очень тонкая оболочка, которую можно назвать „тѣломъ причинности" (causal body), и высшій манасъ, отвлеченный разумъ; съ другой стороны—оболочка, изъ болѣе грубой матеріи, называемая ментальнымъ тѣломъ, и низшій манасъ или конкретный разумъ, который есть ничто иное, какъ отраженіе въ атомической матеріи того аспекта Высшаго „Я", который представляетъ собою Познаніе. Конкретный умъ ограничиваетъ „Дживу", которая, по мѣрѣ того какъ самосознаніе увеличивается, стано-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г. № 5—6.

вится скованной имъ со всѣхъ сторонъ. Подобно тому, какъ человѣкъ, намѣревающійся дѣлать какую-нибудь работу, и надѣвающій толстыя перчатки, замѣчаетъ, что его руки утрачиваютъ при этомъ свою чувствительность, гибкость и способность подбирать мелкія вещи и сохраняютъ способность схватывать лишь крупные предметы и ощущать лишь грубыя прикосновенія,—то же самое происходитъ и съ Познающимъ, когда онъ облекается въ земной умъ. Рука въ перчаткѣ осталась та же, но ея способности сильно уменьшились. Познающій, проявляющійся черезъ мозгъ, не измѣнился, но силы его чрезвычайно ограничились въ своихъ проявленіяхъ.

Слово „умъ“ мы будемъ употреблять въ дальнѣйшемъ по отношенію къ конкретному разуму, т. е. „ментальному тѣлу“, или къ манасу.

Умъ есть результатъ прошлаго мышленія, и онъ видоизмѣняется постоянно совершающимся мышленіемъ; онъ есть нѣчто вполнѣ точное и опредѣленное, обладающее извѣстными свойствами и недостатками, опредѣленной силой или слабостью, которыя являются слѣдствіемъ дѣятельностей въ предыдущихъ жизняхъ. Онъ таковъ, какимъ мы его сдѣлали; если мы и можемъ измѣнить его, то очень медленнымъ процессомъ. Мы не можемъ подняться надъ нимъ однимъ усиліемъ воли, или сразу исправить его недостатки. Каковъ онъ ни есть, онъ — нашъ собственный, онъ—часть „Не—я“, приспособленный для нашего пользованія, и только посредствомъ него мы можемъ *познавать*.

Всѣ результаты нашего прошлаго мышленія остаются съ нами въ видѣ нашего ума, и каждый умъ обладаетъ своимъ строемъ и своей быстротой вибрацій и находится въ состояніи вѣчнаго движенія, представляя рядъ вѣчно мѣняющихся картинъ. Каждое впечатлѣніе, приходящее къ намъ извнѣ, отражается въ томъ же кругѣ дѣйствія, и всѣ уже существующія вибраціи видоизмѣняютъ вновь проникшую вибрацію и сами измѣняются подъ вліяніемъ ея. Такимъ образомъ, результатъ новаго впечатлѣнія или новой вибраціи не есть точное воспроизведеніе послѣдней, а ея комбинація съ ранѣе уже существовавшими вибраціями. Прибѣгнемъ опять къ сравненію и возьмемъ на этотъ разъ свѣтъ. Если мы будемъ держать передъ глазами кусокъ краснаго стекла, и начнемъ смотрѣть черезъ него на зеленые предметы, то они покажутся намъ черными. Вибраціи, дающія намъ ощущеніе краснаго, пересѣкаются тѣми, которыя даютъ ощущеніе зеленаго, и глазъ, благодаря этому, получаетъ иллюзію чернаго цвѣта. То же

самое происходитъ, когда мы смотримъ на синій предметъ черезъ желтое стекло. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ служащее посредникомъ цвѣтное стекло вызываетъ впечатлѣніе цвѣта, отличающагося отъ того, которымъ обладаетъ тотъ же предметъ, разсматриваемый простымъ глазомъ. Даже глядя на предметы простымъ глазомъ, мы ихъ видимъ уже до нѣкоторой степени измѣненными, потому что и самъ глазъ видоизмѣняетъ получаемыя имъ вибраціи,—и въ гораздо большей степени, чѣмъ многіе думаютъ. Вліяніе ума, при посредствѣ котораго Познающій созерцаетъ внѣшній міръ, очень похоже на вліяніе цвѣтного стекла на окраску разсматриваемыхъ черезъ него предметовъ. Познающій не сознаетъ этого вліянія ума, какъ не сознавалъ бы человѣкъ, никогда не видавшій ничего безъ краснаго или синяго стекла, какого рода измѣненія производятъ эти стекла въ истинной окраскѣ пейзажа.

Въ силу этого умъ и называется „творцомъ иллюзіи". Онъ представляетъ намъ только искаженныя изображенія, соединенія его самого съ внѣшнимъ предметомъ. Если же взять это названіе въ болѣе глубокомъ смыслѣ, умъ есть „творецъ иллюзіи" потому, что всѣ эти искаженныя изображенія лишь отображенія внѣшняго вида предмета, а не сущности его. Тѣни тѣней, вотъ все, что онъ даетъ намъ. Но пока мы остановимся лишь на тѣхъ иллюзіяхъ, которыя возникаютъ вслѣдствіе присущей ему природы.

Наши представленія о мірѣ были бы совсѣмъ иными, если бы мы могли его узнать такимъ, каковъ онъ есть, даже въ одномъ его феноменальномъ видѣ, а не чрезъ посредство вибрацій, видоизмѣненныхъ умомъ. И это не невозможно, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто развилъ въ себѣ большую способность управлять своимъ умомъ. Вибраціи ума могутъ быть прекращены, если изъ него удалить сознаніе; тогда впечатлѣніе отъ внѣшняго предмета даетъ изображеніе, совершенно сходное съ собой, такъ какъ вибраціи, не смѣшанныя съ вибраціями самого наблюдателя, будутъ тождественны по качеству и количеству съ предметомъ, вызвавшимъ впечатлѣніе. Или же сознаніе можетъ отдѣлиться и проникнуть въ разсматриваемый предметъ и такимъ образомъ непосредственно испытать его вибраціи. Въ обоихъ случаяхъ получается истинное познаніе предмета. Идея въ мірѣ нуменовъ, феноменальный аспектъ которыхъ выражается формами, можетъ быть также познана, но только чрезъ посредство сознанія, которое дѣйствуетъ въ „тѣлѣ причинности" (causal body), не затрудняемое конкретнымъ умомъ или низшими проводниками.

Та истина, что мы познаемъ лишь впечатлѣнія отъ вещей, а не сами вещи, получаетъ большое значеніе, если ее примѣнять въ практической жизни. Она насъ учитъ смиренію и осторожности и развиваетъ въ насъ готовность воспринимать новыя идеи. Мы теряемъ нашу инстинктивную увѣренность въ вѣрности нашихъ наблюденій и научаемся анализировать себя прежде, чѣмъ осуждать другихъ. Вотъ примѣръ, который послужитъ для выясненія нашей мысли. Я встрѣчаю человѣка, вибраціи котораго дополняютъ мои собственныя вибраціи. Встрѣчаясь, мы взаимно погашаемъ другъ друга; поэтому мы не любимъ другъ друга, мы не находимъ ничего другъ въ другѣ и каждый изъ насъ удивляется, какъ можетъ кто-нибудь находить другого умнымъ, когда мы сами не находимъ въ немъ ровно ничего интереснаго. Если же я достигъ до извѣстной степени самопознанія, такое удивленіе исчезнетъ, по крайней мѣрѣ съ *моей* стороны. Вмѣсто того, чтобы думать о другомъ какъ о глупомъ, я спрошу себя: „Чего не достаетъ *мнѣ,* что я не могу отвѣчать на его вибраціи? Мы оба вибрируемъ, и если я не могу воспринять жизни у его мысли, то только потому, что не могу воспроизвести его вибрацій. Какъ же я могу судить о немъ, пока самъ не измѣнюсь настолько, чтобы быть въ состояніи воспринимать его?“ Мы не можемъ въ значительной степени измѣнить другихъ, но мы можемъ сильно измѣнить себя и намъ слѣдовало бы постоянно стремиться къ расширенію нашей способности воспріятія. Мы должны стать подобны бѣлому свѣту, который являетъ собой соединеніе всѣхъ цвѣтовъ; онъ не искажаетъ ни одного, потому что ни одного не отбрасываетъ и имѣетъ силу отвѣчать каждому. Мы можемъ судить о нашемъ приближеніи къ бѣлизнѣ по нашей способности отвѣчать самымъ различнымъ характерамъ.

Ментальное тѣло и манасъ.

Обратимся теперь къ разуму какъ къ органу сознанія, въ его аспектѣ Познающаго,—и разсмотримъ, изъ чего онъ состоитъ, какъ мы его создавали въ прошломъ, и какимъ образомъ мы можемъ его измѣнить въ настоящемъ. Со стороны жизни умъ есть Манасъ, а манасъ есть отраженіе въ атомическомъ веществѣ третьяго, т. е. ментальнаго плана,*) мыслящаго аспекта „Высшаго Я“, проявляющагося какъ „Познающій“.

*) 1) Физическій; 2) астральный; 3) ментальный.

Со стороны формы „умъ“ являетъ два аспекта, въ отдѣльности обусловливающихъ дѣятельность манаса, иными словами— сознаніе, дѣйствующее на ментальномъ планѣ. Эти аспекты возникаютъ вслѣдствіе скопленій вещества этого плана вокругъ атомическаго вибраціоннаго центра. Вещество это, благодаря его природѣ и примѣненію, называется ментальной матеріей. Она составляетъ огромную область вселенной, проникаетъ астральную и физическую матеріи и существуетъ въ семи подраздѣленіяхъ, подобно состояніямъ матеріи физическаго плана; она особенно отзывчива на вибраціи, которыя исходятъ изъ того аспекта Высшаго Я, которое есть Познаніе, и этотъ аспектъ налагаетъ на ментальную матерію свой особый отпечатокъ.

Со стороны формы первый и высшій аспектъ разума есть то, что мы называли „духовное тѣло“. Оно состоитъ изъ матеріи пятаго и шестого подраздѣленій ментальнаго плана, соотвѣтствующихъ болѣе тонкимъ эфирамъ физическаго плана. У большинства людей на настоящей ступени эволюціи „тѣло причинности“ очень мало развито, и такъ какъ оно не имѣетъ отношенія къ умственной дѣятельности, направленной къ внѣшнему міру, то мы можемъ его оставить пока въ сторонѣ. „Духовное тѣло“ есть собственно говоря органъ отвлеченной мысли.

Второй аспектъ разума, называемый „ментальнымъ тѣломъ“, состоитъ изъ субстанціи, принадлежащей четыремъ низшимъ подраздѣленіямъ ментальнаго плана, соотвѣтствующимъ низшему эфирному, газообразному, жидкому и твердому веществамъ физическаго плана. Ментальныя тѣла можно подраздѣлить на семь основныхъ типовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ формы на всѣхъ ступеняхъ развитія, которыя развиваются и растутъ по однимъ и тѣмъ же законамъ. Понять и примѣнять эти законы—значитъ замѣнить медленное естественное развитіе быстрымъ процессомъ свободнаго самоопредѣляющаго душевнаго роста. Отсюда и вытекаетъ громадная важность изученія этихъ законовъ.

Строеніе и развитіе ментальнаго тѣла.

Надо ясно понять тотъ методъ, посредствомъ котораго сознаніе создаетъ свой проводникъ, такъ какъ мы ежедневно и ежечасно имѣемъ возможность примѣнять этотъ методъ для высшихъ цѣлей. И въ бодрствующемъ состояніи, и во время сна,

мы постоянно созидаемъ наше „ментальное тѣло“; ибо когда сознаніе вибрируетъ, оно дѣйствуетъ на окружающее его ментальное вещество, а каждая дрожь сознанія, хотя бы вызванная и мимолетной мыслью, втягиваетъ въ ментальное тѣло однѣ частицы субстанціи мысли и выбрасываетъ изъ него другія. Насколько это касается проводника мысли, ментальнаго тѣла,—процессъ этотъ происходитъ посредствомъ вибрацій; но не надо забывать, что самая *сущность* сознанія заключается въ постоянномъ отождествленіи себя съ „Не-я“, и такомъ же постоянномъ самоутвержденіи путемъ отбрасыванія „Не-я“; сознаніе и состоитъ въ чередующихся самоутвержденіи и отрицаніи; вслѣдствіе этого и является движеніе, которое производитъ притягиванія и отталкиванія, называемыя вибраціями. Окружающая матерія приходитъ вслѣдствіе этого тоже въ колебательное движеніе и служитъ такимъ образомъ посредникомъ для воздѣйствія на другія сознанія.

Итакъ, тонкость или грубость усваиваемой такимъ образомъ матеріи зависитъ отъ производимыхъ сознаніемъ вибрацій. Чистыя и возвышенныя мысли вызываютъ быстрыя вибраціи и дѣйствуютъ только на самый тонкій видъ ментальной матеріи. Болѣе грубыя ея частицы остаются незатронутыми, такъ какъ онѣ не способны вибрировать съ необходимой быстротой. Когда подобная высокая мысль заставляетъ вибрировать „ментальное тѣло“, частицы грубой матеріи выбрасываются изъ него и замѣщаются частицами болѣе тонкой матеріи, и такимъ образомъ въ составъ „ментальнаго тѣла“ вносятся болѣе совершенные матеріалы. Наоборотъ, низкія и дурныя мысли притягиваютъ къ „ментальному тѣлу“ грубые матеріалы, какъ наиболѣе подходящіе для своего выраженія, и эти грубыя частицы отталкиваютъ и выбрасываютъ болѣе тонкія частицы.

Такимъ образомъ, вибраціи сознанія постоянно отбрасываютъ одинъ родъ матеріи, и замѣняютъ его другимъ. Изъ этого вытекаетъ, что соотвѣтственно тому роду матеріи, который мы въ прошломъ вносили въ составъ нашего „ментальнаго тѣла“, будетъ и наша способность отвѣчать въ настоящемъ на тѣ или другія мысли, доходящія къ намъ извнѣ. Если наше „ментальное тѣло“ состоитъ изъ тонкихъ частицъ,—грубая и дурная мысль не встрѣтитъ въ насъ отвѣта, и поэтому не причинитъ никакого вреда; но если наше „душевное тѣло“ было создано изъ грубыхъ частицъ,—въ такомъ случаѣ каждая мимо несущаяся злая мысль будетъ дурно влiять на него, а добрыя мысли останутся на него безъ вліянія.

Когда мы приходимъ въ соприкосновеніе съ кѣмъ-нибудь, обладающимъ возвышенными мыслями, то его мысленныя вибраціи, дѣйствуя на насъ, вызываютъ колебанія въ тѣхъ частицахъ нашего „ментальнаго тѣла", которыя способны отвѣчать на нихъ, и въ то же время разматываютъ и даже выбрасываютъ нѣкоторую часть той матеріи, которая слишкомъ груба, чтобы вибрировать съ соотвѣтствующей быстротой. Слѣдовательно польза, которую мы можемъ получить отъ высоко развитаго человѣка, зависитъ главнымъ образомъ отъ нашего собственнаго прошлаго мышленія, и „наше пониманіе" его образа мыслей и способность отвѣчать на нихъ обусловлены тѣмъ же. Мы не можемъ мыслить за другого; каждый можетъ думать только свои собственныя мысли, вызывая при этомъ соотвѣтственныя вибраціи въ окружающей его ментальной матеріи, которыя, дѣйствуя на насъ, возбуждаютъ въ нашихъ „ментальныхъ тѣлахъ" симпатическія вибраціи. Послѣднія дѣйствуютъ на сознаніе. Мыслитель внѣ насъ можетъ дѣйствовать на наше сознаніе только путемъ возбужденія подобныхъ вибрацій въ нашемъ „ментальномъ тѣлѣ". Но „пониманіе" не всегда слѣдуетъ немедленно за извнѣ вызванными вибраціями. Иногда дѣйствіе ихъ подобно дѣйствію солнца, дождя и почвы на зерно, зарытое въ землѣ. Сначала незамѣтно никакого видимаго вліянія отъ вибрацій, дѣйствующихъ на зерно; но внутри его все же возникъ слабый трепетъ оживотворяющей его жизни и этотъ трепетъ будетъ крѣпнуть съ каждымъ днемъ, пока наконецъ дѣйствующая на него жизнь не прорветъ его скорлупу и не вытянетъ изъ него корешокъ и нѣжный росточекъ. Тоже и съ разумомъ. Сознаніе будетъ слабо трепетать внутри него ранѣе, чѣмъ будетъ способно дать какой бы то ни было опредѣленный отвѣтъ на полученное впечатлѣніе; но даже и тогда, когда мы еще неспособны понимать великаго мыслителя, въ насъ уже существуетъ безсознательный отвѣтный трепетъ, который является предвѣстникомъ сознательнаго отвѣта. Мы уходимъ отъ него уже нѣсколько воспріимчивѣе къ богатому источнику его мысли; скрытое зерно мысли оживилось въ насъ и нашъ умъ получилъ благой толчекъ, который скажется на его эволюціи.

Такимъ образомъ для созиданія и развитія нашего разума нѣчто можетъ быть взято и извнѣ, но большая часть работы происходитъ благодаря дѣятельности нашего собственнаго сознанія; ибо мы сами созидаемъ себя и должны строить нашъ разумъ по своему.

Есть много любителей чтенія. Но не чтеніе созидаетъ разумъ; созидаетъ его лишь собственное мышленіе. Чтеніе цѣнно

лишь настолько, насколько оно доставляетъ матеріалъ для мышленія. Человѣкъ можетъ много читать, но умственный его ростъ будетъ въ соотвѣтствіи съ возникающими за этимъ чтеніемъ собственными мыслями. Вся цѣнность для него вычитанныхъ мыслей зависитъ отъ того употребленія, которое онъ сдѣлаетъ изъ нихъ.

„Чтеніе насыщаетъ человѣка“, сказалъ лордъ Бэконъ, и съ умомъ бываетъ то же, что и съ тѣломъ. Ѣда наполняетъ желудокъ, но какъ пища безполезна для тѣла, если она не переварена и не усвоена, такъ и умъ можетъ быть переполненъ прочитаннымъ, но если собственная мысль не работаетъ, не можетъ быть усвоенія, и умъ не только не растетъ отъ такой пищи, а наоборотъ, можетъ пострадать отъ обремененія, и даже ослабѣть подъ тяжестью не усвоенныхъ идей.

Слѣдуетъ меньше читать, но больше размышлять, если мы желаемъ, чтобы разумъ нашъ развивался и чтобы возрастала наша способность пониманія. Если мы серьезно думаемъ о культурѣ нашего ума, мы должны ежедневно посвящать одинъ часъ чтенію серьезной книги, и при этомъ послѣ каждыхъ пяти минутъ чтенія—не менѣе десяти минутъ размышлять надъ прочитаннымъ. Обыкновеніе быстро читать, а затѣмъ откладывать книгу до слѣдующаго раза, является причиной медленнаго развитія силы мысли.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій теософическаго движенія есть умственный ростъ, наблюдаемый изъ года въ годъ среди его членовъ. Этимъ они обязаны, главнымъ образомъ, пониманію самой природы мысли; они начинаютъ сознавать законы мышленія и принимаются сами созидать свои ментальныя тѣла вмѣсто того, чтобы предоставить ихъ развитіе медленному естественному ходу. Тотъ, кто дѣйствительно заботится о своемъ развитіи, не долженъ проводить ни одного дня безъ того, чтобы хотя пять минутъ не посвятить чтенію, за которымъ должно слѣдовать серьезное размышленіе. Быть можетъ сначала онъ найдетъ это утомительнымъ и труднымъ и такимъ образомъ удостовѣрится въ слабости своего мышленія. Это открытіе—первая ступень по пути прогресса, такъ какъ признать свою неспособность къ сосредоточенному и послѣдовательному мышленію есть уже большой шагъ впередъ. Люди, не способные самостоятельно размышлять, но воображающіе, что они умѣютъ думать, не могутъ прогрессировать. Лучше сознать свою слабость, чѣмъ, оставаясь слабымъ, воображать себя сильнымъ. Проявленіе слабости—разсѣянность ума, бросаніе въ жаръ, спутанность и усталость мысли,

которыя слѣдуютъ за продолжительнымъ усиліемъ не уклоняться отъ труднаго пути мысли—все это вполнѣ совпадаетъ съ такими же ощущеніями въ мускулахъ послѣ усиленныхъ гимнастическихъ упражненій. Правильнымъ и настойчивымъ упражненіемъ—но не чрезмѣрнымъ—сила мысли разовьется, какъ развивается и сила мускуловъ. И когда такимъ образомъ сила мысли выраститъ, явится и способность управлять ею, и возможность устремлять ее къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Безъ такого упражненія въ мышленіи ментальное тѣло останется неопредѣленнымъ и не организованнымъ; и безъ способности сосредоточивать мысль на опредѣленной точкѣ—сила мысли не можетъ развиваться совсѣмъ.

Пер. **Е. П.**

Въ нашу жизнь въѣлось столько дикихъ, безнравственныхъ вещей, особенно въ ту низшую область перваго шага къ доброй жизни,—отношенія къ пищѣ, на которое мало кто обращалъ вниманія,—что намъ трудно даже понять дерзость и безуміе утвержденія въ наше время христіанства или добродѣтели съ бифстексомъ. Вѣдь, мы не ужасаемся передъ этимъ утвержденіемъ только потому, что надъ нами случилось то необычное дѣло, что мы смотримъ и не видимъ, слушаемъ и не слышимъ.

Нѣтъ зловонія, къ которому человѣкъ бы не принюхался, нѣтъ звуковъ, къ которымъ бы не прислушался, безобразія, къ которому бы не приглядѣлся, такъ что уже не замѣчаетъ того, что поразительно для непривыкшаго человѣка. Точно тоже и въ области нравственной. Христіанство и нравственность съ бифстексомъ.

На дняхъ я былъ на бойнѣ въ нашемъ городѣ Тулѣ. Бойня у насъ построена по новому, усовершенствованному способу, какъ она устроена въ большихъ городахъ, такъ чтобы убиваемыя животныя мучались какъ можно меньше. Это было за два дня до Троицы.

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержаніи).

Въ ширь безпредѣльности,
Гдѣ нѣтъ отдѣльности,
Вихремъ несется мечта!
Все тамъ Единое, Невыразимое,
Все тамъ—одна красота!
Звука безмолвнаго, Царства духовнаго
Свѣтелъ сіяющій День;
Творчества вѣчнаго и безконечнаго
Къ намъ лишь доносится тѣнь.
Прочь всѣ желанія—цѣпи страданія,
Надо скорѣй ихъ стряхнуть!
Въ Царствѣ духовной любви и гармоніи
Радостно всѣмъ отдохнуть...
Дивное, Свѣтлое небо завѣтное!
Въ отблескъ хоть твой загляну...
Вѣчно прекрасное, звѣздное, ясное,
Манитъ къ себѣ въ глубину!

Е. Н.

Идеалъ.

Сновидѣнье.

По аллеямъ сада шла женщина, тревожно переходя съ одной дорожки на другую; она, казалось, искала выхода, но всюду, куда она ни направлялась, ее встрѣчало неодолимое препятствіе въ видѣ высокой каменной стѣны, окружавшей со всѣхъ сторонъ большой садъ. На одномъ изъ переходовъ ей встрѣтился человѣкъ, съ тонкими очертаніями губъ и выраженіемъ спокойствія въ глазахъ. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ мира, но не того, который дается силой и знаніемъ, а того, который называется покорностью судьбѣ.

— Чего ты ищешь?—спросилъ онъ.

— Я ищу того, чего здѣсь нѣтъ, отвѣчала женщина. Я изнемогаю отъ усталости и голода, но что-то внутри гонитъ меня и заставляетъ итти впередъ и искать того, что необходимо для моей души.

— Тебѣ не къ чему искать, дочь моя, поспѣшилъ онъ отвѣтить, ибо Богъ, котораго ты ищешь—здѣсь.

— Онъ не можетъ жить въ саду, рѣзко возразила женщина.

Какъ можетъ ограниченное заключать въ себѣ безграничное?—Богъ долженъ быть вездѣ.

— Да, но не вездѣ можетъ бѣдное человѣчество приблизиться къ Нему. Здѣсь мы указываемъ путь, по которому всѣ люди могутъ подойти къ Нему.

Она покачала головой въ тревожномъ сомнѣніи.

— Не думаю, чтобы это было возможно. Какъ могутъ *всѣ* подходить къ Нему однимъ и тѣмъ же путемъ?

Вы не можете сдѣлать одинаковыми всѣ души, самая суть которыхъ въ ихъ индивидуальности. Путь, доступный вамъ, можетъ быть совершенно недоступенъ мнѣ.

Онъ смотрѣлъ на нее серьезнымъ испытующимъ взоромъ.

— Стремишься ли ты къ перемѣнѣ и новизнѣ впечатлѣній; или въ тебѣ говоритъ что-то большее? спросилъ онъ. Не забудь, дочь моя, что ты побывала во всѣхъ частяхъ сада.

Это правда, согласилась она, немного пристыженная.—Я была на востокѣ и на западѣ, на сѣверѣ и на югѣ, была и тамъ, гдѣ сорныя травы и цвѣты растутъ безпрепятственно вмѣстѣ; и тамъ, гдѣ садовники не въ состояніи разобраться въ растеніяхъ и поэтому уничтожаютъ то сорную траву, то цвѣты; и вотъ я пришла сюда, гдѣ...

— Здѣсь мы воспитываемъ наши цвѣты — подтвердилъ онъ спокойно.

— Да, кротко промолвила женщина, но всѣ ваши цвѣты чахнутъ. И развѣ можетъ какое либо растеніе— за исключеніемъ сорной травы—выростить вполнѣ, если оно затѣнено высокою изгородью, закрывающею отъ него солнечный свѣтъ? Виновата-ли я, что напрасно искала по всему вашему саду тотъ Идеалъ, къ которому стремится моя душа? А я искала его съ смиреннымъ сердцемъ, я вѣрила, что найду его за вашими стѣнами. И только теперь я узнала, что должна итти дальше, и даже не по своей волѣ, а повинуясь силѣ, которая толкаетъ меня впередъ и впередъ, вопреки меня самой,—силѣ, которая выше мысли, выше сердца, выше души,—той силѣ, которая быть можетъ и есть золотая нить, извлекающая насъ изъ тьмы конечнаго къ Свѣту Безконечнаго. Я не такъ мудра, какъ вы. Я не могу разсуждать, когда во мнѣ говоритъ эта сила. Я могу только повиноваться ей. — О, отецъ мой! продолжала она, поднявъ къ нему свои горящіе глаза; вамъ конечно извѣстно, какъ и гдѣ я могу найти Идеалъ, къ которому стремится мое сердце? Неужели вы никогда не сознавали, подобно мнѣ, все несовершенство и всю ограниченность вашего сада? Неужели и вы не тосковали по красотѣ, по совершенству, по совершенному знанію?

По его лицу пробѣжала тѣнь.

— Я научился быть довольнымъ и знаю, что въ границахъ сада я въ безопасности.

— Но, воскликнула женщина, — безопасность эта достается слишкомъ дорогой цѣной! И я не хочу довольствоваться ограниченнымъ... Ваши стѣны сжимаютъ меня какъ кошмаръ, ваша атмосфера душитъ меня, ваши изгороди закрываютъ отъ меня все, что разстилается за ними, и до моего слуха достигаютъ только споры вашихъ садовниковъ. Споры же не создаютъ ни Любви, ни

Свѣта. Быть можетъ тамъ, на вершинѣ горъ, надъ которыми простирается голубой Божій сводъ и у подножія которыхъ бѣлѣютъ нетающіе снѣга, тамъ, гдѣ царствуетъ Великое Безмолвіе, гдѣ музыка звѣздъ не нарушается людскимъ говоромъ и людскими мыслями,—быть можетъ тамъ я услышу то, чего проситъ моя душа..· Такого мѣста нѣтъ въ саду, но—за его стѣнами?..

— За его стѣнами простирается пустыня, докончилъ ея собесѣдникъ, безплодная, безграничная пустыня, усѣянная костями тѣхъ, кто подобно тебѣ бился съ препятствіями и считалъ свободу выше послушанія, а свою волю выше всѣхъ авторитетовъ.

— Что находится за пустыней?— спрашивала женщина.

— Можетъ быть тамъ и скрывается мой Идеалъ? Если да, что мнѣ за дѣло до голода сердца,— до жажды души, до утомленія и мрака отчаянія? Развѣ все это не исчезнетъ какъ дымъ отъ порыва вѣтра? Кто вспоминаетъ о пройденномъ пути, разъ цѣль достигнута? Кто думаетъ о темнотѣ, когда свѣтъ разсѣялъ ее?

— А если ты не найдешь свѣта? спросилъ онъ.

Женщина остановилась, оглянулась назадъ, держа руку на затворѣ продѣланной въ большой, бѣлой стѣнѣ двери, и сказала:

— Даже и тогда я должна искать его.

По лицу ея собесѣдника пробѣжала тѣнь жалости и скорби.

— Дочь моя, упрашивалъ онъ—выходъ отсюда найти легко, но возвратиться сюда трудно, а иногда и выше человѣческихъ силъ; сознаешь ли ты, что собираешься покинуть свое родное пристанище?

Нота нѣжной жалости зазвучала въ ея голосѣ...

— Можетъ быть для васъ, отецъ, этотъ садъ — родной, но для меня онъ казался тюрьмой. Возможно — и при этихъ словахъ она раскрыла дверь настежъ и взоры ея переносились отъ безотрадной пустыни, виднѣвшейся за предѣлами сада, къ его тихой красотѣ, къ его тѣнистымъ аллеямъ и яркимъ цвѣтамъ — возможно, что настанетъ время, когда я буду жалѣть, что онъ не можетъ быть для меня пристанищемъ, что я не могу чувствовать такъ, какъ чувствуете вы, и все же я должна итти.

— Но, можетъ быть ты еще вернешься къ намъ? спросилъ тотъ, кого она назвала отцомъ. Печаль, звучавшая въ его голосѣ, тронула ее.

— Нѣтъ отецъ, отвѣтила она, я не вернусь никогда. Если я и не достигну цѣли, я пройду по крайней мѣрѣ часть ведущаго къ ней пути. А теперь — она поколебалась, а затѣмъ протянула къ нему руки съ мольбой и, не смотря на все ея смиреніе, она

почувствовала, что рѣшеніе ея безповоротно—не пожелаете ли вы мнѣ добрый путь?

— Я могу только помолиться о твоемъ возвращеніи, дочь моя.

Непрошенныя слезы навернулись на ея глаза и сдержанное рыданіе заглушило ея послѣднія слова. Ибо трудны бываютъ слова послѣдняго прости и тяжелъ первый урокъ безпріютности. Стукъ захлопнувшейся за ней двери прозвучалъ какъ погребальный колоколъ въ ея ушахъ, но она знала, что это былъ лишь внѣшній символъ внутренней истины, и знала, что, какъ бы ни былъ труденъ предстоящій путь, она должна итти по немъ.

Такъ начала она свое странствованіе во цвѣтѣ молодости, отваги и высокихъ упованій, но по мѣрѣ того, какъ бѣлѣющія кости погибшихъ на томъ же пути встрѣчались все рѣже, а на горизонтѣ не переставала виднѣться все та же пустыня,—отвага и свѣтлыя упованія начали покидать ее.

Но она все же продолжала подвигаться впередъ; надъ головой ея разстилалось все то же безпредѣльное сѣрое небо, а подъ ногами все та же безплодная пустыня; подъ конецъ ей стало казаться, что и сердце, и мозгъ ея какъ бы сливаются съ этой однотонной сѣрой тоской.

— Я не вижу ничего, кромѣ отчаянія, воскликнула она. Идеалъ—пустой сонъ, дѣйствительность—непрестанный кошмаръ.

Всю ночь пролежала она, повергнутая ницъ, бездомная, покинутая и одинокая; въ эту ночь громы отчаянія, молніи возмущенія, бури не удовлетворенныхъ стремленій гремѣли, сверкали и бушевали вокругъ нея. Когда же настало блѣдное утро, она снова встала на ноги, и хотя слабая и утомленная, съ рѣшимостью двинулась впередъ.

Если у меня еще есть сила страдать, шептали ея уста—найдется и сила испытать счастье. Это законъ Двойственности. Самъ Господь не можетъ нарушить свой Законъ. Счастье *должно* скрываться въ Идеалѣ.

И въ то время какъ она произносила эти слова, далеко впереди на темнѣющемъ горизонтѣ, за предѣлами безотрадной пустыни, позади сгущающихся тучъ, вспыхнула на короткое мгновеніе искра свѣта, и путница, прижавъ руки къ груди, пала ницъ.

— Я вижу Свѣтъ!..—шептала она. Я найду его!

И съ вновь возрожденной надеждой она поднялась и быстро пошла впередъ, забывъ и про усталость, и про перенесенную борьбу, и про ночи отчаянія, забывъ все, кромѣ той цѣли, къ которой стремилась ея душа.

Но, когда въ сгустившемся сумракѣ наступавшаго вечера она достигла крайняго предѣла пустыни, передъ ней внезапно раскрылась зіяющая бездна, которая преградила ей путь. Миріады шумныхъ потоковъ стремительно низвергались съ ея круто-отвѣсныхъ краевъ, а въ глубинахъ этой страшной пропасти бѣшено кипѣлъ бурный водоворотъ, вода котораго была чернѣе ночи; видъ этой черной глубины налегъ свинцовой тучей на ея душу, когда она, наклонившись надъ краемъ бездны, поняла, что побѣждена и стоитъ лицомъ къ лицу съ худшимъ изъ всѣхъ золъ—крушеніемъ всѣхъ упованій...

Такъ стояла она, какъ вдругъ чье-то нѣжное прикосновеніе коснулось ея склоненной головы, и проникнувъ какими-то таинственными путями въ самую глубину ея души, пронеслось какъ освѣжающее дуновенье по ея горящимъ ранамъ. Впечатлѣніе это было такъ сильно, что она нисколько не удивилась, когда, поднявъ глаза, увидѣла рядомъ съ собою Свѣтлый Образъ, окруженный мерцающимъ облакомъ лучистаго сіянія.

— Постигла ли ты смыслъ идеала?—раздался надъ ней тихій голосъ.

Она отвѣтила со всей тоской только-что перенесенной усталости и до дна испитаго отчаянія:

— Онъ—въ Покоѣ!

— Нѣтъ, онъ—въ Правдѣ. Хотя въ извѣстномъ смыслѣ ты права, ибо Покой возможенъ лишь для тѣхъ, кто нашелъ свой Идеалъ.

— Какъ же найти его?—спросила она съ мольбой.

— Ты должна итти по Пути Вѣры...

— Но я шла по этому Пути,—воскликнула она,—я все время шла по немъ!

— Нѣтъ, дитя, раздался мягкій отвѣтъ. Интуиція вывела тебя изъ Сада Исповѣданій и провела черезъ пустыни Агностицизма; но лишь одна Вѣра можетъ довести тебя до Вершинъ Познанія.

Она стояла передъ нимъ съ скрещенными на груди руками, съ прерывающимся дыханіемъ, дрожа и страшась, и въ то же время чувствуя, что въ глубинахъ ея души возрождается непонятная, новая надежда.

— Гдѣ же эта дорога—этотъ путь Вѣры—гдѣ найду я его?—съ жаромъ спросила она.

Свѣтлый Образъ указалъ на дно пучины:—Онъ тамъ.

Женщина со страхомъ отступила назадъ, но затѣмъ снова приблизилась къ самому краю бездны, и взглянула въ ея черныя, крутящіяся волны, которыя, казалось, скрывали за собой бездонную могилу, изъ которой нѣтъ выхода.

— Нѣтъ!..—простонала она.—Это страшно, страшно и непреодолимо! Что скрывается въ этой безднѣ?

— Пораженія,—былъ отвѣтъ.

— Тѣхъ, которые довѣрились своимъ собственнымъ силамъ?—спросила она.

Свѣтлый собесѣдникъ улыбнулся той нѣжной и одобряющей улыбкой, какою улыбаются на попытки дѣтей, старающихся своими маленькими безсильными руками отворить Двери Познанія.

— Нѣтъ, только тѣхъ, которые мало вѣрили въ нихъ, которые не сумѣли понять, что только благодаря пребывающему внутри насъ Богу можно достигнуть Бога внѣ насъ.

Женщина протянула руки съ жестомъ отчаянья, ибо ей представилось, что уроки всей ея жизни были напрасны и ей придется начинать сызнова, а она чувствовала себя смертельно усталой.

— Что же такое Вѣра?—спросила она съ рыданіемъ въ голосѣ.

— Вѣра есть Воля, дитя мое, Воля достигнуть познанія.

Съ крикомъ отчаянія упала она къ его ногамъ.

— Нѣтъ у меня больше силъ,—рыдала она,—и мужество мое пришло къ концу. Я тоже испытала пораженіе. Я намѣревалась совершить такъ много, и не сдѣлала ничего... А теперь я уже не въ силахъ.

Она снова почувствовала магическое прикосновеніе къ своей смиренно склоненной головѣ.

— Подними голову, дитя земли и скорби, смотри поверхъ шумящей бездны и скажи мнѣ, что ты видишь тамъ?

Напрягая свои усталые глаза, она вглядывалась въ простиравшійся передъ нею мракъ.

— Вижу одни только непроницаемые туманы, но тамъ—далеко, далеко, мнѣ опять померещилось мерцаніе Свѣта. Того же Свѣта, который привелъ меня сюда.

— Жди и смотри!—приказалъ онъ; вслѣдъ затѣмъ туманъ началъ рѣдѣть, разрываться и медленно подниматься вверхъ, и

тогда передъ ея изумленными глазами засіялъ Свѣтъ, неописуемый словами; вокругъ него волновались переливавшіяся всѣми цвѣтами радуги облака, волны невѣдомыхъ на землѣ дивныхъ оттѣнковъ, прозрачныхъ, эфирныхъ, сверкающихъ, которые, казалось ей, какими-то таинственными, необъяснимыми путями сосредоточивали въ своихъ свѣтлыхъ глубинахъ всю полноту и любви, и стремленій.

Еще мгновеніе, и изъ этихъ свѣтлыхъ глубинъ на нее полились блистающимъ дождемъ множество звѣздъ, изъ которыхъ каждая была—мысль. И она узнала, что это—тѣ мысли, которыхъ она такъ тщетно искала, за которыми такъ долго блуждала во мракѣ... Вскочивъ на ноги, она радостно протягивала къ нимъ руки, и съ восторгомъ призывала: „Ко мнѣ, ко мнѣ!..“

Но въ то же мгновеніе пелена тумановъ развернулась снова, и прежняя непроницаемая тьма опустилась до самой земли.

И тѣмъ не менѣе, отблескъ упавшаго на нее свѣта отражался на лицѣ женщины, когда она прошептала:

— Я согласна итти!

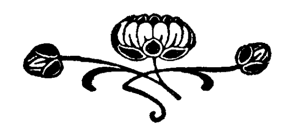
— Это хорошо, дитя мое;—и въ голосѣ говорившаго послышался новый звукъ, и звукъ этотъ говорилъ о великой радости.— Но выслушай меня,—продолжалъ онъ,—дай мнѣ предупредить тебя объ опасностяхъ, которыя встрѣчаются на пути Вѣры, чтобы и тебѣ не погибнуть въ безднѣ Сомнѣнія. Ибо, когда ея воды поглотятъ тебя,—никакія силы земли или неба не въ состояніи будутъ помочь тебѣ. Одинокой является душа въ міръ, одиноко должна она—въ силу своего божественнаго происхожденія—выковывать и скрѣплять ту цѣпь, которая соединяетъ ее съ Божествомъ. Оторванная Часть должна всегда искать Цѣлое. И потому, когда воды будутъ втягивать тебя все глубже и глубже, и страшная тьма окутаетъ тебя со всѣхъ сторонъ, держись твердо за воспоминаніе о видѣнномъ Свѣтѣ. Не допускай мысли, что это былъ лишь сонъ. Не переставай сознавать, что этотъ Свѣтъ—Единая Реальность, и тогда удерживающія тебя силы ослабѣютъ и исчезнутъ, а освобожденная душа твоя начнетъ безпрепятственно подниматься вверхъ. И когда этотъ первый шагъ сдѣланъ, знай, мое дитя, что всѣ силы Неба и земли придутъ къ тебѣ на помощь, ибо они только ждутъ твоего повелѣнія, повелѣнія твоей побѣдившей воли, чтобы окружить тебя и понести все выше и выше, пока ты не сольешься съ Божественнымъ, Неизреченнымъ Цѣлымъ, пока Душа твоя не достигнетъ своей истинной родины и ты сама не станешь одно съ истиной.

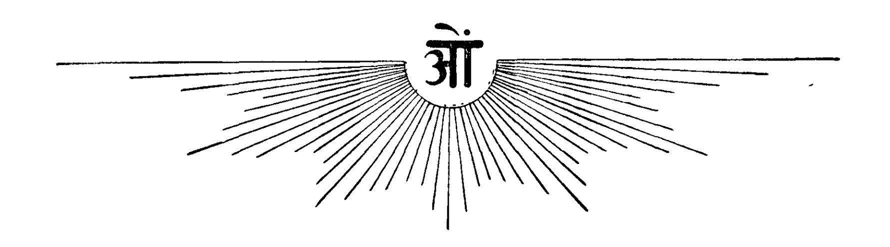
Медленными шагами, какъ въ полуснѣ, женщина подвигалась впередъ съ лицомъ, обращеннымъ туда, гдѣ показался Свѣтъ; сердце ея горѣло тѣмъ мистическимъ восторгомъ, который побѣждаетъ всякій страхъ и своей силой дѣлаетъ возможнымъ вступленіе на тѣсный Путь. Черезъ мгновеніе она была захвачена струями шумящаго водопада и стремглавъ унесена его бурной поверхностью въ самую пасть крутящагося водоворота. Сначала воспоминаніе о видѣнномъ Свѣтѣ окружало ее сверкающими Лучами славы, но по мѣрѣ того, какъ водяной вихрь увлекалъ ее все глубже и глубже въ пучины мрака, передъ которыми ночь показалась бы яркимъ днемъ, мрака, который проникалъ въ самые сокровенные изгибы ея души,—свѣтлое воспоминаніе блѣднѣло все болѣе и болѣе, тогда какъ всѣ мысли сомнѣнія и тоски, когда-либо пережитыя, выплывали со всѣхъ сторонъ, увеличиваясь во сто кратъ въ силѣ и увлекая ее все глубже и глубже, пока она не поняла, что она теперь во власти ада и что наступилъ ея конецъ. Она боролась, какъ боролись до нея тысячи другихъ, и она потерпѣла пораженіе, какъ потерпѣли и они. Очутившись лицомъ къ лицу съ высшимъ предѣломъ отчаянія, она еще разъ услыхала горчайшій изъ всѣхъ приговоровъ—„Пораженіе“ и признала его.

— Я знаю, что потерпѣла пораженіе!—громко воскликнула она.—И все же *есть* Свѣтъ!

И вдругъ—что это? Гдѣ она? Словно по мановенію волшебнаго жезла весь练 мракъ исчезъ и вокругъ нея разстилался цѣлый океанъ свѣта, и красокъ, и звуковъ; сама же она, поддерживаемая Предвѣчными Объятіями, возносилась все выше и выше въ тотъ край, гдѣ, она знала это—не перестанетъ сіять вѣчный Свѣтъ.

Пер. съ англійскаго **В. М.**

Психическое переживаніе Л. Н. Толстого *).

...Четыре дня передъ исчезновеніемъ моего дяди Л. Н. Толстого я имѣла счастье цѣлый часъ бесѣдовать съ нимъ о высшей степени интересныхъ вопросахъ, ради которыхъ я и совершила паломничество въ Ясную Поляну, ибо мнѣ хотѣлось услышать изъ устъ дяди, къ чему онъ пришелъ въ своихъ воззрѣніяхъ на Бога и на безсмертіе души. Было уже поздно, когда я вошла въ его кабинетъ, гдѣ застала его лежащимъ на кушеткѣ и смотрящимъ пристально на полъ. Груда писемъ и бумагъ на столѣ указывала, что онъ только что работалъ, но теперь лежалъ утомленный и отдыхалъ. Я сѣла и сказала о цѣли своего посѣщенія. Послѣ небольшого колебанія дядя согласился на мою просьбу.

„Но,—прибавилъ онъ горячо,—я надѣюсь, что эта бесѣда будетъ послѣдней, потому что я не люблю, чтобы мнѣ мѣшали, когда я обозрѣвалъ мысленно работу своей жизни. Мнѣ нужны для этого уединеніе и покой. Мой другъ Чертковъ приготовилъ мнѣ мѣсто, гдѣ я буду въ состояніи спокойно работать и безъ помѣхъ".

Я спросила его, очень ли ему надоѣдаютъ посѣтители.

„Еще бы!—воскликнулъ онъ.—Всѣ эти люди приходятъ и я долженъ ихъ видѣть и быть съ ними. Къ несчастію они не сознаютъ, что время старика дорого. У меня есть еще многое сказать. Я долженъ это сказать скоро. У меня предчувствіе, что близится большая перемѣна. Я чувствую, нѣтъ, я знаю, что солнце моей жизни быстро закатывается".

Эти слова вызвали у меня вопросъ о предчувствіяхъ.

---

*) Письмо племянницы Л. Н. Толстого къ редактору Чикагской газеты „Tribune", недавно напечатанное въ Америкѣ.

„Да, я вѣрю въ нихъ,—отвѣтилъ онъ серьезно и откровенно.—У меня было достаточно опыта въ этомъ отношеніи. Я убѣжденъ, что нѣкоторые люди развили въ себѣ дополнительное, тонкое чувство, посредствомъ котораго они воспринимаютъ суть вещей. Строго говоря, у меня не было вполнѣ опредѣленныхъ предчувствій; они скорѣй меня посѣщали въ видѣ сновидѣній. Но недавно ихъ важность для меня весьма выяснилась. Экспериментальный ученый можетъ игнорировать факты оккультнаго воспріятія, но я твердо въ нихъ вѣрю и сознательно, ибо я знаю, что эти факты существуютъ.

Два дня тому назадъ у меня было очень убѣдительное переживаніе въ этомъ отношеніи. Я отдыхалъ, какъ сейчасъ, на кушеткѣ, мысленно занятый письмомъ, которое я собирался написать вечеромъ. Вдругъ дверь отворилась и въ кабинетъ мой вошла моя сестра *). Она поклонилась мнѣ и молча подошла ко мнѣ. Я былъ такъ удивленъ, что продолжалъ молча лежать. Она подошла еще ближе. Она взяла мою руку въ свою и нѣжно ее поцѣловала.

Мнѣ показалось страннымъ ея посѣщеніе; она рѣдко у меня бываетъ. Видя мое изумленіе, она улыбнулась, но все молчала. Я чувствовалъ что-то необычайное, оккультное въ ея присутствіи. Взволнованный, я вскочилъ съ кушетки.

— Голубчикъ, Маша, это ты?—вскричалъ я.

Она оставалась неподвижной, какъ каменное изваяніе. Лицо ея было печальное; глаза были полны слезъ.

— Маша,—молилъ я, протягивая къ ней руки.—Скажи мнѣ, ради Бога, что это значитъ?

Но она все молчала. Въ отвѣтъ она мнѣ кивнула головой. Я хотѣлъ обнять ее, но она вдругъ исчезла и въ комнатѣ стало темно. Черезъ нѣсколько минутъ появился свѣтъ и къ моему изумленію я увидѣлъ въ воздухѣ громадныхъ размѣровъ письмо, написанное рукою сестры. Оно походило на движущуюся картину. Сперва я остолбенѣлъ, но затѣмъ я сталъ читать. Она писала, что желаетъ меня видѣть и спрашивала, не могу ли я посѣтить ее въ монастырѣ. Я читалъ и перечитывалъ въ полномъ изумленіи, пока все письмо отъ слова до слова не запечатлѣлось въ моей памяти. Наконецъ, я протянулъ руку, чтобы коснуться письма, но въ эту минуту все исчезло. Я оказался стоящимъ одинъ въ пустой комнатѣ.

---

*) Монахиня Шамардинскаго монастыря Марія Николаевна.

Я съ любопытствомъ оглянулъ свой кабинетъ, но не было видно или слышно ничего необыкновеннаго, раздавалось лишь тиканье часовъ. Я владѣлъ всѣми своими способностями. Я былъ совершенно въ бодрствующемъ сознаніи, какъ и во все время предыдущаго переживанія. Возвращаясь къ своей кушеткѣ, я услышалъ въ воздухѣ слабый трескъ. Затѣмъ снова воцарилось молчаніе. Я понялъ, что у меня было видѣніе.

Ученые будутъ считать меня жертвой галлюцинаціи, но я знаю, что былъ свидѣтелемъ естественнаго явленія. У меня и раньше были подобныя переживанія. И потому я, въ сущности, не былъ особенно пораженъ, хотя мои мысли продолжали быть устремленными на появившуюся мнѣ безплотно сестру. Я легъ спать и глубоко заснулъ. Никому я объ этомъ видѣніи не разсказывалъ.

Но случилось еще нѣчто необычайное: *на слѣдующее утро я получилъ письмо отъ моей сестры Маши. Оно было слово въ слово подобно письму въ моемъ видѣніи.*

Очевидно, видѣніе было предсказаніемъ письма. Могу ли я послѣ этого не вѣрить въ предчувствія? Я твердо вѣрю, что духъ есть основная суть вселенной, а матерія есть лишь аттрибутъ его".

По вопросу о безсмертіи, онъ отвѣчалъ:

„Мнѣ было бы чрезвычайно трудно формулировать точно свое убѣжденіе въ безсмертіи. Вѣра въ безсмертіе не есть вопросъ научнаго познанія, а интуитивнаго чувства. Убѣжденіе это коренится въ эмоціяхъ и мало живетъ въ интеллектѣ. Точно также, какъ мнѣ оказалось невозможнымъ объяснить дикарю аксіомы математики, такъ не могу и я вамъ аргументами доказать безсмертіе. Это каждый долженъ пережить самъ. Одного знанія недостаточно. То, что мы называемъ смертью, есть лишь новое явленіе. Она дезинтегрируетъ организмъ и облекаетъ духъ въ новую форму. Интеллектуальный индивидъ умираетъ со смертью тѣла, но нравственный, метафизическій индивидъ продолжаетъ жить. И само физическое тѣло не умираетъ, только матерія проходитъ черезъ рядъ химическихъ процессовъ, которые вѣчно смѣняютъ другъ друга. Отсюда эволюція расы.

Но помимо этого есть эволюція души, духовнаго Эго, которая совершается путемъ метафизическаго процесса. Символическую картину этого процесса даетъ христіанская религія. И болѣе намъ ничего не нужно въ началѣ. Но только черезъ наше индивидуальное мышленіе и чувствованіе мы достигаемъ конечнаго убѣжденія.

Душа генія есть кульминаціонная точка духовной эволюціи. Послѣ смерти геній долженъ облечься, мнѣ думается, въ сверхчеловѣческую форму, которую намъ даже вообразить себѣ трудно. Въ этомъ высшемъ образѣ онъ можетъ летать между землей и другими небесными тѣлами. Только одинъ разъ въ жизни у меня было видѣніе сверхчеловѣческаго Существа, громадныхъ размѣровъ эфирнаго Аполлона.

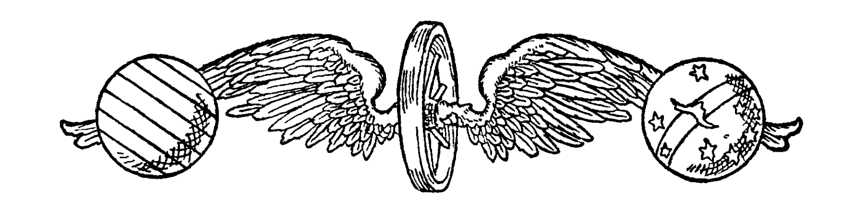
Мое представленіе о безсмертіи не имѣетъ ничего общаго съ золотыми улицами небесъ или съ пламенемъ и муками ада. Я увѣренъ, что буду близь моихъ друзей, послѣ того какъ похоронятъ мое тѣло. Я буду продолжать жить, какъ жилъ и раньше, чѣмъ сталъ графомъ Львомъ Толстымъ".

Мнѣ захотѣлось побывать на бойнѣ съ тѣмъ, чтобы самому глазами увидѣть сущность того дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, когда говорятъ о вегетаріанствѣ. Но все совѣстно было, какъ всегда бываетъ совѣстно смотрѣть на страданія, которыя навѣрное будутъ, но которыхъ ты предотвратить не можешь, и я все откладывалъ.

Но недавно я встрѣтился на дорогѣ съ мясникомъ, который ходилъ домой и теперь возвращался въ Тулу. Онъ еще неискусный мясникъ, а его обязанность—колоть кинжаломъ. Я спросилъ его, не жалко ли ему убивать скотину? И, какъ всегда отвѣчаютъ, онъ отвѣтилъ: „чего же жалѣть? Вѣдь надо же". Но когда я сказалъ ему, что питаніе мясомъ не необходимо, то онъ согласился и тогда согласился, что и жалко; „что же дѣлать, кормиться надо", сказалъ онъ.—„Прежде боялся убивать. Отецъ, тотъ въ жизни курицы не зарѣзалъ". Большинство русскихъ людей не могутъ убивать, жалѣютъ, выражая это чувство словомъ „бояться". Онъ тоже боялся, но пересталъ.

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержаніи).

Гермесъ Трисмегистъ. [1]

Пэмандръ (Ποιμάνδρης) [2]—Пастырь мужей.

Однажды размышлялъ я о существахъ; мысль моя рѣяла въ высотахъ, и всѣ тѣлесныя чувства застыли словно въ тяжеломъ снѣ, послѣдствіи насыщенія, излишествъ или утомленія. Мнѣ почудилось, будто огромное существо, безъ опредѣленныхъ очертаній, по имени звало меня и говорило мнѣ: Что хочешь ты услышать или увидѣть, чему хочешь ты научиться и что узнать? Я сказалъ ему: Кто же ты? Онъ отвѣчалъ: Я Пэмандръ [3]) верховный Разумъ. Я знаю, чего ты хочешь, и я съ тобою повсюду. И я сказалъ: хочу быть свѣдущимъ въ тваряхъ, постигнуть ихъ естество и познать Бога.—„Прими въ свой умъ все, что ты хочешь знать, я научу тебя“, сказалъ онъ. При этихъ словахъ онъ измѣнилъ свой обликъ, и тотчасъ все открылось мнѣ въ одно мгновеніе, и увидѣлъ я зрѣлище неизъяснимое: все претворилось въ нѣжный и пріятный свѣтъ, чарующій взоры. Вслѣдъ затѣмъ опустился, колыхаясь, страшный ужасающій мракъ. Мнѣ привидѣлось, будто мракъ превращается въ какое то невѣдомое естество, влажное и трепетное, издающее, дымясь словно огонь, какой то зловѣщій шумъ. И раздался оттуда безсвязный вопль, какъ-будто голосъ огня. Святое слово снизошло изъ свѣта въ природу [4]), и чистый огонь взметнулся изъ влажной природы къ высотамъ; онъ былъ тонокъ, проницателенъ, и въ то же время дѣятеленъ. И воздухъ, по легкости своей, послѣдовалъ за огнемъ; отъ земли и воды онъ поднялся къ огню и тамъ, какъ-будто, повисъ. Земля и вода пребывали въ смѣшеніи, и нельзя было различить землю съ водою, и поколеблены были онѣ дыханіемъ верховнаго Слова.

И сказалъ мнѣ Пэмандръ: Что означаетъ это видѣніе?—Я научусь этому, отвѣчалъ я. Этотъ свѣтъ, сказалъ онъ, Я, Разумъ, твой Богъ, предтеча влажной природы, изшедшей изъ мрака. Лучезарное Слово, исходящее отъ Разума, сынъ Божій [5]). И что же? молвилъ я.—Узнай: то, что видитъ и слышитъ въ тебѣ, есть Слово Господне; Разумъ же—Богъ Отецъ [6]).—Они не отдѣлимы одинъ отъ другого, ибо единство—ихъ жизнь [7]).—Благодарю тебя, отвѣчалъ я.—Постигни же свѣтъ и познай его.

Говоря такъ, онъ долго глядѣлъ мнѣ въ лицо, и я трепеталъ отъ взора его; и по знаку его, увидалъ я въ умѣ моемъ свѣтъ и его неисчислимыя могущества, произрожденіе безконечнаго міра и приведеніе въ равновѣсіе огня, содержимаго въ рьяной силѣ. Это постигъ я изъ словъ Пэмандра.

И такъ какъ я былъ въ обомлѣніи, онъ прибавилъ: Ты созерцаешь въ умѣ своемъ первичный образъ, предтечу безграничнаго начала. Такъ сказалъ мнѣ Пэмандръ.—Откуда, возразилъ я, явились стихіи природы? Онъ сказалъ мнѣ: По волѣ Бога, Онъ же взявъ Разумъ (Слово) и видя въ немъ строй и красоту, построилъ міръ по этому образцу, со стихіями, исшедшими изъ него же, и зачатками душъ. Разумъ, Богъ мужескій и женскій, Онъ же есть жизнь и свѣтъ, порождаетъ словами другой творческій разумъ, Бога огня и дыханія (πνεῦμα), который образовалъ въ свой чередъ 7 правителей, въ ихъ круги заключилъ чувственный міръ и сталъ имъ править посредствомъ того, что называется рокомъ.

Слово или разумъ Божій устремилось вскорѣ отъ низшихъ стихій къ чистому творчеству природы и примкнуло къ творческой мысли, ибо они одного естества [8]). И низшія, неразумныя стихіи оставлены были въ состояніи простой матеріи. Творческая мысль, соединенная съ разумомъ, охвативъ круги и придавъ имъ быстрое вращеніе, возвратила созданія свои къ себѣ и установила круговоротъ отъ начала къ концу, какъ между двумя недоступными гранями, ибо тамъ, гдѣ все кончается, все начинается вѣчно. И повелѣлъ Разумъ, да произведетъ круговращеніе низшихъ стихій безсловесныхъ животныхъ, лишенныхъ разсудка. Воздухъ понесъ летучихъ, вода же плавающихъ [9]). Земля и вода отдѣлены были одна отъ другой [10]), ибо такъ повелѣлъ Разумъ; и земля извела изъ нѣдръ своихъ содержавшихся тамъ животныхъ, четвероногихъ, пресмыкающихся, звѣрей дикихъ и домашнихъ [11]). Но Разумъ, Отецъ всѣхъ, онъ же есть жизнь и свѣтъ [12]), породилъ человѣка, подобнаго себѣ самому, и возлюбилъ его, какъ собственное дитя. Красотою воспроизводилъ онъ образъ Отца, и Богъ возлюбилъ

воистину Свой собственный образъ и вручилъ ему всѣхъ тварей [13]). Но человѣкъ, размысливъ надъ дѣломъ творенія, захотѣлъ творить въ свою очередь и разлучился съ отцомъ, вступая въ область творчества. Полновластный, онъ задумалъ дѣло сотворенія братьевъ своихъ, и тѣ полюбили его, и каждый изъ нихъ уподоблялъ его своему положенію. Тогда, зная свое естество и участвуя въ ихъ природѣ, захотѣлъ онъ преступить грани круговъ и превзойти могущество, что зиждится на огнѣ.

И этотъ властитель міра и смертныхъ существъ, лишенныхъ разсудка, черезъ гармонію [14]) и могучую преграду круговъ, явилъ низшей природѣ прекрасный образъ Бога. Предъ этой дивной красотою, въ которой всѣ силы семи правленій сочетались съ подобіемъ Бога, природа улыбнулась отъ любви, ибо увидѣла она красоту человѣка въ водѣ и тѣнь его на землѣ. И онъ, замѣтивъ въ водѣ отраженіе своего собственнаго облика, возгорѣлся любовью къ нему и захотѣлъ обладать имъ. Усиліе послѣдовало за желаніемъ и зачата была форма, лишенная разсудка. Природа охватила возлюбленнаго своего и окутала его всего, и соединились они обоюдной любовью. И вотъ почему, одинъ изъ всѣхъ существъ живущихъ на землѣ, человѣкъ двойственъ, смертный тѣломъ, въ своемъ естествѣ же безсмертный; превосходя гармонію міра, онъ рабъ своихъ оковъ; мужескій и женскій, какъ его Отецъ, и превышая сонъ, онъ подъ властью сна [15]).

Чаруетъ меня эта рѣчь, молвилъ тогда мой умъ. А Пэмандръ сказалъ: Вотъ тайна, скрываемая донынѣ. Природа, соединясь съ человѣкомъ, произвела изумительнѣйшее изъ чудесъ. Онъ состоялъ, какъ сказалъ я тебѣ, изъ воздуха и огня, подобно семи начальникамъ гармоніи; природа не остановилась и произвела 7 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, высшаго строя, сообразно семи правителямъ. О Пэмандръ, воскликнулъ я, продолжай, любознаніе мое усугубляется.—Умолкни же, молвилъ Пэмандръ, ибо не кончилъ я мою рѣчь.—Молчу, отвѣчалъ я.

Порожденіе этихъ семи человѣкъ, какъ сказалъ я, произошло такимъ образомъ: земля явила женское естество, вода—произрождающее начало; огонь доставилъ жаръ, воздухъ—дыханіе и природа произвела тѣла человѣческаго вида. Человѣкъ получилъ отъ жизни и свѣта душу и разумъ; душа явилась къ нему отъ жизни, отъ свѣта же разумъ. И всѣ части чувственнаго міра пребывали такъ до полнаго развитія началъ и родовъ. Теперь выслушай остальное, желаемое тобою услышать. И когда періодъ закончился, всемірная связь расторгнута была волею Бога; ибо

всѣ животныя, вначалѣ двуполыя, одновременно съ человѣкомъ, раздѣлились и образовались самцы съ одной стороны и самки съ другой. Тотчасъ же Богъ изрекъ свое святое слово: возрастайте въ произращеніи и умножайтесь въ преумноженіи, вы всѣ, мое дѣяніе и творенья мои [16]); и да знаетъ обладающій разумомъ, что онъ безсмертенъ, и что причина смерти есть любовь къ плоти и да познаетъ онъ всѣ существа.

И при этихъ словахъ Провидѣніе соединило четы, по законамъ необходимымъ и гармоническимъ, и установило произрожденья. И всѣ существа размножились по родамъ, а тотъ, кто позналъ самого себя, пришелъ къ совершенному благу; но тотъ, кто, въ заблужденіи любви, возлюбилъ тѣло, тотъ и остался блуждающимъ во мракѣ, изъ за чувствъ подвластный условіямъ смерти.—Какова же, воскликнулъ я, великая ошибка невѣждъ, что изъ за нея они лишаются безсмертія?—Кажется, отвѣтилъ онъ, не понялъ ты того, что слышалъ; не велѣлъ ли я тебѣ поразмыслить?—Я размышляю, сказалъ я, и вспоминаю, и благодарю тебя.—Если ты обдумалъ, скажи мнѣ, почему пребывающіе въ смерти достойны смерти?—Потому что тѣло наше происходитъ отъ той угрюмой мглы, откуда вышла влажная природа; потому и тѣло построено въ чувственномъ мірѣ, кладезѣ смерти.—Ты понялъ, сказалъ онъ; но почему тотъ, кто размышлялъ надъ собою, идетъ къ Богу, какъ сказано божественнымъ словомъ?—Я возразилъ ему: Потому что изъ жизни и свѣта состоитъ Отецъ всѣхъ вещей [17]), отъ Него же родился человѣкъ.—Благія слова, сказалъ онъ; Богъ и Отецъ, отъ котораго родился человѣкъ,—свѣтъ и жизнь. Если же вѣдомо тебѣ, что произошелъ ты изъ жизни и свѣта и состоишь изъ нихъ—пойдешь ты въ жизнь. Таковы были слова Пэмандра.—Скажи мнѣ еще, о Разумъ, какъ могу я войти въ жизнь, сказалъ я. И отвѣтилъ мой Богъ: Человѣкъ, обладающій разумомъ, да познаетъ себя самого, въ безсмертіи сущаго.—Итакъ, не всѣ люди обладаютъ разумомъ.—Благія слова, сказалъ онъ; подумай, о чемъ говоришь. Я, Разумъ, присутствую у святыхъ, у добрыхъ, у чистыхъ, у милостивыхъ, у благочестивыхъ. Мое могущество въ помощь имъ и тотчасъ познаютъ они всѣ вещи и призываютъ Отца съ любовью, и къ Нему обращаютъ молитвы благословенія и хвалы, Ему подобающія, и прежде даже, нежели покинутъ тѣло свое смерти, ненавидятъ чувства, дѣянія которыхъ имъ вѣдомы; или, вѣрнѣе, я, Разумъ, не допускаю свершаться дѣяньямъ плоти. Словно привратникъ закрываю я входъ дѣяніямъ дурнымъ и постыднымъ, отвращая желанья. Но что касается

безразсудныхъ, порочныхъ и злыхъ, завистливыхъ и корыстныхъ убійцъ и нечестивыхъ, я далекъ отъ нихъ и предаю ихъ демону мстителю, онъ же изливаетъ въ чувство ихъ проницающій огонь, толкаетъ ихъ все больше и больше къ злу, чтобы усугубить ихъ кару и безпрерывно растравляетъ ихъ страсти ненасытными желаньями, питаетъ ихъ невидимый врагъ и живетъ въ нихъ неугасимое пламя.

Ты научилъ меня всему, чего я желалъ, о Разумъ; но просвѣти меня еще въ томъ, какъ совершается восхожденіе. На это Пэмандръ сказалъ: сначала тлѣніе матеріальнаго тѣла предастъ его составныя части превращеніямъ; видимый обликъ становится зримымъ; (личный) нравъ, теряя силу свою, предается демону, чувства возвращаются сообразно къ своимъ источникамъ и расплываются въ силахъ (міра). Страсти и желанья возвращаются въ неразумную природу; остальное возносится черезъ гармонію, покидая въ первой зонѣ (Ζώνη) свойство роста или ущерба; во второй—сноровку зла и уже безсильную хитрость; въ третьей—иллюзію, отнынѣ не властную надъ желаньями, въ четвертой—тщеславіе власти, отнынѣ неудовлетворимое; въ пятой—нечестивую надменность и безразсудное дерзновеніе; въ шестой—привязанность къ богатствамъ, теперь безплодную; въ седьмой—коварную ложь. И, избавленный такимъ образомъ отъ всѣхъ дѣяній гармоніи (міра), онъ является въ восьмую зону, сохраняя лишь свою личную сущность и поетъ съ существами гимны въ честь Отца. Пребывающіе тамъ ликуютъ съ нимъ, а онъ, уподобленный имъ, внемлетъ мелодичному голосу силъ, которыя превосходятъ восьмую природу и воспѣваютъ хвалы Богу. И тогда стройно возносятся они къ Отцу и примыкаютъ къ силамъ и, ставши сами силами, рождаются въ Богѣ. Таково конечное благо для обладающихъ Знаніемъ—стать Богомъ. Чего же ты теперь ожидаешь? Ты научился всему; надлежитъ тебѣ указывать путь людямъ, да спасетъ Богъ черезъ тебя человѣческій родъ.

Сказавши такъ, Пэмандръ примкнулъ къ силамъ.—А я, благословляя Отца всѣхъ вещей и воздавъ ему молитву, воспрянулъ укрѣпленный Имъ, постигнувъ природу вселенной и великое видѣніе. И началъ я проповѣдывать людямъ красоту религіи и Знанія. О народы, земнородные люди, погруженные въ опьяненіе, дрему и невѣдѣніе Бога, стряхните ваши чувственныя оковы, очнитесь отъ вашего оцѣпенія.

Они услышали и собрались вокругъ меня. Я же заговорилъ: почему о земнородные люди, предаетесь вы смерти, когда дозво-

лено вамъ достигнуть безсмертія? Придите въ себя, шествующіе въ заблужденіи, изнывающіе въ невѣдѣніи, бѣгите мрачнаго свѣта, причаститесь безсмертію, отступивъ отъ тлѣна.

И одни, насмѣхаясь, устремлялись на путь смерти; другіе, припадая къ ногамъ моимъ, умоляли ихъ научить. И я, воспрянувъ, сталъ руководителемъ человѣческаго рода, наставлялъ ихъ моими рѣчами на путь спасенія. Я засѣвалъ въ нихъ слова мудрости, и питаемы они были водою амврозіи (безсмертія); когда же насталъ вечеръ, и померкли послѣдніе проблески солнца, я призвалъ ихъ къ молитвѣ. И совершивъ евхаристію (дѣла благочестія), каждый вернулся къ себѣ на ложе. А я начералъ въ себѣ повѣсть благостыни Пэмандра и, обладая предметомъ желаній моихъ, почилъ, исполненный радости. Дремота тѣла произвела проясненіе души, мои сомкнутыя очи лицезрѣли истину, плодотворное молчаніе принесло въ своемъ лонѣ всевышнее благо, изреченныя слова были сѣменами благъ. Вотъ благодать, взысканная мною отъ Разума моего, т. е. отъ Пэмандра, верховнаго ума; такъ черезъ божественное вдохновеніе овладѣлъ я истиной. Вотъ почему всей душою моею и всѣми силами благословляю я божественнаго Отца:

Святъ Богъ, Отецъ всего сущаго, Святъ Богъ, Чья воля совершается Его могуществомъ. Святъ Богъ, восхотѣвшій быть познаннымъ тѣми, что принадлежатъ Ему. Святъ Ты, создавшій бытіе словомъ Твоимъ; Святъ Ты, Чей образъ являетъ природа. Святъ Ты, не сотворенный природою. Святъ Ты и сильнѣе всякой мощи, Святъ Ты и превыше всякаго величія, Святъ Ты и превыше всякой хвалы. Прими чистую, словесную жертву души и сердца, возносящагося къ Тебѣ, о Неизреченный, Неисповѣдимый, Кого познать можетъ одно молчаніе. Не введи меня въ заблужденіе, дай познаніе нашего естества, дай силу, озари милостью Твоею непросвѣщенныхъ братьевъ племени моего, Твоихъ дѣтей. Вѣрую въ Тебя и свидѣтельствую о тебѣ, шествую въ жизни и свѣтѣ. О Отецъ, будь благословенъ; человѣкъ, принадлежащій Тебѣ, волитъ причаститься святынѣ Твоей, по данной Тобою власти [18]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) „Имя Гермеса-Тота обозначаетъ одновременно и человѣка, и касту, и божество. Человѣкъ-Гермесъ есть первый посвятитель Египта; каста—жречество, хранящее оккультныя традиціи; божество—планета Меркурій, уподобляемая вмѣстѣ со своей сферой опредѣленной категоріи духовъ, божественныхъ посвятителей; однимъ словомъ, Гермесъ—представитель сверхземной области небеснаго посвященія. Его называли Гермесомъ Трисмегистомъ или трижды великимъ, ибо видѣли въ немъ царя, законодателя и жреца; онъ олицетворяетъ собою эпоху, когда жречество, судебная власть и царская власть совмѣщались". (См. Эд. Шюре „Вел. Посв.„ II, 101).

Гермесъ. владыка божественныхъ словъ, говоритъ Ямвлихъ, по древнему преданію, присущъ всѣмъ священникамъ; онъ приводитъ къ истинной наукѣ; онъ единъ во всемъ. Потому то предки наши приписывали ему откровенія и произведенія свои выставляли подъ именемъ Гермеса. Оттуда такое обиліе книгъ и рѣчей, приписанныхъ Гермесу; Ямвлихъ говоритъ о 20.000. 42 книги Гермеса, упоминаемыя Климентомъ Александрійскимъ (Stromatum, b. VI, cap. 4), составляли цѣлую священную энциклопедію. По Галену, жрецы писали на колонахъ, безъ имени автора, по одобренію прочихъ; колоннами Гермеса служили столпы и обелиски—первыя книги, до изобрѣтенія папируса. По Яблонскому имя Тота означаетъ колонну.

Дошедшія до насъ на греческомъ языкѣ книги и отрывки. носящіе имя Гермеса, представляютъ единственный памятникъ египетской теософіи; по опредѣленію многихъ ученыхъ они принадлежатъ уже сильно эллинизированному Египту наканунѣ появленія христіанства: иные относятъ происхожденіе ихъ даже ко II—III вв. по Р. Х. Но если эти отрывки книгъ и не принадлежатъ къ 42 священнымъ книгамъ Гермеса, тѣмъ не менѣе они представляютъ нѣкоторый интересъ, какъ выраженіе религіозной мысли древности, если не въ самой прекрасной, то въ послѣдней формѣ.

См. о Гермесѣ и герметической литературѣ: *G. Maspero* Hist. ancienne des peuples de l'Orient P. 1875 I. I. *Vacherot*, Hist. crit. de l'Ecole d'Alexandrie, 3 vls. P. 1846—51; *Pierret*, Dictionnaire d'archéologie égyptienne. *Louis Menard*, Hermes Trizmègiste, Paris, 1867 (переизд. 1910 г.), *Reitzenstein*, Poimandres. Studien. Leipzig. 1904 (имѣются нѣкоторые греческіе тексты подлинника). Полную библіографію переводовъ и изданій гермет. книгъ см. *Migne*. Dictionaire des Apocryphes, P. 1858, II, 257—264. На русскомъ языкѣ имѣется, между прочимъ, прекрасное изслѣдованіе *Б. Тураева*: Богъ Тотъ. Лейпцигъ, 1898, и *А. Н. Веселовскаго*: Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣд. вып. 1, гл. VII, СПБ. 1886 г. (о переживаніяхъ Тота въ христіанской литературѣ)

[2]) Подъ именемъ „Пэмандра„ объединены 14 изъ дошедшихъ до насъ рѣчей Гермеса, хотя это имя принадлежитъ въ сущности только 1-й изъ нихъ; кромѣ нихъ имѣется еще: „Посвятительная рѣчь или Асклепій" (сохранившаяся только въ латинскомъ переводѣ Апулея), 3 отрывка изъ книги „Дѣва Міра" и нѣсколько отрывковъ изъ разговоровъ Гермеса съ Тотомъ и книгъ его къ Аммону. Въ „Пэ-

мандрѣ", помимо египетскихъ ученій и нѣкоторыхъ слѣдовъ халдейскихъ и персидскихъ вѣрованій, имѣется явное сходство съ „Тимеемъ" Платона, 1-й главою кн. Бытія и Евангеліемъ отъ Іоанна.

[3]) Ποιμάνδρης—пастырь мужей. „Господь мой пастырь и ни въ чемъ ущерба не потерплю".

[4]) Сравн. Еванг. отъ Іоанна, I, 5.

[5]) Ibid. I, 1.

[6]) Ibid. I, 9.

[7]) Ibid. I, 2.

[8]) Ibid I, 3.

[9]) *Бытіе.* I, 20.

[10]) Ibid. I, 6.

[11]) Ibid. I, 25.

[12]) Еванг. отъ Іоанна, I, 4.

[13]) *Бытіе,* I, 26—27.

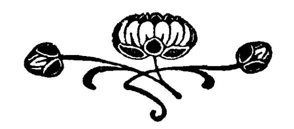
[14]) Слова ἁρμονία, выражающее общую связь вещей, означаетъ здѣсь физическій міръ.

[15]) Здѣсь неясенъ смыслъ текста.

[16]) *Бытіе.* I, 28.

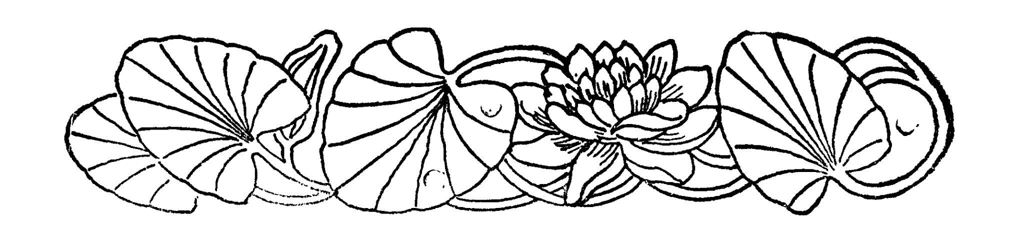
[17]) Еванг. отъ Іоанна, I, 4.

[18]) Ibid. I, 12.

Недавно я разговорился съ солдатомъ, мясникомъ, и опять точно такъ же онъ былъ удивленъ моимъ утвержденіемъ о томъ, что жалко убивать; и, какъ всегда, сказалъ, что это положено; но потомъ согласился: „Особенно, когда смирная, ручная скотина. Идетъ сердешная, вѣритъ тебѣ. Живо жалко".

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержаніи).

У ногъ Учителя.

Дж. Кришнамурти

(Алсіонъ).

Предисловіе.

Книжка эта написана молодымъ Индусомъ, Кришнамурти (Алсіонъ). Онъ пытается возстановить земными словами тѣ указанія, которыя онъ получилъ отъ Учителя на другихъ планахъ бытія. Произведеніе это есть первый даръ Алсіона міру, ибо по всѣмъ признакамъ этому молодому подвижнику суждено сыграть видную роль въ сферѣ совершенной религіозной мысли.

Высказанныя имъ мысли поражаютъ своей непосредственной правдой чистотой и свѣжестью. Форма, въ которую онѣ облекаются, такъ проста и безъискусственна, что порой кажется наивной. Но за этой почти младенческой простотой кроется такая глубина содержанія и такая цѣльность настроенія, что, углубившись въ книжку, уже трудно оторваться отъ нея, и снова хочется къ ней вернуться.

Издавая ее, А. Безантъ говоритъ въ своемъ предисловіи: „Да помогутъ эти мысли другимъ, какъ онѣ помогли Алсіону; съ этой надеждой онъ даетъ ихъ. Но ученіе приноситъ плодъ только тогда, когда оно вполнѣ усвоено и когда оно претворяется въ жизнь. Такое претвореніе есть подготовленіе къ тому часу, когда передъ ученикомъ растворятся великія Врата и онъ вступитъ на Путь“. **Alba.**

Тѣмъ, кто стучится.

От нереальнаго веди меня
къ Реальному!
Отъ тьмы веди меня къ свѣту!
Отъ смерти веди меня къ
Безсмертію!

Введеніе.

Это не мои слова; это слова Учителя, учившаго меня. Безъ Него я ничего не могъ бы сдѣлать; но съ Его помощью я вступилъ на Путь. Ты также желаешь вступить на тотъ же Путь; поэтому Слова, которыя Онъ мнѣ говорилъ, помогутъ и тебѣ, если ты будешь имъ слѣдовать. Не достаточно только говорить, что они справедливы и прекрасны: человѣкъ, желающій идти впередъ, долженъ ихъ внести въ самую жизнь свою. Только глядѣть на пищу и повторять, что она хороша, не сможетъ удовлетворить голоднаго человѣка: онъ долженъ протянуть руку и ѣсть. Также и выслушать слова Учителя недостаточно: надо исполнить то, о чемъ Онъ говоритъ, внимая каждому слову Его, ловя каждый намекъ. Неуловленные слова и намеки утеряны навсегда, потому что Онъ дважды не говоритъ.

Четыре качества необходимы для этого Пути:

Распознаваніе.

Отсутствіе желаній.

Праведное поведеніе.

Любовь.

Я попытаюсь передать, что Учитель мнѣ сказалъ о каждомъ изъ этихъ качествъ.

У ногъ Учителя.

I.

Первое качество Распознаваніе; обыкновенно оно понимается какъ то умѣніе отличать реальное отъ нереальнаго, которое приводитъ человѣка къ Пути. Это такъ, но оно нѣчто и гораздо большее. И необходимо проводить это качество въ жизнь не только при началѣ Пути, но на каждой ступени его, ежедневно, до конца. Ты вступаешь на Путь, когда ты понялъ, что только на немъ обрѣтаются тѣ вещи, которыхъ стоитъ добиваться. Люди, которые этого не знаютъ, трудятся для пріобрѣтеніе богатства и власти; но всего этого хватаетъ едва лишь для одной жизни и поэтому недѣйствительно. Есть нѣчто большее, чѣмъ все это, нѣчто реальное и вѣчное; разъ ты это постигнешь, тебѣ больше не захочется ничего другого.

Во всемъ мірѣ существуютъ только два рода людей:—тѣ, которые знаютъ, и тѣ, которые не знаютъ; знаніе и есть единственно существенное. Къ какой религіи человѣкъ принадлежитъ и къ какому племени,—все это не имѣетъ значенія; единственно, что важно,—это познаніе плана Бога для людей. Ибо у Бога есть предначертанный планъ,—эволюція. Когда человѣкъ это постигъ во всемъ своемъ значеніи, то онъ не можетъ не содѣйствовать испол-

нению его—и не слиться съ нимъ, потому что планъ этотъ исполненъ красоты. Принимая его, ученикъ знаетъ, что онъ на сторонѣ Бога, что онъ помогаетъ добру и противится злу, что онъ работаетъ для эволюціи, а не для удовлетворенія своего эгоизма.

Если онъ на сторонѣ Бога, то совершенно безразлично, называетъ ли онъ себя Браманистомъ или Буддистомъ, Христіаниномъ или Магометаниномъ, Индусомъ или Англичаниномъ, Китайцемъ или Русскимъ. Тѣ, которые на сторонѣ Бога, знаютъ, что имъ надо дѣлать, и они стараются исполнить свою задачу. Всѣ остальные еще не знаютъ, что они должны дѣлать, и поэтому часто они дѣйствуютъ безумно, изыскивая пути для своихъ личныхъ цѣлей, въ погонѣ за наслажденіемъ, не понимая, что всѣ одно—и поэтому только то, что Единый желаетъ, можетъ быть благомъ для всѣхъ. Они идутъ за нереальнымъ, а не за реальнымъ. Пока они не научатся отличать одно отъ другого, они не могутъ стать на сторону Бога. Вотъ почему распознаваніе есть первая ступень.

Но даже тогда, когда выборъ сдѣланъ, ты все еще долженъ помнить, что существуетъ много разновидностей реальнаго и нереальнаго, и надо учиться различать правое отъ неправаго, важное отъ ничтожнаго, полезное отъ безполезнаго, истинное отъ ложнаго, корыстное отъ безкорыстнаго.

Между правымъ и неправымъ должно было бы не трудно выбирать, такъ какъ желающіе слѣдовать за Учителемъ рѣшили поступать праведно, чего бы это имъ ни стоило. Но человѣкъ и его тѣло—двое, и воля человѣка не всегда совпадаетъ съ желаніемъ его тѣла. Когда твое тѣло желаетъ чего-нибудь, остановись и подумай, дѣйствительно ли желаешь этого ты. Потому что ты—Богъ *) и ты желаешь только то, чего желаетъ Богъ; но ты долженъ глубоко погрузиться въ глубину себя, чтобы найти въ себѣ сокровеннаго Бога, который и есть твой голосъ **). Не принимай свои тѣла за себя—ни физическое, ни астральное, ни ментальное. Каждое изъ нихъ старается внушить человѣку, что оно его Божественное Я, для того, чтобы получить желанное. Но ты долженъ ихъ знать всѣ и чувствовать себя ихъ хозяиномъ.

Когда есть работа, которую необходимо исполнить, физическое тѣло желаетъ отдыхать, или гулять, или ѣсть, пить. И человѣкъ, въ невѣдѣніи, говоритъ себѣ: „Я желаю это и сдѣлаю“. Но мудрый человѣкъ говоритъ: „Желающій—*не* я, пусть оно немного пообождетъ“. Часто, когда есть возможность помочь кому-либо, физическое тѣло думаетъ: „Сколько труда мнѣ это будетъ стоить, пусть кто-либо другой это сдѣлаетъ“. Но человѣкъ отвѣчаетъ своему тѣлу: „Ты не помѣшаешь мнѣ исполнить доброе дѣло“.

*) Т. е. ваше Высшее Я божественно.

**) Т. е. голосъ истиннаго вашего Я.

Физическое тѣло — наше животное—конь, на которомъ мы ѣздимъ. Поэтому, мы должны хорошо съ нимъ обращаться и заботиться объ немъ. Мы не должны его переутомлять, мы должны хорошо питать его чистой пищей, всегда содержать его въ строгой чистотѣ, оберегая отъ всякой грязи. Ибо, безъ совершенно чистаго и здороваго тѣла, нельзя исполнить сложный, напряженный трудъ подготовленія, нельзя вынести его безпрерывное напряженіе. Ты долженъ всегда управлять своимъ тѣломъ, а не оно тобою.

Астральное тѣло имѣетъ *свои* желанія—десятки желаній. Оно желаетъ, чтобы ты сердился, произносилъ злыя слова, ревновалъ, былъ алченъ къ деньгамъ, завидовалъ чужому богатству, предавался унынію. Все это оно хочетъ и многое еще другое. Хочетъ оно это не изъ желанія тебѣ вреда, а изъ любви къ страстнымъ вибраціямъ, изъ любви къ безпрестанной ихъ смѣнѣ. Но ты самъ ничего этого не желаешь и потому ты долженъ умѣть распознавать *свои* желанія и желанія своего тѣла.

Твое ментальное тѣло желаетъ мыслить себя горделиво, обособленно, думаетъ много о себѣ и мало о другихъ. Даже тогда, когда ты отвлекъ его отъ житейскихъ благъ, оно все же пытается печься о себѣ, заставляя тебя думать о своемъ собственномъ развитіи, вмѣсто того, чтобы думать о работѣ Учителя и о помощи другимъ. Когда ты отдаешься медитаціи, оно силится заставить тебя думать о всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ предметахъ, о которыхъ мечтаетъ, вмѣсто того именно, о чемъ *ты* желаешь размышлять. Не ты этотъ умъ, но онъ твое орудіе. Поэтому необходимо умѣніе распознавать. Ты долженъ непрестанно быть на стражѣ, иначе ты падешь.

Оккультизмъ не знаетъ компромисса между добромъ и зломъ. Чего бы это ни стоило, ты долженъ служить правдѣ и не долженъ служить неправдѣ, что́ бы ни думалъ или ни говорилъ о тебѣ невѣжда. Тебѣ слѣдуетъ глубоко изучать скрытые законы природы, и когда ты познаешь ихъ, то сообразуй съ ними свою жизнь, руководясь всегда разумомъ и здравымъ разсудкомъ.

Ты долженъ умѣть отличать важное отъ ничтожнаго. Тамъ, гдѣ дѣло касается правды и неправды, будь крѣпокъ какъ скала, но уступай всегда другимъ въ вещахъ, не имѣющихъ значенія. Ибо ты долженъ всегда быть ласковымъ и добрымъ, благоразумнымъ и уступчивымъ, предоставляя другимъ такую же полную свободу, которую ты требуешь себѣ.

Старайся постигнуть, надъ чѣмъ стоитъ потрудиться, и помни, что не по размѣрамъ вещи слѣдуетъ судить объ ея значеніи. Мелочь, которая сейчасъ можетъ быть полезной для работы Учителя, болѣе важна, чѣмъ большое дѣло, которое міръ назвалъ бы прекраснымъ. Ты не только долженъ отличать полезное отъ безполезнаго, но и распознавать болѣе полезное отъ менѣе по-

лезнаго. Накормить нищихъ—хорошее, полезное и благородное дѣло, но напитать ихъ души болѣе благородно и полезно, чѣмъ насытить ихъ физическія тѣла. Всякій богатый человѣкъ можетъ напитать тѣло, но только знающій можетъ напоить душу. Если ты знаешь, то твой долгъ помочь другимъ въ познаніи.

Какимъ бы мудрецомъ ты ни былъ, на этомъ Пути ты долженъ еще многому научиться; столь многому, что и здѣсь должно быть умѣнье распознавать, и ты долженъ внимательно обдумать, чему именно стоитъ научиться. Всякое знаніе полезно, и когда-нибудь ты будешь обладать полнымъ знаніемъ; но пока можешь обрѣсти только часть знанія, старайся обрѣсти самую важную часть его. Богъ есть столько же мудрость, сколько и любовь; и чѣмъ больше въ тебѣ мудрости, тѣмъ больше ты можешь проявить Его. Поэтому учись сперва тому, что больше всего тебѣ поможетъ всѣмъ помогать. Терпѣливо трудись, не для того, чтобы люди считали тебя мудрымъ, даже не для того, чтобы ты могъ имѣть счастье *быть* мудрымъ, но только потому, что мудрый человѣкъ можетъ дать мудрую помощь. Сколько бы ты ни желалъ помочь, ты принесешь больше вреда, чѣмъ пользы, пока ты полонъ невѣдѣнія.

Ты долженъ отличать правду отъ лжи, ты долженъ научиться быть правдивымъ вполнѣ, въ мысляхъ, въ словахъ и дѣлахъ.

Сперва въ мысляхъ; это не легко, потому что въ мірѣ много лживыхъ мыслей, много нелѣпыхъ суевѣрій, и кто ихъ рабъ, тотъ не можетъ итти впередъ. И потому ты не долженъ стоять за мысль только потому, что многіе такъ думаютъ, или такъ думали въ теченіе вѣковъ, или потому, что такъ написано въ какой-либо книгѣ, которую люди считаютъ священной; ты самъ долженъ продумать эту мысль и самъ рѣшить, насколько она разумна. Помни, что хотя бы тысячи людей единогласно думали о какомъ-либо вопросѣ, ихъ мнѣніе не имѣетъ цѣны, если они не имѣютъ понятія о данномъ предметѣ. Желающій вступить на Путь долженъ научиться самъ думать, ибо суевѣріе—одно изъ самыхъ большихъ золъ на свѣтѣ, одна изъ оковъ, отъ которыхъ тебѣ необходимо совершенно освободиться.

Твоя мысль о другихъ должна быть правдива; ты не долженъ о нихъ думать то, чего ты не знаешь. Не воображай, что они всегда заняты тобою. Если кто-либо сдѣлаетъ что-либо, что тебѣ покажется вреднымъ, или скажетъ что-либо такое, что ты принялъ на свой счетъ, не думай сейчасъ: „Онъ хотѣлъ обидѣть меня“. По всей вѣроятности онъ совсѣмъ о тебѣ и не помышлялъ, потому что каждая душа имѣетъ свои собственныя заботы и ея мысли, главнымъ образомъ, вращаются вокругъ собственнаго своего я. Если человѣкъ гнѣвно говоритъ съ тобой, не думай: „Онъ ненавидитъ меня, онъ желаетъ меня

оскорбить". Вѣроятно, кто-либо или что-либо разсердило его и, такъ какъ ты попался ему на пути, онъ гнѣвъ свой изливаетъ на тебѣ. Онъ дѣйствуетъ безразсудно, ибо всякій гнѣвъ безразсуденъ, но это не даетъ тебѣ права несправедливо думать объ немъ.

Когда ты станешь ученикомъ Учителя, ты всегда можешь провѣрить истинность своей мысли, сравнивая ее съ Его мыслью. Ибо ученикъ единъ со своимъ Учителемъ и ему стоитъ слить свою мысль съ мыслью Учителя, чтобы сразу увидѣть, гармонируетъ ли она съ нею. Если она не гармонируетъ съ мыслью Учителя, это значитъ, что она не вѣрна, и онъ мгновенно ее мѣняетъ, такъ какъ мысль Учителя совершенна, ибо Онъ знаетъ все. Тѣ, которые еще не приняты Имъ, не могутъ этого дѣлать. Но они могутъ себѣ помочь тѣмъ, что будутъ часто пріостанавливаться, спрашивая себя: „Чтó бы подумалъ Учитель объ этомъ? Чтó бы сказалъ или сдѣлалъ Учитель при этихъ обстоятельствахъ?" Ибо ты никогда не долженъ думать, дѣлать или говорить то, чего бы не могъ сдѣлать, подумать или сказать, по твоему мнѣнію, Учитель.

Ты долженъ быть также правдивымъ въ словахъ—точнымъ и безъ преувеличеній. Никогда не приписывай какихъ-либо мотивовъ другому человѣку; только Учитель знаетъ его мысли и онъ, можетъ быть, дѣйствуетъ по причинамъ, неприходившимъ тебѣ совсѣмъ на умъ. Если ты слышишь сплетни о комъ нибудь, не повторяй ихъ; это можетъ быть неправда, но если это даже и правда, то лучше промолчать. Всегда обдумывай свои слова прежде, чѣмъ начинать говорить, чтобы не впасть въ неточность.

Будь правдивымъ въ своихъ поступкахъ. Никогда не представляйся инымъ, чѣмъ ты есть, ибо всякая неправда есть препятствіе для чистаго свѣта правды; свѣтъ правды долженъ свѣтить черезъ тебя, какъ свѣтится солнечный лучъ сквозь прозрачное стекло.

Ты долженъ умѣть отличать корыстное отъ безкорыстнаго. Ибо эгоизмъ имѣетъ много видовъ, и когда вамъ кажется, что вы, наконецъ, уничтожили его, онъ возстаетъ въ новой формѣ во всей своей прежней силѣ. Но постепенно ты такъ будешь исполненъ мыслью о другихъ, что не будетъ ни мѣста, ни времени для мысли о себѣ.

И еще въ иномъ смыслѣ долженъ ты научиться распознавать. Научись познавать Бога въ каждомъ человѣкѣ и во всемъ, какъ бы онъ или оно ни казалось съ виду дурнымъ. Ты можешь помочь своему брату тѣмъ, что ты имѣешь общаго съ нимъ—Божественной Жизнью; научись пробуждать ее въ немъ, научись взывать къ ней; такъ спасешь ты брата своего отъ грѣха.

II.

Многимъ кажется труднымъ достичь отсутствія желаній, потому что они чувствуютъ, что они сами и

суть свои желанія, что если ихъ личныя желанія, то, что имъ нравится и не нравится—отнимается у нихъ, то не остается больше и ихъ „я“. Но такъ думаютъ лишь тѣ, которые еще не видѣли Учителя; въ свѣтѣ Его Святаго Присутствія всѣ желанія потухаютъ, кромѣ одного желанія—быть подобнымъ Ему. Но и ранѣе, чѣмъ ты будешь имѣть счастье встрѣтиться съ Нимъ лицомъ къ лицу, ты можешь достигнуть отсутствія желаній. Духъ распознаванія тебѣ уже показалъ, что то, чего желаетъ большая часть людей — богатство и власть — не имѣютъ цѣны; когда эту истину вполнѣ постигнешь, не только на словахъ, но и въ дѣйствительности, всѣ подобныя желанія исчезнутъ.

Все это очень просто; ты долженъ это постичь. Но иногда люди отказываются отъ погони за земными благами только для того, чтобы заслужить небо, или для того, чтобы достигнуть освобожденія отъ необходимости новыхъ перевоплощеній; ты не долженъ впадать въ эту ошибку. Если ты дѣйствительно забылъ о себѣ, то ты не можешь думать о своемъ спасеніи или объ небесномъ блаженствѣ. Помни, что всякое эгоистическое желаніе связываетъ, какъ бы возвышенъ ни былъ предметъ вожделѣнія, и пока ты не освободишься отъ этого чувства, ты еще не свободенъ вполнѣ и не можешь посвятить себя беззавѣтно работѣ Учителя.

Когда исчезнутъ всѣ себялюбивыя желанія, можетъ еще остаться желаніе видѣть результатъ своей работы. Если ты помогъ кому-нибудь, тебѣ захочется, можетъ быть, *видѣть*, насколько ты ему помогъ; можетъ быть тебѣ даже захочется, чтобы и онъ это видѣлъ и былъ тебѣ благодаренъ. Но все это еще желанія и недостатокъ вѣры. Если ты изливаешь свою силу на помощь другимъ, то, конечно, будетъ и результатъ, видишь ли ты его или нѣтъ; если ты знаешь законъ, то ты знаешь, что это такъ должно быть. И потому ты долженъ творить добро ради добра, а не съ надеждой на награду; ты долженъ работать ради работы, а не для того, чтобы видѣть ея результатъ; ты долженъ отдаться служенію міра, потому что ты любишь міръ и не можешь не отдаться дѣлу служенія.

Не желай пріобрѣсти психическія силы; онѣ придутъ къ тебѣ сами, когда Учитель увидитъ, что тебѣ пора ихъ имѣть. Слишкомъ раннее появленіе ихъ часто приноситъ много осложненій; часто обладатель ихъ дѣлается игрушкой лукавыхъ духовъ природы, или исполняется самомнѣнія и начинаетъ думать, что не можетъ дѣлать ошибокъ; во всякомъ случаѣ, время и силы, употребленныя на пріобрѣтеніе ихъ, могутъ быть употреблены на полезную работу на благо всѣмъ. Онѣ придутъ сами собой съ теченіемъ развитія—онѣ *должны* притти; и если Учитель увидитъ, что тебѣ полезно ихъ имѣть раньше, то Онъ самъ скажетъ тебѣ, какъ развить ихъ безопасно. А до тѣхъ поръ, онѣ тебѣ не нужны.

Ты также долженъ остерегаться нѣкоторыхъ мелкихъ желаній повседневной жизни.

Никогда не желай блистать или казаться умнымъ, не имѣй желаній говорить. Лучше говорить мало; еще лучше ничего не говорить, если ты не совсѣмъ увѣренъ, что то, что ты хочешь сказать, исполнено правды, доброты и можетъ принести пользу. Раньше, чѣмъ говорить, обдумай хорошенько, обладаетъ ли этими тремя свойствами то, что ты хочешь сказать, и, если нѣтъ, то лучше не говори.

Хорошо привыкать всегда тщательно обдумывать свои слова; потому что, когда ты достигаешь Посвященія, ты долженъ будешь обдумывать каждое слово свое, чтобы не сказать того, что ты не имѣешь права сказать. Большая часть обыкновенныхъ разговоровъ совершенно безполезны и нелѣпы; когда разговоръ сводится на сплетни, онъ становится грѣшнымъ. Привыкай-же болѣе слушать, чѣмъ самому говорить; не высказывай своего мнѣнія, если тебя не спрашиваютъ. Одно изъ правилъ гласитъ такъ: знать, дерзать, хотѣть и молчать; и послѣднее—самое трудное.

Еще одно желаніе долженъ ты въ себѣ сдерживать—это желаніе вмѣшиваться въ дѣла другихъ людей. Тебѣ нѣтъ дѣла до того, что другой человѣкъ дѣлаетъ, говоритъ, или во что онъ вѣруетъ—и ты долженъ научиться оставлять его совершенно въ покоѣ. Онъ имѣетъ полное право свободно говорить, думать и дѣйствовать, пока онъ не задѣваетъ другихъ. Ты самъ требуешь себѣ свободы дѣлать то, что тебѣ кажется правильнымъ; ту-же свободу ты долженъ предоставить и ему, и когда онъ ею пользуется, ты не имѣешь права осуждать его.

Если тебѣ кажется, что онъ неправильно поступаетъ, и ты имѣешь удобный случай наединѣ и очень вѣжливо объяснить ему, почему ты такъ думаешь, то возможно, что ты его убѣдишь; но много есть случаевъ, гдѣ даже и это было бы неподходящимъ вмѣшательствомъ. Ни подъ какимъ видомъ ты не долженъ говорить объ этомъ съ третьимъ лицомъ, потому что это былъ бы чрезвычайно дурной поступокъ.

Если ты увидишь жестокое обращеніе съ ребенкомъ или животнымъ, то твой долгъ вступиться. Если тебѣ поручено заботиться о другомъ лицѣ и руководить имъ, тогда станетъ твоимъ долгомъ ласково сказать ему объ его ошибкахъ. Но, за исключеніемъ этихъ случаевъ, знай всегда только свое дѣло и учись добродѣтели молчанія.

III.

Необходимыя качества для праведнаго поведенія даны Учителемъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Самообладаніе умственное и душевное.

2. Самообладаніе въ сферѣ поступковъ.

3. Терпимость.

4. Радостность.
5. Сосредоточенность.
6. Довѣріе.

(Я знаю, что нѣкоторыя изъ нихъ часто переводятся иначе, также какъ и названія необходимыхъ качествъ; но во всякомъ случаѣ я употребляю тѣ названія, которыя Самъ Учитель употреблялъ, когда объяснялъ ихъ мнѣ.

1. Самообладаніе умственное и душевное. Отсутствіе желаній приводитъ къ господству надъ астральнымъ и надъ ментальнымъ тѣломъ. Это означаетъ полное господство надъ своимъ настроеніемъ, такъ, чтобы гнѣвъ или нетерпѣніе стали невозможными; чтобы мысль была всегда спокойной и безмятежной; и чтобы вслѣдствіе душевнаго самообладанія и нервы были настолько въ нашихъ рукахъ, чтобы они утеряли свою раздражительность. Это трудно, потому что при подготовленіи къ Пути невольно физическое тѣло становится болѣе чувствительнымъ, и нервы легко потрясаются всякимъ шумомъ и неожиданнымъ звукомъ, и интенсивнѣе воспринимаютъ всѣ впечатлѣнія; но слѣдуетъ сдѣлать все, что отъ насъ зависитъ.

Спокойный умъ указываетъ на мужество, которое даетъ способность безстрашно встрѣчаться съ трудностями и испытаніями на Пути; такое спокойствіе указываетъ на стойкость, которая даетъ силу твердо переживать жизненныя невзгоды и стряхивать съ себя тѣ непрестанныя заботы и тревоги о мелочахъ, надъ которыми многіе теряютъ бóльшую часть своего времени. Учитель учитъ, что внѣшнія событія не имѣютъ значенія; болѣзни, потери—все это должно казаться ничтожнымъ ученику и не должно нарушать мира души его. Все это послѣдствія его прошлыхъ дѣйствій и, когда они являются, то слѣдуетъ ихъ переносить бодро, помня, что всякое зло преходяще, и что нашъ долгъ оставаться всегда радостными и свѣтлыми. Эти результаты рождены вашими предыдущими жизнями, а не настоящей; ихъ нельзя измѣнить, поэтому совершенно безполезно объ нихъ печалиться. Лучше подумать о томъ, что мы теперь совершаемъ, что можетъ повліять на событія будущей жизни,—потому что это мы можемъ измѣнить.

Никогда не допускай въ себѣ чувства печали или унынія. Уныніе—чувство дурное, потому что оно заражаетъ другихъ людей и омрачаетъ ихъ жизнь, а вы не имѣете права этого дѣлать. И потому, когда это чувство налетаетъ на тебя, то отгони его сразу.

Ты долженъ постоянно контролировать мысль и не позволять ей разсѣиваться. Чтó бы ты ни дѣлалъ, сосредоточься мысленно на дѣлѣ своемъ, чтобы работа твоя была сдѣлана въ совершенствѣ; не допускай, чтобы умъ твой оставался празднымъ, всегда храни въ глубинѣ души свѣтлыя мысли, готовыя всегда выявиться, когда умъ свободенъ.

Употребляй силу мысли ежедневно для какихъ-нибудь добрыхъ цѣлей, будь одной изъ силъ, двигающихъ

эволюцію. Думай всякій день о комъ-нибудь, кто страдаетъ,—скорбитъ или нуждается въ помощи, и излей на него свою мысль любви.

Воздерживайся отъ гордости и гордыхъ думъ, ибо гордость происходитъ отъ невѣжества. Человѣкъ лишенный знанія воображаетъ, что онъ великъ, что онъ сдѣлалъ то или другое великое дѣло; мудрый же человѣкъ знаетъ, что только Богъ великъ, что все хорошее совершается только Богомъ.

2. Самообладаніе въ сферѣ поступковъ. Если твоя мысль такова, какою она должна быть, тебѣ не будутъ трудны поступки. Однако, помни, что если ты хочешь быть полезнымъ человѣчеству, то мысль должна проявляться въ поступкахъ. Въ тебѣ не должно быть лѣни, а постоянное дѣланіе добрыхъ дѣлъ. Но ты долженъ исполнять свой *собственный* долгъ,—а не долгъ другого человѣка, если онъ не даетъ тебѣ разрѣшенія помочь ему. Предоставь каждому исполнять свое дѣло, какъ онъ того желаетъ; будь всегда готовъ помочь въ случаѣ нужды, но *никогда* не вмѣшивайся въ чужое дѣло. Для многихъ очень трудно научиться заниматься только своимъ дѣломъ, не вмѣшиваясь въ другія дѣла, но это необходимо.

Ты не долженъ забывать своихъ обыденныхъ обязанностей, когда избираешь себѣ болѣе высокій трудъ, ибо пока ты ихъ не исполнилъ, ты не свободенъ для другого служенія. Тебѣ не надо брать на себя новыхъ мірскихъ обязанностей, но тѣ, которыя ты уже принялъ на себя, ты долженъ исполнить въ совершенствѣ, ибо это прямыя и благоразумныя обязанности, которыя ты самъ признаешь, а не вымышленныя обязанности, которыя другіе желаютъ тебѣ навязать. Если ты стремишься стать Его ученикомъ, то ты долженъ исполнять свою обыкновенную работу лучше, чѣмъ другіе, не хуже, чѣмъ они; ибо и это ты долженъ исполнять во имя Его.

3. Терпимость. Ты долженъ чувствовать полнѣйшую терпимость ко всѣмъ и глубокое уваженіе къ вѣрованіямъ людей другихъ религій, совершенно такое же уваженіе, какъ къ своей собственной религіи. Потому что ихъ религія есть тотъ же путь ко Всевышнему, какъ и твоя. Для того, чтобы всѣмъ помочь, ты долженъ всѣхъ понять.

Для того, чтобы пріобрѣсти совершенную терпимость, ты долженъ сперва самъ освободиться отъ ханжества и суевѣрія. Ты долженъ познать, что обряды несущественны, иначе ты станешь мнить себя лучше тѣхъ, которые ихъ не исполняютъ. Но ты также не долженъ осуждать тѣхъ, которые ихъ еще придерживаются. Предоставь имъ дѣлать такъ, какъ они хотятъ; и они не должны мѣшать тебѣ, познавшему истину, дѣлать по своему; они не могутъ навязывать тебѣ того, что ты уже переросъ. Широко смотри на все, будь открытъ душою для всего.

Теперь, когда очи твои отверсты, нѣкоторые изъ твоихъ прежнихъ

вѣрованій и обрядовъ могутъ показаться тебѣ нелѣпыми. Однако, если ты пересталъ въ нихъ участвовать, относись къ нимъ все же съ уваженіемъ, ради тѣхъ душъ, для которыхъ они еще нужны. Они имѣютъ свое мѣсто и свое значеніе; они подобны тѣмъ двойнымъ линейкамъ, по которымъ ты учился писать въ дѣтствѣ; ровно и правильно вырисовывались буквы между ними, пока ты не научился свободнѣе и лучше писать безъ нихъ. Было время, когда онѣ были тебѣ необходимы, но теперь время это прошло.

Одинъ изъ великихъ Учителей какъ то сказалъ: „Когда я былъ младенцемъ, я по-младенчески говорилъ, по-младенчески мыслилъ, по-младенчески разсуждалъ, а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое". Но тотъ, кто позабылъ свое дѣтство или утерялъ сочувствіе къ дѣтямъ, не можетъ учить ихъ или помогать имъ. Поэтому, смотри на всѣхъ снисходительно, ласково, терпимо; и будь равно другомъ всѣмъ, и Буддисту, и Индусу, и Яину, и Еврею, и Христіанину, и Магометанину.

4. Радостность. Ты долженъ бодро нести свою карму, какова бы она ни была, принимая всякое страданіе за честь, потому что эти страданія показываютъ, что Владыки кармы находятъ тебя достойнымъ помощи. Какъ бы они ни были тяжелы, будь благодаренъ, что они не болѣе тяжелы. Помни, что ты не можешь служить Учителю, пока ты не погасишь свою дурную карму и не станешь свободнымъ. Посвящая себя Ему, ты этимъ просилъ объ ускореніи своей кармы и тебѣ предстоитъ въ теченіе одной или двухъ жизней погасить то, что могло бы распространиться на сотню жизней. Но для того, чтобы использовать урокъ кармы, ты долженъ нести ее радостно и бодро.

Ты долженъ отказаться отъ всякаго желанія обладанія. Карма можетъ отнять у тебя то, что для тебя дороже всего—даже людей, горячо любимыхъ. Но и тогда ты долженъ быть радостно-готовымъ разстаться съ тѣмъ, что у тебя отнимается. Часто Учителю нужно пролить свою Силу въ міръ черезъ своего слугу; но Онъ не можетъ этого сдѣлать, если слуга его предается скорби. Поэтому радостность должна быть правиломъ ученика.

5. Сосредоточенность. Ты долженъ поставить передъ собой одну цѣль: исполненіе работы Учителя. Какое бы дѣло ни выпало на твою долю, этого ты никогда не долженъ забывать. Но ничто иное и *не можетъ* выпасть на твою долю, потому что всякая не личная, безкорыстная работа и есть работа Учителя, и ты долженъ ее исполнить во имя Его. Все твое вниманіе должно быть направлено на каждую частицу твоего дѣла по мѣрѣ того, какъ ты совершаешь его, такъ чтобы работа твоя была возможно совершеннѣе. Учитель сказалъ: „Что бы ты ни дѣлалъ, дѣлай отъ всего сердца, какъ бы ты дѣлалъ для Бога, а не для людей". Предположи, какъ бы ты исполнялъ какую-нибудь работу, если бы ты

зналъ, что сейчасъ придетъ Учитель и взглянетъ на нее; именно такъ ты долженъ исполнять всякую свою работу. Тѣ, кто много знаютъ, лучше другихъ поймутъ, что этотъ стихъ означаетъ. Есть и другой, еще древнѣе: „Что́ бы твоя рука ни творила, твори отъ всей силы, отъ всей мощи твоей".

Сосредоточенность также означаетъ, что ничто никогда не сможетъ отвлечь тебя, даже на минуту, отъ Пути, на который ты вступилъ. Никакія искушенія, никакія мірскія удовольствія, даже никакія мірскія увлеченія чувства не должны отвлекать тебя. Ибо ты самъ долженъ слиться съ Путемъ; онъ долженъ стать какъ бы твоей природой, и ты долженъ слѣдовать по немъ не размышляя, зная, что уйти съ Пути для тебя невозможно. Твоя Монада рѣшила такъ; отказаться отъ Пути значило бы отказаться отъ самого себя.

6. *Довѣріе.* Ты долженъ имѣть полное довѣріе къ Учителю; ты долженъ имѣть довѣріе и къ самому себѣ. Если ты видѣлъ Учителя, то ты отдашься Ему безъ колебанія навсегда, черезъ всѣ жизни и смерти. Если ты еще не видѣлъ Его, ты все же долженъ попытаться постичь Его и довѣриться Ему, иначе даже Онъ не будетъ въ состояніи помочь тебѣ. Если нѣтъ полнаго довѣрія, не можетъ быть полнаго изліянія любви и силы на тебя.

Ты долженъ вѣрить себѣ. Ты говоришь, что ты слишкомъ хорошо себя знаешь? Если ты такъ думаешь, то ты не знаешь себя; ты знаешь лишь слабую, внѣшнюю оболочку, которая часто падала въ тину. Но ты—истинное ты—ты искра огня Самого Бога, Всемогущій Богъ въ тебѣ, и потому нѣтъ ничего, что̀ бы ты не могъ совершить, если бы ты захотѣлъ. Скажи себѣ: „То, что человѣкъ совершилъ, человѣкъ можетъ совершить. Я—человѣкъ, а также и Богъ въ человѣкѣ; я хочу совершить это и я совершу", ибо воля твоя должна быть подобна застывшей стали, если ты хочешь вступить на Путь.

IV.

Изъ всѣхъ необходимыхъ качествъ Любовь самое важное, потому что, если она достаточно сильна въ человѣкѣ, то она заставитъ его пріобрѣсти всѣ остальныя качества; всѣ же остальныя качества безъ нея недостаточны. Часто Любовь понимаютъ какъ сильное желаніе освободиться отъ круга рожденій и смертей, чтобы слиться съ Богомъ. Но такое пониманіе носитъ характеръ эгоистичный и освѣщаетъ вопросъ лишь частично. Любовь не есть желаніе, а *воля*, рѣшительность; рѣшимость столь сильная, что она должна поглотить все существо твое и не можетъ оставаться мѣста ни для какого иного чувства. Воистину это—воля слиться съ Богомъ, слиться, но не для того, чтобы избѣгнуть усталости и страданій, а для того, чтобы силою своей глубокой любви

къ Нему быть въ состоянiи поступать созвучно съ Нимъ, по Волѣ Его. Ибо Онъ — Любовь. Если ты хочешь слиться съ Нимъ, то ты долженъ быть исполненъ полнѣйшимъ безкорыстiемъ и Любовью.

Въ повседневной жизни это приводитъ къ двумъ вещамъ: во-первыхъ, къ большой осторожности, чтобы не нанести боли какому-нибудь живому существу; во-вторыхъ, къ готовности всегда помочь и потому быть на стражѣ, чтобы не упустить такого случая.

Во-первыхъ не причинять боли. Существуютъ три грѣха, приносящiе больше всего вреда на землѣ— осужденiе, жестокость и суевѣрiе— это грѣхи противъ Любви. Человѣкъ, желающiй преисполниться Любовью къ Богу, долженъ быть непрестанно на стражѣ, чтобы не впасть въ одинъ изъ этихъ грѣховъ.

Посмотри, что дѣлаетъ осужденiе. Оно начинаетъ съ дурной мысли, и это уже есть преступленiе. Ибо во всякомъ существѣ есть нѣчто хорошее; во всякомъ существѣ есть и дурное. Мы можемъ усилить и то, и другое, помышляя о немъ, и такимъ образомъ мы можемъ помочь или помѣшать эволюцiи; мы можемъ исполнить волю Логоса или можемъ противиться Ему. Если ты останавливаешься мыслью на чемъ-либо дурномъ въ человѣкѣ, то ты одновременно творишь три дурныя вещи:

1. Ты наполняешь атмосферу не хорошими, а дурными мыслями, и такимъ образомъ ты увеличиваешь скорбь мiра.

2. Если въ человѣкѣ есть то зло, которое ты въ немъ предполагаешь, то ты усиливаешь и питаешь его; и такимъ образомъ ты дѣлаешь своего брата худшимъ, вмѣсто того, чтобы помочь ему сдѣлаться лучшимъ. Но, чаще всего, въ немъ нѣтъ того зла, которое ты вообразилъ себѣ; и въ такомъ случаѣ твоя злая мысль является соблазномъ для твоего брата, и, если онъ еще несовершененъ, то ты можешь сдѣлать его такимъ, какимъ ты мыслилъ его.

3. Ты наполняешь свой собственный умъ дурными мыслями, а не хорошими; такимъ образомъ ты задерживаешь свой собственный ростъ и дѣлаешь себя некрасивымъ и непривлекательнымъ для тѣхъ, которые могутъ видѣть. Но и всего этого зла, сдѣланнаго себѣ и твоей жертвѣ, недостаточно для осуждающаго; онъ стремится всѣми силами втянуть другихъ людей въ грѣхъ и сдѣлать ихъ участниками своего преступленiя. Онъ спѣшитъ разсказать имъ свои мысли, надѣясь, что они повѣрятъ ему; и присоединившiеся къ нему люди съ нимъ вмѣстѣ изливаютъ свои злыя мысли на бѣднаго страдальца. И это продолжается изо дня въ день и совершается не однимъ только человѣкомъ, а тысячами. Начинаешь-ли ты понимать, какъ низокъ, какъ ужасенъ этотъ грѣхъ? Ты долженъ его тщательно избѣгать. Никогда не говори дурно ни о комъ; отказывайся слушать, если кто другой говоритъ дурно о комъ-нибудь; скажи ему кротко: „можетъ быть это неправда, а если даже это и

такъ, то милосерднѣе не говорить объ этомъ.“

Перейдемъ къ жестокости. Она двояка: преднамѣренная и невольная. Преднамѣренная жестокость имѣетъ цѣлью причинить боль, страданіе другому живому существу; это величайшій грѣхъ—скорѣе дѣло діавола, чѣмъ человѣка. Ты можетъ быть скажешь, что ни одинъ человѣкъ не сдѣлаетъ этого; но люди не разъ такъ поступали и теперь такъ же поступаютъ. Инквизиторы и многіе религіозные люди были жестоки во имя своей вѣры. Вивисекторы практикуютъ жестокость; многіе школьные учителя бываютъ жестоки. Всѣ эти люди стараются извинить свою жестокость, ссылаясь на обычай; но преступленіе не перестаетъ быть преступленіемъ только потому, что многіе его совершаютъ. Карма не считается съ обычаемъ; а карма жестокости—самая ужасная изо всѣхъ. Во всякомъ случаѣ въ Индіи не можетъ быть оправданія подобнымъ обычаямъ, такъ какъ въ Индіи всегда былъ извѣстенъ долгъ не наносить никому намѣренно страданій. Судьба жестокихъ должна постигнуть также всѣхъ, кто идетъ намѣренно убивать Божьи твари, называя это „спортомъ“.

Я знаю, что подобныхъ вещей ты не можешь дѣлать; и ты будешь во имя Любви къ Богу, при случаѣ, всегда протестовать противъ нихъ. Но есть и жестокость слова, не только жестокость дѣйствій; человѣкъ, говорящій съ намѣреніемъ оскорбить другого, совершаетъ такое-же преступленіе. Ты не желаешь этого, но иногда необдуманное слово причиняетъ такую же боль, какъ и злое; потому ты долженъ быть на сторожѣ, чтобы нечаянно не совершить жестокости.

Обыкновенно жестокость происходитъ отъ необдуманности. Человѣкъ такъ преисполненъ жадности и скупости, что онъ даже и не думаетъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя онъ причиняетъ другимъ, платя имъ слишкомъ мало, или заставляя изнемогать отъ голода свою жену и дѣтей. Другой думаетъ только объ удовлетвореніи своей чувственности, и не спрашиваетъ себя, сколько душъ и сколько тѣлъ онъ загубилъ, удовлетворяя своимъ страстямъ. Чтобы избавить себя отъ нѣсколькихъ лишнихъ минутъ труда, человѣкъ иногда не расплачивается со своими рабочими въ назначенный день, не помышляя о всѣхъ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ имъ причиняетъ. Сколько страданій причиняется по легкомыслію—по неумѣнію подумать о томъ, какъ отзовется поступокъ на другихъ. Но Карма никогда не забываетъ; она не обращаетъ вниманія на то, что люди забываютъ. Если ты желаешь вступить на Путь, ты долженъ думать о послѣдствіяхъ того, что ты дѣлаешь, иначе ты будешь виновенъ въ необдуманной жестокости.

Суевѣріе также великое зло, оно причиняло много страшной жестокости. Человѣкъ, рабъ суевѣрія, презираетъ болѣе мудрыхъ и старается заставить ихъ поступать такъ

же, какъ и онъ. Подумай только объ ужасной рѣзнѣ животныхъ, творящейся изъ-за суевѣрія, что животныя должны быть приносимы въ жертву. Или о томъ еще большемъ суевѣріи, что человѣку необходима мясная пища. Подумай о томъ злѣ, которое суевѣріе породило по отношенію къ угнетеннымъ классамъ нашей возлюбленной Индіи, и ты увидишь, сколько безпощадной жестокости причинило это дурное свойство, и ввело въ грѣхъ даже тѣхъ, которые знаютъ долгъ братства. Много преступленій совершено людьми во имя Бога Любви, подъ вліяніемъ кошмара суевѣрія; и потому будь на стражѣ, чтобы ни малѣйшаго слѣда отъ него не оставалось въ тебѣ.

Ты долженъ избѣгать этихъ трехъ великихъ преступленій, ибо они играютъ роковую роль по отношенію къ движенію впередъ, они грѣшатъ противъ Любви. Но ты не только долженъ избѣгать зла, но ты долженъ быть дѣятельнымъ въ добрѣ. Ты долженъ быть настолько преисполненъ страстнымъ желаніемъ служенія, что ты всегда долженъ быть на стражѣ, чтобы быть готовымъ помочь, и не только человѣку, но также и животнымъ и растеніямъ. Ты долженъ ежедневно оказывать услуги хотя бы въ маломъ, для того, чтобы это вошло въ привычку, и ты не пропустилъ бы рѣдкаго случая, когда встрѣтится что-либо великое. Ибо, если ты стремишься слиться съ Богомъ, то это не ради себя, а только для того, чтобы быть проводникомъ, черезъ который Его Любовь могла бы изливаться на братьевъ твоихъ.

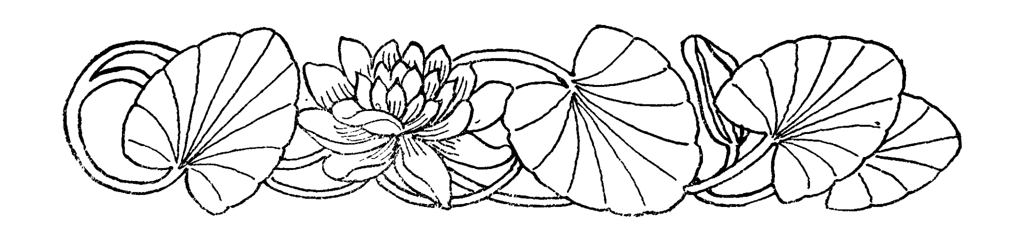
Тотъ, кто на Пути—существуетъ не для себя, а для другихъ; онъ отрекся отъ себя, чтобы служить всѣмъ. Онъ—перо въ руцѣ Бога, посредствомъ котораго мысль Бога можетъ изливаться и находить себѣ выраженіе на землѣ; безъ пера она не могла бы вылиться. И въ то же время—онъ живое пламя огня, озаряющее міръ Божественной Любовью, которая наполняетъ его сердце.

Мудрость, дающая силу помогать, воля, направляющая мудрость, любовь, которая есть источникъ вдохновенія воли—таковы должны быть твои качества. Воля, Мудрость и Любовь суть три аспекта Логоса; и ты, желающій посвятить себя служенію Ему, долженъ являть ихъ міру.

Ученикъ . . . .
Въ ожиданіи Словъ Учителя,
Въ ожиданіи Сокровеннаго Свѣта,
Внимаетъ Его завѣтамъ.
Средь пламеннаго боя,
И среди суеты и толпы
Онъ ловитъ малѣйшій Его знакъ.
И тихій Его голосъ онъ слышитъ
Среди громкихъ пѣсенъ земли.

Алсіонъ.

Пер. **А. К—ръ.**

Обозрѣніе Теософической литературы.

„Adyar-Bulletin“ даетъ интересную статью Ч. Ледбитера объ одеждѣ. Авторъ протестуетъ противъ безобразнаго мужского Европейскаго платья, неудобнаго, некрасиваго и нездороваго, такъ такъ темный цвѣтъ его скрываетъ отъ глаза накопившуюся пыль. Платье должно спадать свободными складками съ плечъ; оно должно быть свѣтлое, лучше всего блѣдно-голубое или бѣлое. Оно должно быть сшито изъ бумажной или шелковой матеріи, которую можно легко мыть и чистить. Фактъ, что въ Европѣ принятъ такой вредный и некрасивый типъ одежды, указываетъ, что на Западѣ утеряны настоящія знанія. Съ точки зрѣнія оккультной, темныя и въ особенности шерстяныя ткани являются наименѣе желательными. Зонтики, шляпы и обувь совершенно лишній балластъ. Единственно допустимы легкія сандаліи на босую ногу. Башмаки и чулки вредны, мѣшая свободному дыханію ногъ*). Зонтики и шляпы мѣшаютъ благодѣтельному соприкосновенію тѣла съ солнечными лучами. Голова имѣетъ естественную защиту отъ жары въ волосахъ и не нуждается ни въ чемъ иномъ. Шляпы вызываютъ головныя боли и неясность мысли. Ч. Ледбитеръ призываетъ къ опрощенію въ одеждѣ, хотя бы лѣтомъ, и особенно проситъ обратить вниманіе на естественную красоту свѣтлой, легкой одежды; безобразіе онъ считаетъ грѣхомъ противъ всѣхъ, кто долженъ видѣть непріятный цвѣтъ и некрасивый покрой. Авторъ радуется, что въ Адіарѣ по крайней мѣрѣ бросили обувь, шляпы и зонтики, и носятъ свободную легкую одежду красивыхъ цвѣтовъ.

Д. М. Коддѣ даетъ очеркъ „Видѣніе“. Мелкій чиновникъ, затертый жизнью и душевно неудовлетворенный, имѣетъ видѣніе

*) Если нельзя обойтись безъ башмаковъ, то слѣдуетъ хоть дома ихъ замѣнять всегда сандаліями.

небесной красоты, которое называетъ себя его именемъ. Онъ объясняетъ ему, что оно есть его истинное Я, которое познаетъ и радуется въ другихъ мірахъ въ то время, какъ онъ скорбитъ и изнемогаетъ на землѣ; черезъ страданіе мы идемъ къ Свѣту и цѣною великихъ испытаній мы обрѣтаемъ ту силу любви и мудрости, которая приноситъ съ собой возрожденіе.

Пасхальный № Американскаго Вѣстника „Teosophie Messenger“ очень содержательный.

В. Г. даетъ очеркъ о Красотѣ, которую опредѣляетъ какъ проводникъ Божьей славы. Черезъ красоту Господь проявляетъ Себя и нѣжно поднимаетъ насъ къ Себѣ.

С. Шудемагенъ начинаетъ рядъ статей, посвященныхъ легендѣ о Св. Гравлѣ. Авторъ считаетъ, что эта легенда не столько принадлежитъ той или иной опредѣленной странѣ или народу, сколько всему рыцарству вообще. Ея мѣсторожденіе и авторъ неизвѣстны, но она распространилась по всему міру. Авторъ намѣревается проштудировать всѣ извѣстныя темы, романы и легенды, въ которыхъ играетъ роль чаша Св. Грааля.

С. Палмеръ сообщаетъ о недавно состоявшемся Конгрессѣ религій въ Аллагабадѣ, въ Индіи. Предсѣдательствовалъ магараджа Дарбата. Конгрессъ начался молитвой, произнесенной на санскритскомъ языкѣ Индусомъ, и молитвой, прочитанной христіанскимъ священникомъ. Въ концѣ Конгресса была пропѣта мусульманская молитва на арабскомъ языкѣ.

Нотой Конгресса было братство религій и человѣчества. Въ своей вступительной рѣчи прекрасно прозвучало у Президента Конгресса, назвавшаго Бога: Единымъ, Великимъ Отцомъ всего человѣчества, а народы земли—Его дѣтьми. „Чѣмъ болѣе мы будемъ углубляться въ религіи другихъ народовъ, тѣмъ болѣе будемъ чувствовать свою духовную, живую связь со всѣми своими братьями, тѣмъ глубже будемъ понимать основное единство всѣхъ религіозныхъ ученій на Востокѣ и на Западѣ“.

На Конгрессѣ были представителя брахманизма, буддизма, персійзма, ислама, христіанства, бэаизма и многихъ сектъ. Отъ имени Теософическаго Общества говорилъ Индусъ Бхагаванъ Дасъ*). Этотъ Конгрессъ былъ проникнутъ духомъ Теософіи и является знаменемъ времени.

С. Жинарадажаса даетъ очеркъ о космическихъ планахъ, останавливаясь на значеніи и могуществѣ Эфира. О величіи этихъ

*) Авторъ „Науки Эмоцій“ и „Науки мира“.

сферъ говорятъ намъ посланники небесные; такимъ посланникомъ былъ Бетховенъ.

Маленькая статья С. Унгера посвящена Я. Бэме и его алхимическимъ работамъ. Авторъ указываетъ на мистическое значеніе этихъ трудовъ, которые въ свое время совершенно не были поняты.

„Lotus bleu“ (Revue Théosophique) даетъ продолженіе „Новой Психологіи и Теософіи“ А. Безантъ и интересный очеркъ М. Коллинсъ: „Какъ были написаны „Идилія Бѣлаго Лотоса“ и „Свѣтъ на Пути“.

М. Коллинсъ разсказываетъ, что она жила въ Лондонѣ на берегу р. Темзы, когда на набережную былъ принесенъ знаменитый Обелискъ Клеопатры. Его установили какъ разъ противъ ея оконъ. Всматриваясь въ колонку, она ясно увидѣла Египетскую голову съ лицомъ, полнымъ страстной энергіи. Иногда глаза закрывались и лицо принимало тогда выраженіе полнаго безстрастія и покоя. Эту голову видѣла только М. Коллинсъ и она скоро поняла, что имѣетъ дѣло съ явленіемъ психическаго характера. Въ то время она была занята писаніемъ романа и совершенно не думала о древнемъ Египтѣ. Обыкновенно она сидѣла за столомъ и быстро писала; напротивъ нее сидѣла ея сестра — художница и рисовала. Однажды, во время работы, дверь тихо отворилась и въ комнату вошла длинная процессія египетскихъ жрецовъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Они стали полукругомъ вокругъ нея. М. Коллинсъ быстро взглянула на сестру, убѣдилась, что та не видитъ необычайныхъ посѣтителей и, будучи очень занята романомъ, сдѣлала усиліе и продолжала работу. Это видѣніе стало повторяться изо дня въ день и она такъ привыкла къ нему, что не обращала уже на него вниманія, продолжая писать свой романъ. Но однажды она впала въ безсознательное состояніе и, когда пришла въ себя, то оказалось, что она писала не романъ, а какую то неизвѣстную ей поэму изъ древняго Египта. Сестра, наблюдавшая за нею, замѣтила, что она была мертвенно блѣдна и писала съ закрытыми глазами. Съ большимъ удивленіемъ прочитала она сама то, что написала. Это были прологъ и I глава „Идиліи бѣлаго Лотоса“. Такимъ образомъ были написаны всѣ первыя 7 главъ и каждый разъ М. Коллинсъ читала написанное съ такимъ интересомъ, какъ будто это было сочиненіе неизвѣстнаго ей автора. Послѣ VII главы, видѣніе исчезло и болѣе не появлялось. Автору очень хотѣлось, чтобы жрецы вновь явились, такъ какъ повѣсть неожиданно обрывалась на VII главѣ, но видѣніе болѣе не возоб-

новлялось и М. Коллинсъ напечатала его какъ „Отрывокъ, найденный въ пирамидѣ“, съ примѣчаніемъ: „Къ сожалѣнію папирусъ здѣсь кончается“. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1885 г., послѣ тяжкой болѣзни, внезапно авторъ имѣлъ еще разъ видѣніе и на этотъ разъ повѣсть была закончена.

„Свѣтъ на Пути“ былъ написанъ совершенно инымъ путемъ. Изложенныя въ немъ поученія М. Коллинсъ получала ночью, на другихъ планахъ. Утромъ она по памяти возстанавливала то, что читала ночью въ „Храмѣ познанія“.

Нѣмецкій журналъ „Theosophie“ даетъ статью Анеръ-Дрездена „Самопознаніе“, въ которой авторъ пытается объяснить страданіе, какъ важный этапъ на эволюціонномъ пути. Для восхожденія на высшую ступень духовной жизни человѣкъ долженъ научиться распознавать реальное отъ нереальнаго, вѣчное отъ временнаго; затѣмъ онъ долженъ перестать желать и требовать отъ жизни; наконецъ онъ долженъ обрѣсти миръ, который завоевывается: 1) контролемъ мысли, 2) самообладаніемъ, 3) отреченіемъ, 4) собранностью, 5) увѣренностью, 6) единствомъ воли и мышленія. Безъ мира человѣкъ не можетъ обрѣсти самосознаніе и потому онъ долженъ сперва научиться владѣть своими мыслями, которыя вносятъ тревогу и непостоянство въ душевную жизнь. Человѣкъ долженъ научиться думать только о томъ, что онъ хочетъ. Самообладанія человѣкъ достигаетъ тогда, когда овладѣваетъ своими внѣшними чувствами и своими душевными впечатлѣніями. Отреченіе достигается исполненіемъ долга. Когда человѣкъ научился исполнять свой долгъ при всѣхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ научился уроку отреченія. Собранность является съ побѣдой надъ эгоизмомъ; когда человѣкъ перестаетъ желать личнаго удовлетворенія, онъ дѣлается безстрастнымъ и уравновѣшеннымъ. Увѣренность въ божественности вашего высшаго Я даетъ довѣріе къ себѣ и спокойствіе, а также терпѣніе. Достиженіе всѣхъ этихъ важныхъ свойствъ ведетъ къ сліянію воли и мысли, къ установленію полной гармоніи между словомъ и дѣломъ. Человѣкъ, достигшій такого сліянія, больше ничего не боится, ибо онъ обрѣлъ духовную свободу.

Идетъ серія статей А. Безантъ „Братство религій“.

Въ отдѣлѣ художественномъ дается легенда о св. Францискѣ Ассизкомъ. Однажды зимой святой отправился съ молодымъ братомъ въ путь. Морозъ былъ такой сильный, что было трудно говорить. Вдругъ св. Францискъ крикнулъ своему спутнику:

„Запомни это, братъ Лео: если бы мы оказались примѣромъ святости для всего міра, то все же мы бы не знали еще совершенной радости“. Лео не отвѣчалъ и они пошли дальше. Черезъ нѣкоторое время святой сказалъ: „Братъ Лео, если бы мы могли возвращать зрѣніе слѣпымъ и слухъ глухимъ, если бы могли исцѣлять прокаженныхъ и хромыхъ, и бѣсовъ изгонять, и воскрешать мертвыхъ, замѣть: мы бы все же не знали совершенной радости“. Нѣсколько позже, святой снова заговорилъ: „Братъ Лео, овечка Божья; если бы мы могли бесѣдовать съ ангелами и знали все о движеніи созвѣздій, и о томъ какъ растетъ трава, и гдѣ зарыты сокровища въ землѣ, если бы мы все знали о свойствахъ птицъ, рыбъ, деревьевъ, водъ, цвѣтовъ и человѣка, то все же, помни это: мы бы все же еще не знали совершенной радости“. Еще черезъ нѣкоторое время святой воскликнулъ: „Братъ Лео, если бы мы умѣли такъ говорить, что обратили бы всѣхъ невѣрующихъ въ вѣрующихъ, то замѣть: мы все же не знали бы еще совершенной радости“. Тогда Лео удивился и сказалъ: „Отче, въ чемъ же состоитъ совершенная радость?“. Св. Францискъ отвѣтилъ: „Если мы, исполненные холодомъ и голодомъ, постучимъ въ монастырь Портинкула и попросимъ ночлега, а насъ не узнаетъ привратникъ, прогонитъ, выбранитъ и даже побьетъ за надоѣдливыя просьбы, и если мы, братъ Лео, все это вынесемъ терпѣливо и радостно, тогда, запомни это: мы обрѣли совершенную радость. Ибо, братъ Лео, не такъ важны дары Св. Духа, посылаемые намъ Христомъ, какъ побѣда надъ самимъ собою, какъ сила во имя Христа терпѣливо принять всѣ испытанія. Дары намъ посылаются свыше, намъ нечего ими гордиться, но мы можемъ гордиться крестными страданіями, которыя научились нести радостно“.

При журналѣ приложеніе „Изслѣдованія астрологіи“; въ первомъ № идетъ статья: „Тайна 12 домовъ“, т. е. знаковъ Зодіака.

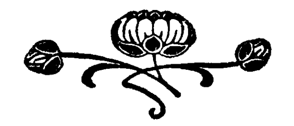
Шотландскій органъ „Theosophy in Scotland“ даетъ статью „Бэаизмъ“, въ которой авторъ даетъ историческій очеркъ движенія, а затѣмъ описываетъ свои личныя впечатлѣнія отъ Аббасъ-Эффенди, сына Бэа-Улла, духовнаго вождя бэаистовъ, котораго онъ встрѣтилъ въ Египтѣ. „Аббасъ-Эффенди 65 лѣтъ, онъ средняго роста, но имѣетъ видъ величественный; у него длинная бѣлоснѣжная борода и свѣтлые сѣро-голубые глаза, высокій лобъ и нѣжный и въ то же время могучій голосъ. Онъ одѣвается въ бѣлыя одежды и носитъ бѣлую чалму. Сразу чувствуется въ немъ выдающаяся индивидуальность и глубокая духовность. Онъ олицетво-

ряетъ собою идеальную красоту духа..." Авторъ отмѣчаетъ стремленіе къ единенію и призывъ къ любви, которыя звучатъ въ новой религіи Востока, и приходитъ къ заключенію, что это движеніе, идущее на встрѣчу Теософическому движенію, имѣетъ очевидно великую миссію. Интересно, что общины бэаистовъ объединяютъ мусульманъ, буддистовъ, индусовъ, евреевъ, парсовъ и христіанъ, которые не бросаютъ своей религіи, но углубляются въ нее подъ вліяніемъ бэаизма.

Статья Д. Крауфорда отмѣчаетъ крупное явленіе въ современной философіи въ лицѣ Г. Бергсона. Французскій философъ, какъ извѣстно, призываетъ къ горизонтамъ, оставляющимъ далеко за собой сферу логическаго мышленія и діалектики. Онъ зоветъ насъ къ откровеніямъ интуиціи, къ самой жизни духа.

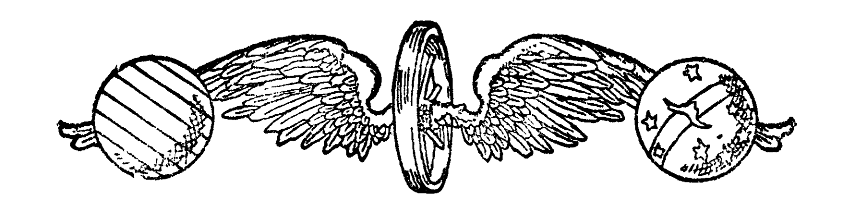
„Path" даетъ въ своемъ пасхальномъ № мало извѣстный портретъ Е. П. Блаватской. Въ журналѣ рядъ краткихъ, но интересныхъ очерковъ объ исламѣ, о философіи Китайцевъ, объ Оккультизмѣ.

Alba.

Мы шли разъ изъ Москвы, и по дорогѣ насъ повезли ломовые извозчики, ѣхавшіе изъ Серпухова въ рощу къ купцу за дровами. Былъ чистый четвергъ. Я ѣхалъ на передней телѣгѣ съ извозчикомъ, сильнымъ, краснымъ, грубымъ, очевидно сильно пьющимъ мужикомъ. Въѣзжая въ одну деревню, мы увидали, что изъ крайняго двора тащили откормленную, голую, розовую свинью бить. Она визжала отчаяннымъ голосомъ, похожимъ на человѣческій крикъ. Какъ разъ въ то время, какъ мы проѣзжали мимо, свинью стали рѣзать. Одинъ изъ людей полоснулъ ее по горлу ножомъ. Она завизжала еще громче и пронзительнѣй, вырвалась и побѣжала прочь, обливаясь кровью. Я близорукъ и не видалъ всего подробно, я видѣлъ только розовое, какъ человѣческое, тѣло свиньи и слышалъ отчаянный визгъ; но извозчикъ видѣлъ всѣ подробности и, не отрывая глазъ, смотрѣлъ туда. Свинью поймали, повалили и стали дорѣзывать. Когда визгъ ея затихъ, извозчикъ тяжело вздохнулъ. „Ужели жъ за это отвѣчать не будутъ?" проговорилъ онъ.

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержаніи).

Хроника Теософическаго движенія.

═ 5 мая н. с., Президентъ Международнаго Теософическаго Общества, А. Безантъ, пріѣхала въ Лондонъ и 8 мая (25 апрѣля с. с.) предсѣдательствовала на праздникѣ Бѣлаго Лотоса.

Въ теченіе мая А. Безантъ объѣзжала Шотландію и посѣтила: Оксфордъ, Манчестеръ, Ливерпуль и Фолкстонъ.

Въ іюнѣ ею былъ прочитанъ рядъ публичныхъ лекцій по воскреснымъ днямъ, на темы: Важныя физическія перемѣны, Развитіе міровой религіи, Пришествіе мірового Учителя, Соціальная проблема, Религіозныя проблемы.

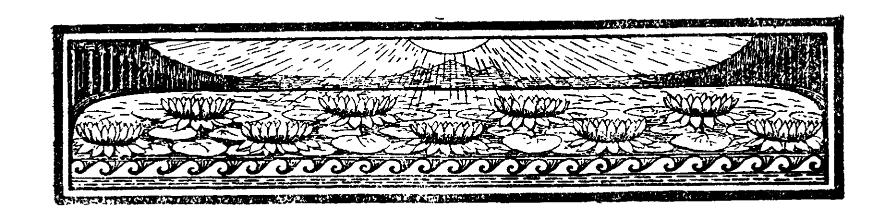
Кромѣ того для членовъ Теософическаго Общества была прочитана серія лекцій по вопросу міровой эволюціи.

Въ іюнѣ А. Безантъ посѣтила Парижъ и пробыла тамъ 3 дня.

═ Въ Англіи въ августѣ открываются третьи лѣтніе курсы Теософіи (Theocophical Suunner School) по инициціативѣ Института имени Е. Блаватской, въ мѣстечкѣ Гэль.

═ Федерація Юго-Восточныхъ теософическихъ центровъ во Франціи собиралась дважды; возникъ вопросъ о ежегодныхъ, національныхъ съѣздахъ для объединенія всѣхъ теософическихъ центровъ во Франціи.

═ Представитель новой секціи Теософическаго Общества— Швейцарской, г-жа Е. Стефани, даетъ въ „Bulletin Théosophique“ отчетъ о работѣ этого года. Теософическое движеніе замѣтно выросло. Лекціи привлекаютъ много народа. Курсы для начинающихъ, длившіеся съ ноября по Пасху, были отмѣчены все возрастающимъ числомъ слушателей. День Бѣлаго Лотоса завершилъ, какъ и во всѣхъ секціяхъ и обществахъ, теософическій годъ, но помѣщеніе общества, библіотека и читальня продолжаютъ еще быть открытыми для публики. Повидимому, идеи Теософіи встрѣчаютъ вспаханную почву на родинѣ Кальвина и Ж. Ж. Руссо.

Хроника жизни.

Весною (въ концѣ марта) умеръ въ Вильнѣ художникъ и музыкантъ Чурлянисъ, литвинъ по происхожденію. Въ 1909 г. Чурлянисъ участвовалъ въ двухъ серьезныхъ и передовыхъ выставкахъ „Союза русскихъ художниковъ“ и „Салона“ и привлекъ общее вниманіе оригинальностью своей художественной физіономіи. А. Ростиславовъ въ своей замѣткѣ о немъ говоритъ, что въ такихъ музыкальныхъ вещахъ, какъ „Andante“ и „Allegro“ на выставкѣ „Салонъ“, было какое-то непридуманное, неподдѣльное созвучіе музыки и живописи. Много толковъ и споровъ вызвала его появившаяся на выставкѣ „Союза“ большая картина „Rex“, гдѣ непосредственная гармоничность красочныхъ сочетаній такъ сливалась съ красотой композиціи и сложной, неподдающейся разсказу, но подлинной символикой. Прелестна была на прошлогодней выставкѣ „Союза“ одна изъ его фантазій „Рай“ съ бѣлыми ангелами, дѣтьми, цвѣтами и безконечными ступенями лѣстницы кверху. Послѣднимъ же произведеніемъ была мрачная картина „Всадникъ“ на недавней выставкѣ „Міръ искусства“. Картины и эскизы Чурляниса часто несовершенны по своему рисунку и не поражаютъ блескомъ и оригинальностью красочныхъ сочетаній современной живописи, говоритъ Ростиславовъ, но въ нихъ есть своя особенная гармоничность красокъ и удивительное богатство фантазіи. Своебразный оттѣнокъ мрачности и тоски вноситъ особенную ноту въ его картины и чѣмъ-то приближаютъ его къ тоже недавно умершему художнику М. Врубелю. Умеръ Чурлянисъ, какъ и Врубель, психически больнымъ. Нужно скорбѣть о потерѣ этого художника, съ особымъ дарованіемъ котораго мы только что познакомились.

═ Постановленіемъ Московской палаты рѣшено уничтожить 16, 19 и 20 томы XII изданія сочиненій гр. Л. Н. Толстого.

═ Германію принято считать главной опорой матеріализма, но въ ней въ послѣднее время замѣчается сильная реакція. Среди вожа-

ковъ новаго движенія особенно выдѣляется Фридрихъ Вильгельмъ Ферстеръ. Сынъ извѣстнаго астронома, онъ воспитывался при полномъ отсутствіи какихъ-либо религіозныхъ вліяній. Окончивъ университетъ, Ферстеръ почувствовалъ, что его воспитаніе было слишкомъ отвлеченно и безъ всякой связи съ реальной жизнью. Тогда онъ весь ушелъ въ изученіе соціальныхъ вопросовъ, но—постепенно онъ убѣждался въ нравственныхъ и духовныхъ недостаткахъ соціалистическаго движенія; онъ постигъ, что для того, чтобы поднять человѣчество, необходимо еще нѣчто иное, чѣмъ усовершенствованіе матеріальныхъ условій жизни, и что привести людской родъ къ полному благополучію можетъ только внутренняя эволюція каждаго отдѣльнаго человѣка. Тогда онъ посвятилъ себя изслѣдованію вопросовъ этики и воспитанія, но, чѣмъ дольше онъ занимался задачей воспитанія характера, тѣмъ больше онъ приходилъ къ тому заключенію, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ помощи еще чего-то высшаго—безъ помощи религіи. За послѣдніе годы Ферстеръ все рѣшительнѣе становился на опредѣленно-христіанскую точку зрѣнія; теперь онъ читаетъ лекціи о вопросахъ философіи въ цюрихскомъ университетѣ. Его аудиторія, гдѣ онъ излагаетъ основныя задачи жизни, переполнена всегда студентами и студентками. Старыя истины, выцвѣтшія и поблекшія отъ вѣчнаго повторенія, пріобрѣтаютъ новую жизнь въ томъ новомъ освѣщеніи, въ которомъ онъ умѣетъ ихъ представить.

= Выходитъ въ русскомъ переводѣ (изданіе „Общ. Польза") книга Дастра „Жизнь и смерть", разсматривающая вопросы о жизни и смерти съ точки зрѣнія науки и философіи. Дастръ доказываетъ, что смерть не всегда существовала, что она появилась въ геологическія времена. Старость по Дастру болѣзнь, отъ которой человѣчество когда-нибудь должно освободиться. (Переводъ и предисловіе Б. Бычковскаго).

= Въ большой аудиторіи Соляного городка А. А. Каменская прочла лекцію на тему „Вопросы воспитанія въ связи съ самовоспитаніемъ".

Психо-физическія заболѣванія, нервность, безволіе, уныніе, громадный процентъ самоубійствъ, отсутствіе трудоспособности, полная атрофія чувства долга, нравственное неразвитіе, боязнь страданія и жизни—вотъ картины фактовъ современной личной и общественной жизни. Причину душевной болѣзни лекторъ видитъ въ пренебреженіи культуры высшихъ способностей души ребенка и отсутствіи всякаго воспитанія воли и чувства у дѣтей. По мнѣнію матеріалистовъ, корень болѣзни во внѣшнихъ условіяхъ. Но развѣ формы жизни съ ихъ улучшеніемъ способны возродить духъ, возражаетъ лекторша, полагая единымъ средствомъ исцѣленія свободную работу души надъ своимъ усо-

вершенствованіемъ и самовоспитаніе. Отсюда вытекаетъ прежде всего самовоспитаніе педагоговъ, чтобы послужить образцомъ для подражанія со стороны дѣтей и чтобы пробудить въ нихъ волю къ сознательной работѣ надъ собою. Ужасъ современной жизни заключается въ совершенной оторванности отъ религіи.

Задача педагога пробудить въ дѣтяхъ религіозное сознаніе того, что каждый человѣкъ есть часть божественнаго Духа, откуда вытекаютъ обязанности самовоспитанія, любви къ ближнему, исканія Бога и служеніе Ему.

Школа, удаленная на лоно природы изъ растлѣвающихъ условій городской жизни, воспитывая дѣтей среди чистыхъ людей, чистыхъ книгъ, образцовъ высокаго художественнаго творчества, поэзіи, музыки, живописи, на основѣ величайшаго идеала—Христа, дастъ новыхъ здоровыхъ и сильныхъ духомъ людей.

Конгрессъ христіанской молодежи.

Лѣтомъ текущаго года въ Гельсингфорсѣ предполагался конгрессъ обществъ христіанской молодежи всѣхъ странъ. Финляндія готовилась къ нему и израсходовала большія суммы. Теперь сообщаютъ, что конгрессъ въ Финляндіи воспрещенъ послѣ спеціальнаго доклада финляндскаго генералъ-губернатора. Конгрессъ можетъ состояться въ любомъ городѣ Россіи, но не въ Финляндіи.

Уголовный спиритизмъ.

Характерная сценка, какъ телеграфируютъ въ лондонскія газеты, разыгралась недавно на судѣ присяжныхъ въ Джерсей-Сити.

Здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ находился по обвиненію въ убійствѣ жены фермеръ Уильямъ Стронгъ. Главной свидѣтельницей выступила миссъ Паулина Герардъ. „Спеціальность“ этой особы заключается въ томъ, что, держа въ рукахъ какой-нибудь предметъ, принадлежавшій раньше ея медіуму, она входитъ съ нимъ въ непосредственное общеніе, и такимъ образомъ оказываетъ суду огромныя услуги для раскрытія преступленій.

Она разсказала на судѣ, что при первомъ же посѣщеніи обвиняемаго Стронга она убѣдилась, что онъ, дѣйствительно, убилъ свою жену. Для провѣрки ея „видѣнія“, она просила прокурора еще разъ доставить ей обвиняемаго на квартиру, гдѣ за ширмой были спрятаны два сыщика.

Между ней и обвиняемымъ разыгралась интересная сцена. Держа въ рукахъ ящикъ, принадлежавшій раньше обвиняемому, она до мель-

чайшихъ подробностей разсказала ему, какъ было совершено преступленіе. Стронгъ не выдержалъ и закричалъ: „Да, дѣйствительно, это такъ, я убилъ свою жену".

Показанія обвиняемаго вполнѣ совпали тогда съ разсказомъ Паулины Герардъ, но теперь на судѣ онъ утверждалъ, что при посѣщеніи Паулины Герардъ онъ всецѣло находился подъ ея вліяніемъ и говорилъ то, что она ему внушала.

Судъ приговорилъ преступника къ смертной казни.

═ Въ маѣ мѣсяцѣ въ Тифлисѣ г. К. Х. Ломизе была прочитана публичная лекція на тему „Двуединство человѣческаго духа".

Основною цѣлью лектора было выясненіе и популяризація взглядовъ проф. В. Джемса на природу сознанія, и на происхожденіе личности, и на ея судьбу послѣ прекращенія земной жизни. Воззрѣнія проф. Джемса въ области научной психологіи занимаютъ теперь первенствующее мѣсто, и складывались они значительнымъ образомъ подъ давленіемъ явленій медіумизма г-жи Пайперъ. По ученію Джемса (также и д-ра Ходжсона, Ф. Майерса и др.) личность человѣка въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, и сознаніе этой личности есть лишь частичное, аспектъ, неполное проявленіе въ эмпирическомъ матеріальномъ мірѣ истиннаго нашего „я". Это истинное „я", границы котораго лежатъ за предѣлами эмпирическаго міра, и есть истинная пребывающая личность, о которой мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, и то благодаря, такъ называемымъ, сверхнормальнымъ психическимъ случаямъ, я сказалъ бы, прорывамъ—медіумизму, телепатіи, ясновидѣнію и т. п. Сознаніе этой сверхъ-эмпирической личности и есть сознаніе человѣческое; то же сознаніе, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ нашей обыденной жизни есть лишь его частичное проявленіе. Но такъ какъ въ нашей матеріальной жизни, въ сферѣ причинъ матеріальныхъ мы сознаемъ и знаемъ лишь это частичное сознаніе, то мы и привыкли считать его нашимъ нормальнымъ сознаніемъ. Истинное же сверхъ-эмпирическое наше сознаніе, проявленія котораго носятъ характеръ для насъ какъ бы случайный и пока лишь умопостигаемый, мы называемъ подсознаніемъ. Не надо забывать, однако, что подсознаніе есть источникъ и истинный центръ нашей всяческой интеллектуальной и эмоціональной дѣятельности, источникъ творчества нашего и источникъ религіозной жизни. Въ подсознаніи лежатъ корни истинной нашей вѣчной неумирающей жизни. Эту центральную концепцію автора лекторъ не только талантливо изложилъ, но еще очень толково сдѣлалъ бѣглый историческій обзоръ фактовъ, наблюденій и теорій различныхъ ученыхъ, которые такъ или иначе подходили къ этому вопросу и способствовали освѣщенію той или другой его стороны. Умѣло также лекторъ подчеркнулъ

связь идей Джемса, какъ психолога, съ ученіемъ спиритизма и на совпаденіе этого ученія съ данными современной англійской психологіи. (Изъ „Ребуса“, № 9).

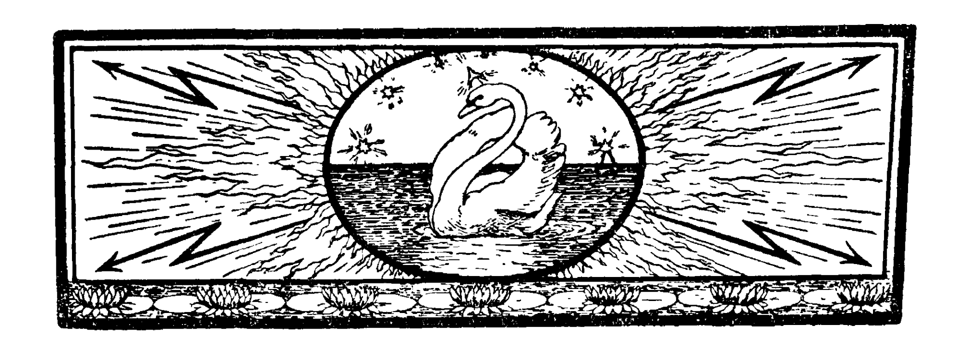
═ По поводу „страшной игры“ въ которую играютъ теперь дѣти въ различныхъ углахъ Россіи и на которую газеты неоднократно указывали (игра въ „судъ“, „эшафотъ“, „висѣлицу“, кончающуюся нерѣдко дѣйствительными смертями осужденныхъ!), В. Свенцицкій пишетъ въ газетѣ „Новая Земля“: явленіе это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что постоянныя казни, о которыхъ сообщаютъ газеты, „пріучаютъ“ мысль къ тому, что можно убивать людей лишь бы это было „по закону“, а такъ какъ слово „законъ“ въ общежитіи легко превращается въ слово „за дѣло“, что считаетъ себя въ правѣ рѣшать каждый самъ, то смертная казнь пріучаетъ къ мысли о допустимости „законнаго“ лишенія человѣка жизни и потому „не уменьшаетъ, а увеличиваетъ преступность“... И защитники и противники казни не отрицаютъ, что казнь—наказаніе ужасное... Но этотъ ужасъ считается одними неизбѣжнымъ для спасенія всего организма, то есть для общества. Такъ всмотритесь въ жизнь этого общества! — говоритъ Свенцицкій, „и если вы увидите, что эта мѣра ведетъ не къ тому, что вы хотѣли достигнуть, откажитесь отъ нея! Вы хотѣли бы, чтобы изъ боязни казни люди перестали убивать другъ друга, а достигли того, что дѣти на улицахъ „играютъ“ въ висѣлицу и 13-лѣтніе гимназисты „казнятъ“ своего 10-лѣтняго товарища“!

═ Среди событій русской педагогической жизни нельзя не отмѣтить съѣзда по экспериментальной педагогикѣ, засѣдавшаго въ Петербургѣ въ послѣдніе дни истекшаго года. Общественно-педагогическая атмосфера нашего времени все болѣе и болѣе впитывала въ себя новыя идеи, и желаніе разобраться въ нихъ, провѣрить ихъ значеніе, подвергнуть живой критикѣ явилось потребностью дня. Идеи индивидуальнаго воспитанія, выдвинувъ на первое мѣсто почти забытую личность школьника, этимъ самымъ неизбѣжно направили вниманіе учащихъ на изученіе природы ребенка... Не дидактика, не программы обученія занимали вниманіе членовъ съѣзда, а нѣчто новое и болѣе важное: живой школьникъ. Тутъ врачъ, какъ сотрудникъ въ школьной работѣ, вполнѣ естественно не могъ не занять надлежащаго мѣста. Нервно-психическая организація ребенка и методы ея изученія — вотъ господствовавшія темы выслушанныхъ докладовъ. Нельзя сказать, чтобы въ итогѣ ихъ получилась наличность какихъ-либо строго опредѣленныхъ и цѣнныхъ выводовъ, но не съ этой стороны, намъ кажется, нужно подходить къ оцѣнкѣ дѣятельности съѣзда: здѣсь намѣчались пути очередныхъ изслѣдованій, здѣсь происходила критика методовъ,

столкновеніе и группировка различныхъ теченій современной педагогической мысли. Наряду съ вопросами общаго здоровья школьниковъ, ихъ физическаго развитія—были выдвинуты задачи и нервно-психической гигіены, столь забываемой въ школѣ, и идея будущаго школьнаго врача вошла въ новую стадію своей эволюціи.

= „Человѣкъ съ шестымъ чувствомъ", подъ такимъ заглавіемъ „Голосъ Москвы" напечаталъ сообщеніе своего ньюіоркскаго корреспондента, который вмѣстѣ съ русскимъ вице-консуломъ посѣтилъ ясновидящаго Д. Риза. На свиданіе съ Ризомъ, пишетъ корреспондентъ, я пошелъ съ русскимъ вице-консуломъ, В. В. Юрьевымъ, человѣкомъ высококультурнымъ, начитаннымъ и занимающимся вопросами философіи, и къ Ризу шли мы, настроенные крайне скептически. Ризъ — это очень плотный, широкоплечій человѣкъ, небольшого роста, съ удивительно развитымъ черепомъ, почти совершенно лишеннымъ волосъ. На видъ ему никакъ нельзя дать болѣе 50—55 лѣтъ, хотя ему теперь ровно 71 годъ. Онъ предложилъ намъ показать свою способность въ чтеніи сокровенныхъ мыслей, описаніи нашей прошлой жизни, отвѣтахъ на волнующіе насъ вопросы будущаго. На всѣ вопросы были даны поразительно вѣрные отвѣты, и послѣ часоваго сеанса нашъ скептицизмъ совершенно исчезъ и далъ мѣсто прямо-таки неограниченному удивленію и даже чему-то вродѣ страха, потому что, видимо, человѣку этому было извѣстно все наше прошлое. Я спросилъ мистера Риза: какъ объясняете вы вашъ сверхъестественный даръ, что происходитъ въ вашей головѣ, когда вы даете отвѣты даже на такіе спеціальные вопросы, которые требуютъ знанія химіи, математики, физіологіи и т. п.? „Вотъ положите ваши руки на мой лобъ и на затылокъ, и скажите, что вы чувствуете", предложилъ мнѣ вмѣсто отвѣта Ризъ. Я сдѣлалъ, какъ мнѣ было сказано, и немедленно же почувствовалъ какъ бы электрическій токъ, идущій черезъ его голову къ локтямъ моихъ обѣихъ рукъ, и ощущеніе какъ бы вращающихся колесъ въ его головѣ. „Когда я концентрирую мои мысли на извѣстномъ предметѣ, я чувствую сильное движеніе въ головѣ, именно вращеніе какъ бы колесъ, затѣмъ все просвѣтлѣваетъ, и я вижу передъ собою; это сильно истощаетъ меня и послѣ сеанса съ двумя, тремя лицами я обращаюсь въ совершенно безпомощнаго, слабаго человѣка, не могущаго ничего дѣлать; объяснить это явленіе я не въ состояніи, иногда передо мной является призракъ, который мнѣ говоритъ что-нибудь и исчезаетъ"... Мы сидѣли съ нимъ далеко за полночь и оставили его съ чувствомъ какого-то благоговѣнія".

Н. Т.

Изъ газетъ и журналовъ.

Въ „Русской Мысли“ напечатано письмо Л. Н. Толстого къ Л. Ю. Трушевой: „Не совѣтую вамъ поступать на фельдшерскіе курсы. Не совѣтую вообще искать средствъ дѣлать добро.—Прежде всего надо искать средствъ перестать дѣлать зло, которымъ полна наша жизнь. И нѣтъ лучшаго средства дѣлать самое плодотворное добро, какъ перестать дѣлать зло. А то исканіе возможности дѣлать большое добро, воображеніе о томъ, что мы готовимся къ нему или дѣлаемъ его, лишаетъ насъ ясности взгляда на зло нашей жизни. Для себя, по крайней мѣрѣ, я дѣлаю такъ, и съ тѣхъ поръ, какъ дѣлаю такъ, т. е. стараюсь уменьшать зло въ моей жизни, жизнь моя полна и меня не мучаетъ сознаніе безполезности ея. Человѣкъ—доброе существо и если только онъ не дѣлаетъ дурное,—онъ дѣлаетъ хорошее. Идеалъ христіанскій есть V, VI, VII главы Матѳея. Сличайте съ ними свою жизнь, приближайте ее къ этому идеалу и вамъ хватитъ работы на всю жизнь“.

— Въ газетѣ „Подолія“ помѣщена статья о „Значеніи паломничества въ религіозной жизни народа“; эпиграфомъ къ этой статьѣ послужила выдержка изъ сочиненій Влад. Соловьева: „Человѣкъ, желающій остаться только человѣкомъ, навсегда ограничиться предѣлами одной человѣческой природы, тѣмъ самымъ перестаетъ быть истиннымъ человѣкомъ, законнымъ сыномъ человѣческимъ, и чѣмъ болѣе подымается онъ надъ человѣческою ограниченностью, тѣмъ болѣе онъ приближается къ истинной человѣчности“.—Для людей, индифферентно относящихся къ дѣламъ вѣры и религіи, путешествія по святымъ мѣстамъ являются непонятными и безцѣльными, но—тотъ, кому, говоритъ авторъ, приходилось бывать среди благоговѣйно настроенныхъ богомольцевъ-простолюдиновъ,

можетъ постичь и уразумѣть причину, заставляющую людей колесить сотни и тысячи верстъ...

„Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа...“

вотъ основной тонъ настроенія этихъ людей.—За нравственной поддержкой, за „врачествомъ“ для души, за „немерцающимъ свѣтомъ Христовой истины“ идутъ въ святыя обители и многіе, многіе интеллигентные люди... Эти святыя обители посѣщаются и служатъ мѣстомъ временнаго, а иногда и пожизненнаго пребыванія искателей вѣчной правды, которой не нашли они ни въ храмахъ науки, ни въ разнообразныхъ мірскихъ сообществахъ. Въ нихъ подолгу живали выдающіеся русскіе писатели—Вл. Соловьевъ, Толстой, Кирѣевскіе, Достоевскій.—Авторъ приводитъ отрывокъ изъ письма одной молодой интеллигентной паломницы, въ которомъ она съ глубокимъ умиленнымъ чувствомъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Оптиной Пустыни. Тамъ она впервые поняла, какъ она нуждалась въ прощеніи, и почувствоввала себя „прощенной“. „Но, говоритъ она я не хочу этимъ сказать, что ничего дурного теперь не дѣлаю и не сдѣлаю,—и дѣлаю, и бунтую, и говорю,—да все это иначе освѣщается и иначе оцѣнивается въ свѣтлыя минуты, труднѣе стало оправдывать самое себя со своими недостатками; дѣлаешь дурное, но уже не оправдываешь его, а называешь своимъ именемъ...“ Неудовлетворяемый окружающей дѣйствительностью, нашъ русскій православный народъ въ паломническомъ подвигѣ видитъ ношеніе креста не только во искупленіе личныхъ грѣховъ, но и въ облегченіе міровой грѣховной ноши, тяготѣющей надъ человѣчествомъ.

═ О книгѣ М. В. Лодыженскаго: „Сверхсознаніе и пути къ его достиженію“ была въ газетѣ „Россія“ статья С. Н. Сыромятникова. М. В. Лодыженскій провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Индіи и наблюдалъ ту духовную атмосферу, въ которой зародился и развивался іогизмъ, атмосферу умственнаго спокойствія, гармоничнаго развитія сердца и мозга, которое потеряно перемозговавшейся Европой. Оскудѣнію вѣры и сердца—говоритъ Сыромятниковъ,—порабощенію сердца не разумомъ, а низкимъ матеріальнымъ разсудкомъ мы обязаны многими печальными сторонами нашего умственнаго и общественнаго развитія, но, къ счастью, въ этомъ направленіи замѣчается уже поворотъ... Развитіе теософской литературы въ Россіи является тоже показателемъ все усиливающейся жажды духовной, все увеличивающейся неудовлетворенности якобы научнымъ матеріализмомъ, который даетъ оправданіе всякому эгоистическому чувству въ человѣкѣ, который тащитъ человѣчество назадъ и внизъ, вмѣсто того, чтобы поднимать его къ небу и вести его къ обожженію, къ высшему духовному прогрессу. Но

поставить теософію на православную почву никто не думалъ, ибо много ли русскихъ интересуются святоотеческой литературой (напримѣръ „Добротолюбіемъ", сборникомъ поученій православныхъ подвижниковъ о соединеніи съ Богомъ). И заслуга М. В. Лодыженскаго въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку сопоставить іогизмъ съ ученіемъ православныхъ подвижниковъ. Онъ показалъ, что нынѣшняя теософія вся была уже извѣстна православному Востоку, но осуществлялась имъ съ болѣе широкими цѣлями, ибо подвижники православныхъ пріобрѣтали сверхъестественныя силы не для власти, не для эгоизма, а для осуществленія Царства Божія на землѣ.

„Мы видѣли, говоритъ М. В. Лодыженскій въ послѣсловіи къ своей замѣчательной книгѣ, что два отдаленные другъ отъ друга міра, міръ индусскій и міръ христіанскій, выработали каждый свои пути къ достиженію сверхсознанія. Мы подробно изучили эти пути и увидали, что оба они ведутъ къ одной цѣли: къ познанію высшаго я, къ познанію Божества. Мы видѣли, что путь Раджа Іоги есть путь глубокой сосредоточенной мысли; путь подвижника христіанскаго есть путь глубокаго религіознаго чувства... Время, которое мы теперь переживаемъ, есть время болѣзненное для большинства нашей интеллигенціи. Развитіе доминирующаго класса образованныхъ людей сложилось ненормально. Переразвитъ разсудокъ и недоразвиты возвышенныя чувства сердца. Классъ образованныхъ людей увлекъ по этой дорогѣ полуобразованную массу, которая, съ потерею религіи, не можетъ найти другой основы, ее замѣняющей... Что же дѣлать, чтобы облегчить эту уродливо сложившуюся для насъ тяжелую жизнь? что дѣлать, чтобы излечить всѣ эти временныя болѣзни души человѣческой?.." На эти неотступные вопросы даетъ отвѣтъ философія великихъ подвижниковъ... М. В. Лодыженскій своею книгой сдѣлалъ, говоритъ Сыромятниковъ, важный шагъ: онъ далъ намъ возможность заглянуть въ міръ такъ называемыхъ оккультныхъ наукъ и показалъ, что въ этомъ мірѣ, полномъ тайны и смертельной опасности для души и для тѣла, мы имѣемъ надежныхъ руководителей въ лицѣ православныхъ подвижниковъ, кокоторые задумывались надъ величайшими задачами освобожденія духа и, подчинивъ его Богу, достигали не только прозорливости, но и высшей любви *).

═ Въ газетѣ „Московскія Вѣдомости" былъ фельетонъ Алексѣя Введенскаго о статьѣ Берлинскаго профессора философіи Георга Зиммеля „Къ вопросу о метафизикѣ смерти", въ которой Зиммель между прочимъ говоритъ такъ: „Одинъ изъ смѣлыхъ парадоксовъ христіан-

*) По поводу этой интересной книги въ „В. Т." будетъ отдѣльная библіографическая замѣтка или статья.

ства заключается въ томъ, что оно оспариваетъ апріорное значеніе смерти и разсматриваетъ жизнь съ точки зрѣнія ея собственной вѣчности... Христіанство побѣждаетъ смерть не только тѣмъ, что продолжаетъ данную во времени линію жизни за оформляющую границу жизненнаго конца, но и тѣмъ, что опредѣляетъ всѣ моменты жизни, въ которыхъ дѣятельна смерть, и которые внутренно ограничены ею, какъ моменты вѣчной отвѣтственности".—„Парадоксъ! но—говоритъ Введенскій, невольно къ этимъ берегамъ влечется мысль и самого Зиммеля", и Введенскій, отбросивъ вѣру Зиммеля въ „душепереселеніе", систематизируетъ его порядокъ мыслей въ слѣдующей формѣ: необходимо прежде всего отрѣшиться отъ представленія о смерти, какъ о какихъ-то „паркахъ", внезапно перерѣзывающихъ ту жизненную нить, которая до момента смерти плелась будто бы какъ жизнь и „только" какъ жизнь... тогда какъ въ сущности, „смерть съ самаго начала заложена въ послѣднія глубины жизни": каждую минуту жизни мы изживаемъ, какъ смертные... и рождаемся, строго говоря, не въ моментъ рожденія, а скорѣе каждую минуту рождается какая-нибудь частица насъ. При нѣкоторомъ расширеніи понятій можно сказать даже, что „смерть является „созидателемъ" жизни: жизнь ни что иное, какъ бѣгство отъ смерти. Приближаясь, въ порядкѣ временномъ, къ смерти, мы вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты постояннымъ стремленіемъ уйти отъ нея. И, если жизнь сама до нѣкоторой степени требуетъ смерти, какъ своей противоположности, то можно, думаетъ Зиммель, вмѣстѣ съ Гегелемъ сказать, что „жизнь и смерть стоятъ на одной ступени бытія", какъ тезисъ и антитезисъ, а слѣдовательно такое ихъ отношеніе требуетъ и третьяго, высшаго начала, которое и дано въ нашей жизни въ качествѣ „цѣнностей и напряженностей нашего бытія", возвышающихся надъ противоположностями жизни и смерти. Съ этой точки зрѣнія вся картина жизни мѣняется. Смерть—частичная при жизни и окончательная предъ могилой—вскрываетъ жизнь, какъ начало случайное и преходящее, что „могло бы быть и инымъ". Отсюда у насъ естественно выростаетъ мысль, что должны быть и дѣйствительно „есть" такія содержанія жизни, которыя независимы отъ всякаго теченія и конца, значеніе которыхъ лежитъ „по ту сторону" жизни и смерти... Съ другой стороны, совершенно подобнымъ же образомъ и опять-таки именно благодаря смерти, рядомъ съ отрѣшеніемъ отъ случайныхъ и преходящихъ „актовъ" жизни, освобождается отъ узъ случайности и то „нѣчто", которое мы называемъ нашимъ „я"—оно выкристализовывается изъ всѣхъ текущихъ случайностей и развивается навстрѣчу своему собственному смыслу и своей собственной идеѣ. Такъ вступаетъ въ свои права мысль о безсмертіи души...

Затѣмъ А. Введенскій приводитъ выдержки изъ статьи Н. Лосскаго „Идея безсмертія души, какъ проблема теоріи знанія“, которыя какъ бы досказываютъ мысль Зиммеля, хотя эти мыслители и стоятъ на различныхъ философскихъ точкахъ зрѣнія. „Говорить о безсмертіи говоритъ Лосскій,—это значитъ имѣть въ виду безвременность, вѣчность. О безсмертіи души знаетъ тотъ, кто наблюдаетъ въ своей душевной жизни начало, стоящее внѣ теченія событій душевной жизни, но въ то же время сопринадлежное съ нимъ такъ, что безъ него эти событія не могутъ существовать... Должны, полагаетъ Лосскій, существовать люди съ особенно развитою способностью наблюденія надъ своимъ „я“, стоящимъ внѣ потока событій... Главная трудность такого наблюденія состоитъ въ томъ, чтобы не смѣшивать „вѣчность“ съ „чрезвычайною длительностью“ и не переносить въ безвременный міръ представленій, заимствованныхъ изъ сферы временной жизни... Чтобы укрѣпить въ себѣ вѣру въ безсмертіе, необходимо, такимъ образомъ, по мысли Лосскаго, какъ можно точнѣе освоиться („на основаніи опыта и непосредственныхъ наблюденій надъ своими переживаніями“) съ идеальною, вѣчною природою своего „я“... Но какъ ни глубокомысленны, какъ ни остроумны эти философскія разъясненія, они—по мнѣнію А. Введенскаго—„мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій“ передъ словами Откровенія,—и онъ передаетъ XV главу Перваго посланія къ Коринѳянамъ апостола Павла, для объясненія которой были написаны горы книгъ, но Введенскій приводитъ лишь цитату изъ писемъ Вл. Соловьева: „Смерть есть явная побѣда безсмыслія надъ смысломъ, хаоса надъ космосомъ. Особенно это ясно относительно живыхъ существъ высшаго порядка. Смерть человѣка есть уничтоженіе совершеннаго организма, т. е. цѣлесообразной формы и орудія высшей разумной жизни. Такая побѣда низшаго надъ высшимъ, такое обезоруженіе духовнаго начала показываетъ, очевидно, недостаточность его силы. Но вѣдь эта сила „возрастаетъ“. Для человѣка безсмертіе то же, что для животнаго—разумъ; смыслъ животнаго царства есть животное разумное, т. е. человѣкъ. Смыслъ человѣчества есть безсмертный, т. е. Христосъ... Если борьба съ хаосомъ и смертью есть сущность мірового процесса, при чемъ свѣтлая духовная сторона хоть медленно и постепенно, но все-таки „одолѣваетъ“,—то воскресеніе, т. е. дѣйствительная и окончательная побѣда живого существа надъ смертью, есть необходимый моментъ этого процесса, который въ принципѣ этимъ и оканчивается“... Заканчивая свою статью, А. Введенскій говоритъ, что, хотя современнымъ мыслителямъ одна изъ основныхъ истинъ христіанства и представляется „парадоксомъ“ (какъ эллинамъ-раціоналистамъ временъ апостольскихъ сама проповѣдь о Христѣ казалась „без-

уміемъ"),—однако ихъ разсужденія о смерти и безсмертіи получаютъ значеніе и смыслъ въ лучахъ свѣта изъ этого же „парадокса", да и питается лишь изъ этого источника: только „живая вѣра" на твердыхъ основаніяхъ христіанскаго ученія можетъ организовать въ единство цѣлаго догадки и выводы искренно ищущей философской мысли...

== Въ „Ревельскихъ Извѣстіяхъ" было напечатано изложеніе лекціи А. А. Мейера „Современныя религіозно-философскія теченія въ Россіи". Въ наше время, говоритъ Мейеръ, замѣтно вырисовываются два теченія въ религіозно-философскихъ исканіяхъ. Первое теченіе носитъ названіе индивидуалистической религіи. Она,—исходя изъ индивидуализма и ставя во главу угла моральную цѣнность человѣческой личности, провозглашаетъ субъективизмъ религіознаго переживанія, полную автономію въ дѣлѣ общенія индивида съ Божествомъ и полную свободу въ направленіи ея внутренне-интимныхъ переживаній религіознаго характера. Личность самоопредѣляющаяся, во всемъ своемъ своеобразіи и единственности, не должна быть приносима въ жертву внѣшнему авторитету въ сокровеннѣйшей части своей духовной жизни.—Второе теченіе „церковное". Признавая, что въ дѣлѣ религіозныхъ исканій должна замѣтную роль играть церковь, представители „церковной религіи" понимаютъ церковь не въ смыслѣ внѣшней конфессіональной организаціи, а въ виду нѣкотораго „мистическаго общества": собранія множества людей, объединенныхъ одною религіозной истиной. Церковная религія вскрываетъ, говоритъ лекторъ, ошибку интеллигенціи индивидуалистическаго лагеря и утверждаетъ, что дѣло религіознаго творчества не есть дѣло отдѣльной личности, одинокой и безпомощной, а предполагаетъ связь съ другими людьми. Мейеръ самъ становится на точку зрѣнія церковной религіи и считаетъ послѣднюю болѣе отвѣчающей запросамъ интуитивныхъ проявленій духовной природы человѣка. Люди болѣе высокіе въ своихъ духовныхъ проявленіяхъ, достигающихъ порою чрезмѣрной напряженности, быть можетъ и могутъ стоять вполнѣ самостоятельно въ дѣлѣ религіозныхъ исканій, но мы средніе люди, говоритъ Мейеръ, нуждаемся въ соприкосновеніи съ другими людьми; отсюда вытекаетъ и необходимость церковнаго единенія со „вселенской" церковью. Въ былыя времена горѣли костры инквизиціи, совершались жестокія преступленія, стоялъ низко моральный обликъ представителей церкви и т. п. и все это находило себѣ оправданіе въ лицѣ церкви... и представители противоположнаго теченія спрашиваютъ, почему церковь освящаетъ всѣ эти злодѣянія, почему она благословляетъ насиліе и несправедливость? Это объясняется судьбами исторической церкви, ея внутренней мистической организаціей. Во главу угла исторіи Мейеръ ставитъ Откровеніе... но человѣчество, по своей огра-

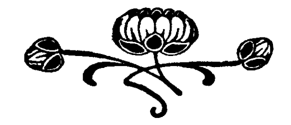
ниченности и слабости, не могло воспринять полностью всей истины, всего Откровенія. Распознаніе даннаго Богомъ откровенія совершается медленной, мучительной работой церкви, а такъ какъ церковь это—мы, народъ, всѣ люди и „мы всѣ за все и за всѣхъ виноваты",—то вопросы, съ которыми обращаются къ церкви, относятся къ каждому изъ насъ. Не можетъ исторія сотворить сразу полный идеалъ и церковь совершенствуется вмѣстѣ съ нами, а объемлетъ эта церковь всѣхъ: къ ней принадлежитъ и Оригенъ, сказавшій, что Богъ—Тотъ, о которомъ нельзя даже сказать, что Онъ существуетъ, а наряду съ нимъ и та легендарная старушка, представлявшая Бога въ видѣ старца, сидящаго на голубомъ куполѣ и принимающаго молитвы отъ людей.

═ Въ газетѣ „Новая земля" была статья Епископа Михаила „Ложь нашей благотворительности", въ которой, между прочимъ, Епископъ Михаилъ говоритъ, что все, что имѣетъ человѣкъ, съ христіанской точки зрѣнія, не ему принадлежитъ. Все, чѣмъ онъ владѣетъ, все есть маммона неправды, пріобрѣтено имъ несправедливо. Единственное средство спастись отъ проклятія неправедно пріобрѣтеннаго богатства—это не считать себя его хозяиномъ, считать себя незаконнымъ собственникомъ, отчасти воромъ, который только по недостатку христіанскаго настроенія и христіанскаго мужества не рѣшается выбросить это, воровствомъ пріобрѣтенное, состояніе. И пока сохранялся этотъ взглядъ, христіанинъ, отдавая ближнему хоть половину того, что онъ имѣетъ, считалъ себя „хищникомъ". Съ тѣхъ же поръ, какъ явилась благотворительность въ нашей формѣ, это чувство „виновности владѣнія" исчезло. Человѣкъ, отдавши двѣ копѣйки или сдѣлавши двухрублевый ежемѣсячный взносъ, считаетъ себя правымъ предъ Господомъ, онъ какъ бы „откупился"... Само собою разумѣется, что при такомъ взглядѣ создается разложеніе всѣхъ христіанскихъ понятій и полное разложеніе христіанской совѣсти. Благотворительность обязательно сливается и отожествляется съ фарисействомъ.

═ „Мысли о душѣ и духѣ" В. А. Данилова, изъ журнала „Духовный христіанинъ", № 3. Петръ говоритъ: душевный не можетъ понять духовное. Слѣдовательно душа, дыханіе жизни, и духъ, стремящійся къ совершенству Отца, не одно и то же. Сущность ученія Іисуса изъ Назарета въ главномъ и есть раздѣленіе понятія между „душою" и „духомъ"... Не могли люди того времени вмѣстить всю полноту Его ученія, и Онъ говорилъ имъ съ укоризной: „Если вы не понимаете и земного, т. е. душевнаго, какъ буду Я говорить вамъ о небесномъ, т. е. о духовномъ". Прошло почти восемнадцать столѣтій и люди, въ гордости самомнѣнія именующіе себя христіанами, не могутъ усвоить разницы между душою и духомъ. Это непониманіе разницы ведетъ и къ даль-

нѣйшему неправильному пониманію ученія Величайшаго изъ учителей человѣчества. „Душевная“ корысть видитъ сущность ученія не въ томъ, что мы можемъ быть дѣтьми Отца нашего и должны стремиться къ совершенству этому, а въ томъ, какъ бы получить награду и избѣжать наказанія... У человѣка два источника: одинъ отъ „человѣкоживотности“, это источникъ общій со всѣми дышащими; другой—отъ подобія Божія отъ „Богосыновности“, это—особенность, исключительно принадлежащая каждому человѣку въ возможности... Для того же, чтобы проникнуть въ „сущность“ различія души отъ „духа“, познать, гдѣ начинается у человѣка богочеловѣчество и кончается человѣко-животность, видѣть ясно границу души и духа, нужно углубиться внутрь себя, нужна нравственная дисциплина и жизнь по этой дисциплинѣ.

Н. Т.

Такъ сильно въ людяхъ отвращеніе ко всякому убійству, но примѣромъ, поощреніемъ жадности людей, утвержденіемъ, что это разрѣшено Богомъ, и, главное, привычкой людей доводятъ до полной утраты этого естественнаго чувства.

На-дняхъ я пошелъ на бойню и, встрѣтивъ знакомаго мнѣ кроткаго, добраго человѣка, пригласилъ его съ собою.—Да, я слышалъ, что тутъ хорошее устройство, и хотѣлъ посмотрѣть; но если тамъ бьютъ, я не войду.

— Отчего же? Я именно это-то и хочу видѣть. Если ѣсть мясо, то, вѣдь, надо бить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу.

Замѣчательно при этомъ, что этотъ человѣкъ—охотникъ и самъ убиваетъ птицъ и звѣрей.

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержаніи).

Изъ дневника теософа.

9-го іюня мы въѣхали въ современный Вавилонъ, по имени Лондонъ. Быстро покатился нашъ кэбъ среди шумныхъ и людныхъ улицъ, мимо зеленѣющаго Хайдъ-Парка, по длинному, некрасивому Эджуардъ-родъ. Черезъ 35 м. мы въѣхали въ тихій кварталъ Майда-Вэль, который образовался изъ окрестностей Лондона; нѣкогда онъ представлялъ собою сплошные рощи и луга. Откуда и его поэтичное названіе: „дѣвственная долина" (Maida Vale). Въ этомъ удивительномъ кварталѣ есть нѣсколько общинныхъ домохозяевъ, построившихъ свои дома въ видѣ неправильныхъ четыреугольниковъ *), внутри которыхъ зеленѣютъ сады съ изумрудными лужайками и группами деревьевъ.

Нашъ пансіонъ находится въ одномъ изъ такихъ садовъ, въ раскрытыя окна наши заглядываютъ клены и тополи и доносится громкое щебетанье птицъ. По ярко зеленой лужайкѣ бѣгаютъ маленькія англійскія дѣти, которымъ еще рано итти въ школу, и ихъ тонкіе и веселые голоса смѣшиваются съ щебетаньемъ птицъ.

Нашъ пансіонъ—вегетаріанскій, и маленькіе столики въ столовой красиво разукрашены плодами и цвѣтами. Въ домѣ нѣтъ ни мясоѣдовъ, ни курильщиковъ, ни любителей крѣпкихъ напитковъ и поэтому воздухъ въ пансіонѣ удивительно чистый и пріятный. Этотъ пансіонъ даетъ пріютъ убѣжденнымъ вегетаріанцамъ,

---

*) По инициативѣ приходскихъ попечительствъ.

главнымъ образомъ теософамъ, и потому онъ представляетъ собою маленькій интернаціональный центръ, гдѣ слышатся самые разнообразные языки и встрѣчаются самые различные типы.

Сейчасъ пріѣхала цѣлая группа норвежцевъ, изъ которыхъ особенно выдѣляются высокій, молодой человѣкъ, бѣлокурый, съ длинными волосами и кроткими голубыми глазами, и его жена, маленькая, энергичная женщина, которая съ глубокимъ интересомъ вслушивается и вглядывается во все окружающее. Оба они простые крестьяне, живущіе на норвежскихъ высотахъ и любовно преданные крестьянскому труду. Они сошли съ своихъ любимыхъ горъ, чтобы сѣсть на пароходъ въ Христіаніи и побывать въ Лондонѣ; на свои скромныя сбереженія они хотятъ прожить нѣсколько недѣль съ нами, чтобы послушать г-жу А. Безантъ и глубже вникнуть въ ученіе Теософіи. Они—убѣжденные теософы и мечтаютъ образовать крестьянскій центръ въ горахъ Скандинавіи. Пріѣхавшая съ ними норвежская писательница, Е. Блютъ, сообщила намъ, что къ ихъ компаніи долженъ скоро присоединиться еще одинъ норвежскій рабочій, который съ будущей недѣли возьметъ отпускъ на своемъ заводѣ и пріѣдетъ въ Лондонъ. Такимъ образомъ, наше общество въ пансіонѣ состоитъ изъ людей всѣхъ классовъ и профессій. Кромѣ скандинавской группы, есть представители отъ Россіи, Шотландіи, Германіи, не считая Англіи.

11 іюня. Большой залъ Queens'hall ярко освѣщенъ. Всѣ мѣста, партеръ, балконы и хоры, все занято, и передъ дверями толпится публика, надѣющаяся еще получить билеты, но касса закрылась, билетовъ больше нѣтъ. Первая лекція А. Безантъ собрала слушателей со всѣхъ концовъ Лондона и въ залѣ видны скромныя блузы и котелки рядомъ съ великолѣпными туалетами, фраками и цилиндрами. Въ дверяхъ, въ корридорахъ, всюду дежурные члены Т. О-ва съ бѣлой лентой въ петлицѣ. Наемной прислуги нѣтъ и это придаетъ какой то особенный характеръ собранію. Въ корридорахъ ходятъ члены Т. О-ва, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, и продаютъ теософическія брошюры, а также газету „Христіанская Община“ (Christian Commonwealth), издаваемую знаменитымъ священникомъ Ж. Кэмпбэл'омъ, въ которой печатаются всѣ рѣчи и лекціи А. Безантъ.

Въ Queens'halle, гдѣ часто бываютъ духовные концерты, есть большой органъ, который играетъ передъ лекціей, и его мощные звуки сразу рождаютъ торжественное настроеніе. Ровно въ 7 ч. органъ стихаетъ и на эстраду поднимается А. Безантъ.

Лондонская публика ее уже давно знаетъ и встрѣчаетъ взрывомъ апплодисментовъ. Она стоитъ у рампы, вся бѣлая, въ своемъ простомъ бѣломъ платьѣ, окаймленномъ греческой вышивкой. Бѣлоснѣжные, короткіе волосы ея слегка вьются и окружаютъ серебристымъ ореоломъ высокій лобъ со скорбной складкой между бровей. Прекрасное и мощное выраженіе ея лица сразу приковываетъ къ себѣ вниманіе, но особенной притягательной силой обладаютъ ея глаза, большіе, глубокіе, сіяющіе. Она начинаетъ говорить и ея голосъ проникающій и нѣжный, ясно раздается въ большомъ залѣ, проникая въ сердца слушателей и заставляя затаить дыханіе. Весь залъ живетъ какъ одинъ человѣкъ.

Она говоритъ объ эволюціи, о готовящихся великихъ геологическихъ перемѣнахъ, о потопахъ, объ исчезновеніи и рожденіи материковъ, о новомъ поднимающемся материкѣ въ Тихомъ Океанѣ, о послѣднихъ научныхъ изысканіяхъ, подтверждающихъ теософическія ученія о появленіи новой расы, и о нарожденіи новаго типа американцевъ, представителей ея. Она говоритъ о миссіи расъ, о необходимости образованія вселенскаго союза мира и о девизѣ: „служеніе“, какъ основной мечты его.

Она переходитъ къ долгу сильныхъ по отношенію къ слабымъ, говоритъ о національной Кармѣ, о Дхармѣ народовъ и о значеніи Востока для эволюціи Запада. Она останавливается на отношеніи Англіи къ Индіи, указываетъ на необходимость братскихъ отношеній англичанъ къ индусамъ, если Англія желаетъ сохранить эту жемчужину Востока, и кончаетъ горячимъ призывомъ къ духовному единенію. „Индію можно сохранить не мечами, а только пониманіемъ и любовью“. Она рисуетъ картину международнаго Парламента, въ которомъ каждая колонія будетъ имѣть своего полноправнаго представителя, каждая страна—свой голосъ. Если исторія даетъ одному народу временное внѣшнее превосходство надъ другимъ народомъ, то только для того, чтобы первый могъ помочь второму, чтобы соприкоснулись различныя культуры и различныя сердца; не для владычества и деспотизма дается такое временное превосходство, а только для *служенія*. Таковъ Божественный міровой планъ, смыслъ котораго освѣщается для насъ свѣтомъ Теософіи...

Голосъ А. Безантъ затихъ. Заигралъ снова органъ и подъ звуки его публика медленно расходится.

17 іюня. Сегодня грандіозная процессія женщинъ и митингъ съ цѣлью потребовать билль о равноправіи. Мы отправляемся посмотрѣть на нее. По пути заходимъ въ контору общества борьбы съ

вивисекціей. Въ витринѣ выставлено чучело кошки, пригвожденной къ операціонному столу. Желѣзный обручъ охватываетъ ее двойнымъ кольцомъ отъ головы къ хвосту; ея мордочка крѣпко прихвачена желѣзными прутами; пасть раскрыта помощью винтовъ, привинченныхъ къ обручу. Очевидно, операція будетъ совершаться въ полости рта. Тутъ же на столахъ разставлены въ такихъ же инквизиторскихъ нарядахъ чучела кролика, собаки и морской свинки. За завѣсой восковая фигура вивисектора, оперирующаго надъ живой собакой. Картина страшныхъ орудій научной пытки и безпомощно лежащей истязуемой собаки наполняютъ лабораторію мучительно острыми вибраціями. Передъ витринами стоятъ многочисленные зрители: многіе навѣрно впервые увидѣли тѣ орудія, которыя употребляются современными представителями науки для своихъ научныхъ изслѣдованій. Выйдя оттуда, мы вздыхаемъ свободнѣе. При входѣ, на столѣ, разложена петиція въ Парламентъ съ протестомъ противъ вивисекціи и посѣтители приглашаются подписывать ее.

Въ Ст. Джемсъ-стритъ, гдѣ устроены трибуны для зрителей, мы застаемъ ежеминутно растущую толпу и занимаемъ свои мѣста на трибунѣ, которая быстро наполняется зрителями. Въ 5½ ч. процессія трогается, начиная свое шествіе съ набережной Темзы и двигается черезъ Трафальгаръ-сквэръ по направленію къ Хайдъ парку. Около 6 ч. на Ст. Джемсъ-стритъ показываются флаги, слышится музыка и тысячи женщинъ начинаютъ дефилировать передъ нами. На коняхъ величаво проѣзжаютъ историческія фигуры: Іоанны д'Аркъ, королевы Елизаветы, Анны Болейнъ и много другихъ. Большія колесницы, убранныя зеленью и цвѣтами, торжественно проѣзжаютъ, представляя различныя націи, и затѣмъ безконечное число депутацій съ флагами, цвѣтами и различными аттрибутами и регаліями. Передъ нами проходятъ студентки всѣхъ факультетовъ, въ разноцвѣтныхъ шапочкахъ и мантіяхъ, сестры милосердія, работницы, фельдшерицы, няни, ремесленницы, садовницы, учительницы, артистки, писательницы, женщины-врачи и члены многочисленныхъ обществъ и съѣздовъ, требующихъ равноправія. Здѣсь и соціальныя организаціи и научныя и этическія общества, и даже церковные союзы (frec churches unions). Во главѣ религіозныхъ и этическихъ обществъ проходитъ въ бѣлой одеждѣ А. Безантъ. Представительницы почти всѣхъ странъ и народовъ дефилируютъ передъ нами вплоть до Тасманіи и Новой Зеландіи. На программѣ стоитъ также Россія, но флага ея мы не видимъ. Шествіе тянется на протяженіи нѣ-

сколькихъ верстъ, заполонивъ весь Пикадилли вплоть до Хайдъ-парка и остановивъ движенiе на самыхъ многолюдныхъ улицахъ Лондона. Длится оно болѣе 3½ часовъ и заканчивается тремя грандiозными митингами. Среди процессiи выдаются нѣсколько интересныхъ отдѣловъ, изъ которыхъ особенно поражаетъ отдѣлъ историческихъ жертвъ освободительнаго движенiя и отдѣлъ 690 заключенныхъ, т. е. подвергнувшихся тюремному заключенiю за свой протестъ. На флагѣ начертана надпись: „Отъ тюрьмы къ свободѣ". Въ процессiи участвуетъ болѣе 70.000 женщинъ. Численностью своей, красивыми эмблемами и подъемомъ настроенiя, процессiя производитъ громадное впечатлѣнiе на зрителей и толпа настроена дружески. Студентокъ, работницъ и сестеръ милосердiя встрѣчаютъ апплодисментами и оварiями. Несомнѣнно, процессiя эта имѣетъ историческое значенiе. Въ Лондонѣ уже говорятъ о томъ, что билль о равноправiи вѣроятно пройдетъ въ Палатѣ Общинъ. Говорятъ также много о митингѣ въ Albert Hall, закончившемъ величайшую изъ современныхъ демонстрацiй. Говорили многiя выдающiяся женщины, пiонеры движенiя, но больше всего произвели впечатлѣнiе рѣчь 80-лѣтней лэди Эльми, 46 лѣтъ работающей на этой платформѣ и теперь радостно привѣтствующей близкое творчество идеи равноправiя, и рѣчь А. Безантъ, бросившей какъ всегда чудный призывъ къ духовному единенiю. Вопросъ о равноправiи, говоритъ она, не есть вопросъ политическiй, это вопросъ чисто человѣческiй, ибо мужчина и женщина не могутъ быть раздѣлены на двѣ отдѣльныя половины. Они составляютъ одно человѣчество и все человѣчество бѣднѣетъ и терпитъ обиду, когда какой-либо вопросъ разъединяетъ одинъ полъ отъ другого и бросаетъ мужчинъ или женщинъ во враждебные другъ къ другу лагери"... По ея мнѣнiю Англiя не можетъ долѣе отказывать женщинѣ въ равноправiи, ибо „никто не посмѣетъ отказать въ томъ, чего требуетъ *вся* женская часть нацiи"... Нравственная побѣда одержана и женщина скоро будетъ законно стоять рядомъ со своимъ отцомъ, мужемъ и сыномъ. Но теперь, на порогѣ побѣды, женщинѣ слѣдуетъ остановиться и подумать о томъ, какъ она распорядится своими новыми правами, ибо за благое или дурное употребленiе ихъ она отвѣтитъ всему человѣчеству, всему будущему. Женщина должна вылиться въ благороднѣйшiй типъ женственности, сильной, смѣлой, спокойной, способной стоять на своихъ ногахъ и работать, не теряя своихъ наиболѣе очаровательныхъ чертъ: материнскаго сердца, исполненнаго нѣжности къ слабымъ и всегда готоваго поднять упав-

шихъ... Тогда великое женское движеніе исполнитъ свою миссію и торжество женщины будетъ и торжествомъ свѣта въ мірѣ...

17-го іюня. Современное искусство все болѣе и болѣе проникается мистическимъ настроеніемъ и это ярко сказывается на выставкахъ картинъ современныхъ художниковъ въ Лондонѣ.

Мы провели нѣсколько часовъ въ Royal Accademy of Art и смотрѣли картины молодой школы художниковъ; по яркости красокъ и настроеній несомнѣнно выдѣляется школа импрессіонистовъ. Много символическихъ картинъ, рядъ портретовъ, смотрящихъ, какъ живые, изъ своихъ рамъ. Много прелестныхъ пейзажей. Очень хороша „Офелія", освѣщенная яркимъ лучемъ солнца, играющимъ въ ея золотыхъ волосахъ, и картина „Съ берега", которая изображаетъ скорбь матери, потерявшей своего ребенка. На берегу стоитъ на колѣняхъ плачущая мать, протягивающая свои руки къ удаляющейся ладьѣ, на которой ангелъ держитъ въ объятіяхъ заснувшаго ребенка; противъ него сидитъ таинственно закутанная фигура лодочника, который безмолвно и быстро гребетъ и разстояніе между лодкой и берегомъ ежеминутно увеличивается. Съ груди ребенка падаютъ въ волны цвѣты и нѣсколько лепестковъ доплываетъ до берега... Несмотря на скорбь матери, картина дышетъ какимъ то тихимъ свѣтомъ и глубокимъ покоемъ.

18-го іюня. Вторая публичная лекція А. Безантъ.

За полъ-часа до начала почти всѣ мѣста заняты и большой залъ Queens'Hall представляетъ оживленную картину. Органъ играетъ все время съ небольшими перерывами. Нѣсколько минутъ до 7 ч. онъ стихаетъ. Ровно въ 7 ч. показывается А. Безантъ, которая занимаетъ свое мѣсто на эстрадѣ. Послѣ обычнаго взрыва апплодисментовъ все умолкаетъ и А. Безантъ начинаетъ свою рѣчь. Тема ея на этотъ разъ: *Необходимость міровой религіи.*

Сжатыми, мощными штрихами обрисовываетъ А. Безантъ теченія современной мысли, вѣчно борющіеся идеализмъ и матеріализмъ. Она указываетъ на всеобщую неудовлетворенность существующими формами, на страстныя духовныя исканія, на необходимость міровой религіи, которая бы обнимала собою и Востокъ, и Западъ, равно отвѣчая на запросы и ума, и сердца человѣческаго. Міровая религія несомнѣнно будетъ заключать въ себѣ философію; имѣя при этомъ научную основу, она будетъ давать вдохновеніе искусствамъ и будетъ обладать высочайшей этикой. Философія ея будетъ идеалистическая, она будетъ признавать духъ живымъ двигателемъ матеріи и будетъ покоиться на трехъ

ученіяхъ: на имманентности Бога, на признаніи мірового Учителя— Христа, и на единствѣ жизни. Научная сторона ея будетъ опираться на непосредственное знаніе окружающихъ насъ міровъ, благодаря серьезно поставленнымъ оккультнымъ изслѣдованіямъ и пробужденію у людей новыхъ органовъ воспріятія. Міровая религія дастъ также новый импульсъ искусствамъ, раскрывая все значеніе красоты для развитія души. Въ свѣтѣ этого міропониманія вся жизнь человѣческая озарится красотой и внесетъ глубокія измѣненія въ нашу систему воспитанія и въ наши нравы. Какъ нѣкогда въ Греціи, самыя улицы станутъ красивыми и человѣкъ будетъ воспринимать все некрасивое какъ грѣхъ и беззаконіе, понимая, что красота не есть роскошь, а есть хлѣбъ жизни, который всѣмъ нуженъ. Вмѣстѣ съ культомъ красоты, подъ вліяніемъ котораго преобразятся наши дѣтскія и наши классныя комнаты, разовьется и высокая этика, ибо изъ признанія единства жизни рождается и признаніе братства всего человѣчества. Человѣкъ, сознающій это единство, не можетъ быть счастливымъ, пока хотя одно живое существо страдаетъ. Каждый изнемогающій труженикъ, каждая голодная женщина, каждый брошенный ребенокъ, будутъ отзываться такой острой мукой въ нашемъ сердцѣ, что намъ станетъ невыносимо жить, не работая надъ преображеніемъ всей нашей жизни. Братство людей ведетъ за собою и братство народовъ и пониманіе братства религій. Между любящими братьями не можетъ быть споровъ и ревности и потому истинное братство ведетъ за собой и полную терпимость. Въ сокровенныхъ глубинахъ тропы эзотеризма рождается вселенская, единая Религія, признаваемая всѣми подвижниками Запада и Востока какъ Путь, раскрывающійся въ своихъ трехъ ступеняхъ: очищенія, просвѣтлѣнія и силы, или славы (сліяніе съ Богомъ Іога).

Съ вселенской религіей придетъ и вселенскій Учитель, который раскроетъ все ея значеніе съ той божественной полнотой, которая всегда живетъ въ Его животворящемъ Словѣ...

Проникновенный голосъ замолкъ. А. Безантъ тихо сошла съ эстрады и удалилась, а залъ все еще пребывалъ неподвижно, какъ зачарованный. Вдругъ что то дрогнуло, залъ зашевелился и громъ неудержимыхъ апплодисментовъ оглушилъ залъ. Органъ снова заигралъ и публика стала медленно расходиться. Мы выходимъ на улицу. У дверей ждетъ тысячная толпа, жаждущая еще разъ взглянуть на А. Безантъ, но напрасно: А. Безантъ не любитъ оваціи, она давно уже скрылась заднимъ ходомъ и уѣхала домой.

Передъ нами мелькаютъ зажженные фонари моторовъ и кэбовъ, слухъ мгновенно наполняется свистками, звонками и всѣмъ оглушительнымъ шумомъ Лондонскихъ улицъ, а въ сердцѣ все еще звучитъ проникновенный голосъ, передъ глазами все еще бѣлѣетъ бѣлая одежда, все еще сіяетъ свѣтлый, вдохновенный ликъ...

Мы говоримъ съ восторгомъ о геніяхъ и пророкахъ прошлаго, мы воздвигаемъ имъ памятники и воспѣваемъ ихъ подвиги, но готовъ ли міръ принять пророка XX вѣка, величайшаго религіознаго генія нашего времени, апостола міровой религіи, Анни Безантъ, всей своей жизнью являющей то единство, которая Она провозглашаетъ, и вѣщающей среди окружающихъ насъ вихрей и бурь, какъ нѣкогда Великій Учитель христіанства: „Миръ вамъ"!

Alba.

Почему именно воздержаніе отъ животной пищи будетъ первымъ дѣломъ поста и нравственной жизни, превосходно сказано, и не однимъ человѣкомъ, а всѣмъ человѣчествомъ въ лицѣ наилучшихъ представителей его въ продолженіе всей сознательной жизни человѣчества.

Но почему, если незаконность, т. е., безнравственность, животной пищи такъ давно извѣстна человѣчеству, люди до сихъ поръ не пришли къ сознанію этого закона?—спросятъ люди, которымъ свойственно руководиться не столько своимъ разумомъ, сколько общимъ мнѣніемъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ, что все нравственное движеніе человѣчества, составляющее основу всякаго движенія, совершается всегда медленно; но что признакъ настоящаго движенія не случайнаго, есть его безостановочность и постоянное его ускореніе.

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержаніе).

„Ищущіе Бога“. А. С. Панкратовъ. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній.

Книга эта доказываетъ, что дѣйствительно, какъ говоритъ авторъ ея, „широкой волной разлилось по Руси сектантство и съ каждымъ днемъ растетъ и усиливается... Идутъ въ него люди съ пытливымъ умомъ, неудовлетвореннымъ старыми формами вѣрованія“. Отсюда и скитальчество по монастырямъ, пустынникамъ и юродивымъ, и исканіе „праведной земли“, невидимаго града „Китежа“ и—наконецъ, какъ болѣе совершенное проявленіе исканія Бога,—уже исканіе не территоріи „праведной земли“, а вообще истины. Можно только привѣтствовать и благодарить автора за то, что онъ собралъ весь этотъ разсѣянный матеріалъ изъ религіозной жизни народа. И эти его очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній написаны такъ живо, что, хотя и не даютъ глубины и метафизики ученій и характеровъ, но читаются легко и съ большимъ интересомъ.

Какая намъ нужна наука. Эд. Карпентеръ. Перев. съ англійскаго Хр. Досева. Издательство „Культурный Кавказъ“ 1911 годъ Цѣна 10 к.

Брошюра интересна не столько какъ критика современныхъ методовъ и заключеній оффиціальной науки, сколько какъ призывъ къ познанію единства человѣка съ цѣлымъ міромъ, къ направленію чувства самосознанія внутрь самого себя и къ исполненію своего назначенія въ мірѣ.

Польза и наслажденіе отъ изученія Библіи. Д. Л. Муди. Пер. съ англійскаго. Изд. В. Л. Жакъ. Астраханка. Таврич. губ. Цѣна 50 коп.

Въ книгѣ даются цѣнные совѣты по чтенію и изученію Библіи.

Лѣстница Іакова. Д. Святскій. СПБ. 1911 г. цѣна 30 к.

Стремленіе видѣть въ библейскомъ видѣніи „Лѣстница Іакова“ ничто иное какъ астрономическое описаніе Млечнаго пути является одностороннею догадкою, но и только. Этимъ объясняется, что, несмотря на рядъ остроумныхъ догадокъ и сближеній, толкованіе г. Святскаго не даетъ полнаго ключа къ пониманію этого видѣнія (стр. 23).

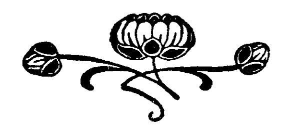
Жизнь тѣсно переплетена съ мистикой и съ астрологіей, и признавать въ явленіи только одну астрономическую сторону—значитъ не понимать всего явленія.

Авторъ обнаруживаетъ большое знакомство съ литературой по библейскимъ вопросамъ и брошюра его, не смотря на односторонность его выводовъ, не лишена интереса.

Рожденіе и исчезновеніе матеріи. Д-ръ Геставъ Лебонъ. Пер. съ франц. А. В. Харьковъ. 1909 г. Цѣна 15 к.

Краткая содержательная брошюра знакомитъ со взглядами Г. Лебонъ на матерію какъ на оплотненную, конденсированную энергію, и на энергію какъ на разсѣевающуюся матерію. Попутно затрагивается вопросъ о происхожденіи вселенной и рядъ другихъ научныхъ вопросовъ. (Болѣе подробный отзывъ о теоріи Г. Лебонъ данъ въ „Вѣстникѣ Теософіи“ за 1910 г. № 1, стр. 102). Брошюра представляетъ несомнѣнный интересъ.

К. Кудрявцевъ.

Одинъ изъ мясниковъ разсказывалъ намъ, какъ бьютъ, и показалъ то мѣсто, гдѣ это (происходитъ) производится. Я не совсѣмъ понялъ его и составилъ себѣ ложное, но очень страшное представленіе о томъ, какъ бьютъ, и думалъ, какъ это бываетъ часто, что дѣйствительность произведетъ на меня меньшее впечатлѣніе, чѣмъ воображаемое. Но въ этомъ я ошибся.

(Мысли Л. Н. Толстого о воздержаніи).

Вопросы отъ группы лицъ, заинтересованныхъ Вѣстникомъ Теософіи.

I. Въ статьѣ „Эволюція міра и человѣка“ въ февральскомъ № В. Т. сказано: „Третій чакрамъ, двухлепестный лотосъ, находится у носового корня; когда этотъ внутренній органъ разовьется, онъ создастъ и соотвѣтствующее физическое новообразованіе. Намекъ на эти будущія новообразованія даютъ рога, которые изображаются на головѣ Моисея“. И дальше: „Въ будущемъ останется только лѣвая рука и лѣвая сторона груди, а мозгомъ будущаго станетъ сердце“.

Эта перспектива можетъ ужаснуть; нѣтъ ничего совершеннѣе прекраснаго человѣческаго тѣла, и единственное, что можно было бы прибавить къ нему — это крылья, какъ у ангеловъ. Но, быть можетъ, цитированныя выше слова доктора Штейнера надо понимать какъ-нибудь иначе?

Отв. Будущее, о которомъ говоритъ докторъ Штейнеръ, такъ далеко отъ насъ и отъ нашихъ современныхъ вкусовъ, что „ужасаться“ этой перспективѣ не слѣдуетъ. Ступень эволюціи, на которой такъ радикально измѣнится знакомый намъ человѣческій организмъ, будетъ протекать при совершенно иныхъ условіяхъ бытія, до того не похожихъ на наше настоящее существованіе, что можно съ полной увѣренностью предсказать полное измѣненіе всѣхъ нашихъ понятій о красотѣ

II. Съ глубокой печалью я узнаю о томъ, что мнѣ придется много еще разъ воплощаться на землѣ. Я не люблю жизни ни въ какихъ ея проявленіяхъ. Земля и Деваканъ одинаково не прельщаютъ меня. Какимъ образомъ я могла бы *никогда* и *нигдѣ* не жить, совершенно исчезнуть? Неужели это невозможно, и небытія не существуетъ?

Отв. Сознательное существо можетъ стремиться къ небытію только по недоразумѣнію. Истинная жизнь всегда прекрасна и желанна. Тяжелой она становится благодаря грѣху, иначе—нарушенію закона Справедливости, который, въ приложеніи ко всей Вселенной, можно назвать закономъ Гармоніи. Эти нарушенія вызываютъ диссонансы очень мучительные для чуткихъ людей. Но когда человѣкъ твердо знаетъ, что это явленіе временное и преходящее, силы его устремляются не на протестъ и тоску, а на внутреннее и внѣшнее творчество; первое выражается въ работѣ самосовершенствованія, второе—въ содѣйствіи улучшенію окружающей его жизни.

„Нелюбовь къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ" указываетъ на то, что вниманіе питающаго эту нелюбовь устремлено на однѣ отрицательныя стороны эволюціоннаго процесса, особенно труднаго въ современную историческую эпоху, и что сознаніе его не поднимается надъ этими временными явленіями къ общему благому смыслу Жизни. Кто знаетъ, что идетъ вверхъ къ божественному совершенству, тотъ не можетъ не любить жизни и не можетъ желать небытія.

Число земныхъ воплощеній только увеличивается, когда человѣкъ настроенъ печально и пассивно; чѣмъ активнѣе, энергичнѣе и свѣтлѣе стремленія человѣка, тѣмъ быстрѣе идетъ его внутреннее развитіе, слѣдовательно и число воплощеній сокращается.

III. Всѣ ли могутъ сразу стать вегетаріанцами безъ вреда для здоровья, или къ этому надо итти постепенно? Чѣмъ питаться на сѣверѣ, гдѣ нѣтъ овощей? Можно ли ѣсть зерна, дающія жизнь?

Отв. Большинство вегетаріанцевъ, которыхъ мы знаемъ лично, переходили къ растительной пищи сразу и никакого вреда для ихъ здоровья отъ этого не произошло. На себѣ и на своихъ близкихъ я наблюдаю только улучшеніе здоровья послѣ замѣны мясной пищи растительной; особенно замѣтно улучшается *нервное состояніе*. Гдѣ овощей мало, придется питаться молочными продуктами и зерновыми растеніями и прибѣгнуть къ изобрѣтательности. При желаніи можно научиться приготовлять превосходныя по вкусу и питательности блюда. Что касается до того, можно ли ѣсть зерна, то мы знаемъ, что зерно только тогда и даетъ новую жизнь, когда само умираетъ.

IV. Если никто не будетъ убивать животныхъ (домашнихъ), то они размножатся до чрезвычайности.

Отв. Этотъ страхъ неоснователенъ. Имѣемъ же мы домашнихъ животныхъ, которыхъ не ѣдимъ, напр. лошадей, ословъ, собакъ и кошекъ, и они существуютъ съ пользой для насъ и никакихъ потрясеній въ экономіи природы не производятъ. Кромѣ того, существуютъ

цѣлыя большія страны, какъ Индія, гдѣ считается преступленіемъ убивать домашнее животное. Индусъ, привыкшій уважать жизнь каждаго живого существа, ни за что не согласится на такое убійства. Намъ извѣстно изъ разсказа жившаго въ Индіи англичанина, какое сильное волненіе, грозившее перейти въ мятежъ, вызвалъ неопытный англійскій администраторъ, вздумавшій уговаривать индусовъ въ мѣстности, захваченной голодомъ, чтобы они пожертвовали своими коровами и быками и ихъ мясомъ кормили своихъ голодныхъ дѣтей. Индусы, боявшіеся, что правительство *заставитъ* ихъ рѣзать животныхъ, пришли въ такое волненіе, что другому, болѣе опытному администратору съ трудомъ удалось успокоить ихъ. Ихъ представитель, вызванный администраторомъ, произнесъ рѣчь, въ которой, перечисливъ заслуги домашнихъ животныхъ, какъ они кормятъ человѣка своимъ молокомъ, какъ работаютъ на него вѣрой и правдой въ плугахъ и повозкахъ, заявилъ, что въ ихъ странѣ убивать своего „вѣрнаго слугу“ считается черной неблагодарностью, на которую индусъ не пойдетъ даже для того, чтобы накормить своихъ голодныхъ дѣтей.

Опытъ такихъ странъ показываетъ, что намъ нечего бояться чрезмѣрнаго размноженія домашнихъ животныхъ; но возможно, что придется отказаться отъ ихъ усиленнаго размноженія, которое практикуется на скотныхъ дворахъ, гдѣ европейцы воспитываютъ домашнихъ животныхъ для того, чтобы убивать ихъ для своего стола.

V. Можно ли отнестись съ довѣріемъ къ книгѣ Брандлеръ-Прахта „Оккультизмъ“ и къ лекціямъ по гипнотизму Нью-Іоркскаго института Знаній?

Отв. Въ книгѣ Брандлера-Прахта есть много хорошихъ страницъ, но есть и такія, которыя для теософа непріемлемы. Что касается до Нью-Іоркскаго института Знаній, то они носятъ на себѣ характеръ денежной спекуляціи, которая не можетъ внушать довѣрія.

VI. Буду ли я воплощаться одновременно съ тѣми, кого я люблю, и какъ мнѣ узнать ихъ?

Отв. Чѣмъ искреннѣе и глубже любовь, соединяющая двухъ людей, тѣмъ больше шансовъ на одновременное воплощеніе. Пока человѣкъ еще не въ состояніи вспоминать свои прежнія воплощенія, узнать любимаго друга можно по той необъяснимой внезапной симпатіи, которую мы иногда испытываемъ съ перваго дня знакомства къ нѣкоторымъ людямъ.

VII. Препятствовать воплощеніямъ — грѣхъ. А аскетизмъ есть препятствіе къ воплощенію тѣхъ, которые могли бы родиться у аскета.

Отв. Если имѣть въ виду не фанатика, а духовнаго аскета, живущаго въ постоянномъ общеніи съ высшимъ міромъ, то онъ полезенъ человѣчеству совершенно иначе, чѣмъ обыкновенный человѣкъ. Сильныя, свѣтлыя и чистыя вибраціи его внутренней жизни дѣйствуютъ поднимающимъ и оздоравливающимъ образомъ на окружающую среду, и его духовныя силы принесутъ міру гораздо больше блага, чѣмъ готовность содѣйствовать размноженію людей, для чего желающихъ найдется всегда съ избыткомъ.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**